БЕЛОВ

ОБ ИСТОРИЧЕСК
ЗНАЧЕНИИ РУССК
БОЯРСТВА
17 ВЕК

Т 32
160

Т 32/160

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ

РУССКАГО БОЯРСТВА

ДО КОНЦА XVII ВѢКА.

13

Е. А. Бѣлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатеринин. кан., д. № 78.
1886.

2007081186

I.

Дружинный элементъ до начала Москвы и московское боярство до Ивана Грознаго.

Всѣ явленія русской исторіи объяснялись просто, пока въ наукѣ безраздѣльно царилъ авторитетъ историографа Карамзина. Всѣ явленія объяснялись положеніемъ, высказаннымъ историографомъ въ началѣ его труда: „Начало русской исторіи представляетъ намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный случай: славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе, и въ Россіи, съ общаго согласія, вводится самовластіе, отъ котораго другіе народы отбивались“ (Ист. Г. Р. т. I, гл. IV). Подводя подъ это положеніе весь ходъ русской исторіи, приходилось явленія новгородской исторіи объяснять Ярославовыми грамотами, ужасы временъ Грознаго—мелкими событіями: болѣзнью его послѣ Казанскаго похода и смертію Анастасіи Романовны, будто бы послѣ этой смерти въ Іоаннѣ произошла перемѣна къ худшему. Русская исторія, такимъ образомъ, подъ перомъ Карамзина и его школы, явилась въ формѣ исторіи чисто восточнаго, азіатскаго народа, исторіей безъ всякаго измѣненія внутренняго строя общественнаго быта.

Но уже въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія замѣчено было нѣкоторыми изслѣдователями нашими, что наша исторія носитъ печать исторіи европейскаго народа и представляетъ, какъ и всѣ исторіи европейскихъ народовъ, видоизмѣненія формъ обществен-

наго быта. Труды Кавелина и Соловьева въ основѣ поколебали зданіе, построенное Карамзинымъ. Со второй половины пятидесятыхъ годовъ появленіе трудовъ Н. И. Костомарова внесло въ изученіе русской исторіи новое оживленіе. Назвавъ исторію до-московской Руси временемъ удѣльно-вѣчеваго уклада, онъ этимъ названіемъ указалъ исходную точку своего воззрѣнія на русскую исторію и далъ понять, что въ этомъ укладѣ князья и городскія вѣча играли одинаково важную роль. Изъ трудовъ Кавелина, Соловьева, Костомарова стало ясно до очевидности, что не возможнаго чуда или, лучше сказать, исторической уродливости въ видѣ внезапнаго возникновенія государственнаго строя съ призваніемъ Рюрика у насъ не было; выяснилась необходимость изслѣдовать, подъ какими условіями развился нашъ государственный строй. Соловьевъ главнымъ двигателемъ въ государственномъ нашемъ развитіи выставлялъ родовыя отношенія князей Рюриковаго дома, Кавелинъ — развитіе личности и ея юридическое опредѣленіе, Костомаровъ и В. И. Сергѣевичъ—вѣче и его отношенія къ князю.

Вѣче, по мнѣнію Н. И. Костомарова и въ древнѣйшія, до-княжескія времена не знаменовало какой-нибудь верховной власти, а было только ея выраженіемъ. Вѣчамъ старыхъ городовъ подчинялись пригородныя вѣча, ибо первыя выражали волю всей земли (Новгородской, Суздальской, Полоцкой), а вторыя—только частей этой земли. Профессоръ В. И. Сергѣевичъ, въ своемъ сочиненіи „Князь и вѣче“, точно также вѣчевое начало въ этомъ періодѣ ставитъ краеугольнымъ камнемъ русской исторіи. „Народъ и князь“, говоритъ онъ,—„суть два одинаково существенные элемента — народъ не можетъ жить безъ князя, главную силу котораго составляетъ тотъ же народъ. Вѣче не создано княземъ, оно составляетъ первоначальную форму быта“. Все это, конечно, справедливо; но едва ли можно согласиться, что главную силу князя въ тотъ періодъ составлялъ народъ. Главная сила князя, какъ показываетъ весь ходъ исторіи этого періода, заключалась—за исключеніемъ Великаго Новгорода и Ростова — не въ народѣ, а въ дружинѣ. Дружинныя отношенія давали направленіе нашей исторіи въ кіевскомъ, владимірскомъ и московскомъ ея отдѣлѣ. Притомъ же народъ, въ обширномъ значеніи этого слова, какъ увидимъ далѣе, вызванъ былъ къ жизни поздно, въ эпоху Грознаго и смутнаго времени. На нѣкоторое значеніе дружины указываютъ однако уже Костомаровъ и авторъ книги „Князь и Вѣче“. В. И. Сергѣевичъ даже высоко ставитъ значеніе дружины, старшіе члены которой, по его вы-

раженію, пользовались, независимымъ отъ княжеской службы, положеніемъ, отчего князьямъ приходилось считаться и съ тѣми изъ нихъ, которые не были изъ числа его собственныхъ дружинниковъ (см. стр.356). Но, давши въ исторіи Кіевской Руси первую роль вѣчу вкупѣ съ княземъ и не опредѣливъ различія этой исторіи отъ новгородской, онъ упустилъ изъ виду дѣятельную роль дружины въ нашей исторіи, почему и не всегда правильно толкуетъ факты, въ которыхъ проявлялось значеніе дружинниковъ. Такъ, онъ приводитъ въ примѣръ Андрея Юрьевича, призваннаго владимірцами помимо воли его отца и бояръ его отца. Онъ изгоняетъ этихъ бояръ, вмѣстѣ съ братьями соперниками; значитъ, бояре эти были для него опасны. По нашему мнѣнію, въ этомъ фактѣ слѣдуетъ различать два явленія: 1) владимірцы возстаютъ и противъ воли покойнаго князя, и противъ его дружины, ибо тогда горожане не отдѣляли воли князя отъ воли дружины; 2) призванный ими князь окружаетъ себя новою дружиной, которою владимірцы еще болѣе были недовольны. Отъ этой новой дружины гибнетъ и самъ князь, ибо этотъ князь забылъ, что, по стародавнему обычаю, только съ дружиною онъ долженъ былъ „думать и гадать о земскомъ строѣ и о ратѣхъ“. Это столкновеніе князя и горожанъ съ дружинами — весьма характерное явленіе; оно показываетъ, около какихъ интересовъ съ этихъ поръ двигалась русская исторія. Дружинники всегда и всюду, за исключеніемъ Новгорода, становясь между княземъ и вѣчемъ, фактически сохранили за собою преобладающее вліяніе на дѣла. По смерти Андрея Боголюбскаго происходитъ большой переворотъ, хотя съ виду и мало замѣтный: его преемники, видя, что стародавнія отношенія князей къ дружинѣ ставятъ ихъ въ зависимость отъ послѣдней, ищутъ опоры и противъ старыхъ вѣчевыхъ городовъ, и противъ дружины, въ пригородахъ. На этотъ путь навелъ ихъ самъ Андрей Боголюбскій, избравшій своимъ мѣстопребываніемъ не Ростовъ Великій, а пригородъ Владиміръ. Но это только поворотъ, начало движенія исторіи нашей въ другую сторону, а пока этотъ поворотъ не привелъ князей къ желанной цѣли, къ полновластному обладанію Русскою землей, преобладающее значеніе дружины въ русской исторіи продолжало себя выказывать при каждомъ выдающемся историческомъ фактѣ. Только такимъ преобладаніемъ дружины и возможно объяснить многія явленія въ русской исторіи. Профессоръ Ключевскій, въ своей книгѣ „Боярская дума“, высказался, хотя и съ оговоркою, что государственный строй Московскаго государства былъ аристократическій.

Откуда же такой строй могъ возникнуть, какъ не изъ преобладанія дружинниковъ въ до-московскій періодъ? Въ своемъ трудѣ профессоръ Ключевскій занялся преимущественно видоизмѣненіемъ формъ княжеской думы, мимоходомъ только касаясь политическихъ столкновеній; поэтому онъ и не замѣтилъ, что строй Кіевской Руси уже носилъ также аристократическій характеръ, и придалъ кіевскому вѣчу XI в. болѣе значенія, чѣмъ оно имѣло (см. Боярская Дума, стр. 44 и 45).

Для того, чтобъ найдти твердую опору въ оцѣнкѣ событій древней русской исторіи необходимо сначала указать на противоположность исторіи новгородской вѣчевой Руси и кіевской дружинной.

Вѣче было постояннымъ только къ Новгородѣ, во Псковѣ, да въ Вяткѣ, то-есть, въ этихъ городахъ вѣче было постояннымъ дѣйствующимъ органомъ верховной власти народа. Въ Кіевѣ же и во всей приднѣпровской Руси вѣче хотя иногда и проявляло свое значеніе, но проявляло и могло проявить его только въ выдающихся случаяхъ народной жизни, и то весьма слабо. Въ этомъ пунктѣ различіе исторіи сѣвера и юга до конца XV столѣтія.

Костомаровъ, въ своей статьѣ „О значеніи Великаго Новгорода“, говоритъ, что вѣче, будучи явленіемъ обще-русскимъ, повсемѣстнымъ, во всей полнотѣ проявляло свою власть только въ Новгородѣ; но въ то же время полагаетъ, что это только такъ кажется, ибо новгородскія сказанія дошли до насъ полнѣе. Отчего бы историку не сдѣлать обратнаго предположенія, болѣе вѣроятнаго: если о новгородскомъ вѣчевомъ строѣ сохранилось много извѣстій, о кіевскомъ же мало, то не явный ли это признакъ сильнѣйшаго развитія этого строя въ Новгородѣ? Онъ самъ, однако, видитъ, что тутъ что-то неладно, и на этой же страницѣ (Ист. монографіи, т. III, стр. 336) долженъ былъ противорѣчить только-что высказанному имъ положенію: „Но несомнѣнно“, говоритъ онъ,—„были причины, благопріятствовавшія Новгороду въ сохраненіи его старыхъ славянскихъ началъ преимущественно передъ другими землями“.

Причины эти Костомаровъ находилъ 1) въ томъ, что Новгородъ былъ отдѣленъ болотами и лѣсами отъ остальной Руси, и 2) въ томъ, что на югѣ князья поддерживали себя посредствомъ наемныхъ чужеземцевъ — половцевъ, угровъ, поляковъ. Однако, причины эти не объясняютъ сущности дѣла: болотъ и лѣсовъ было довольно и въ Суздальской землѣ, но отчего и тамъ вѣчевой строй въ Ростовѣ, Суздалѣ былъ силенъ только до Андрея Боголюбскаго? Съ Боголюб-

скаго же онъ становится столь же слабымъ, какъ и въ Кіевской Руси. Только выясненіемъ исторической роли дружины и можно объяснить, почему значеніе вѣчевыхъ собраній умалялось въ томъ или другомъ городѣ; почему эти собранія долѣе держались въ Великомъ Ростовѣ, чѣмъ въ Кіевѣ и еще долѣе въ Великомъ Новгородѣ. Отчего, не смотря на лѣса и болота, послѣ Андрея Боголюбскаго вѣчевыя вотчины начинаютъ падать въ землѣ Суздальской? Новгородъ до конца XV вѣка оставался хранителемъ вѣчеваго начала не только у себя дома, но и во всей Русской землѣ. Палъ Новгородъ, и слѣды вѣчеваго строя изчезли; только въ пригородѣ его, во Псковѣ, прочахнулъ этотъ строй лѣтъ 30 съ небольшимъ. Отъ чего же это зависѣло? Чтобы выяснить хотя до нѣкоторой степени эти вопросы, необходимо вникнуть въ различіе отношеній князя съ дружиною къ сѣверному и къ южному населенію въ древнѣйшій періодъ русской исторіи.

Призваны были ильменскими славянами дружины, или пришли завоевателями, но въ Новгородской землѣ дружины и князья ихъ не усидѣли долго, и полубаснословная хронологія первоначальной русской исторіи съ преданіями о Вадимѣ даетъ понять, почему пришельцы не ужились съ туземцами и были вытѣснены съ сѣвера и утвердились на югѣ, въ Кіевѣ, подчинивъ себѣ кривичей полоцкихъ и земли другихъ славянъ по теченію Днѣпра и его притоковъ. Владычеству баснословнаго Рюрика лѣтописецъ отводитъ всего двадцать лѣтъ; съ дружинами варяговъ—руси и словянъ ильменскихъ—Олегъ идетъ на югъ, покоряетъ Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ, заставляетъ сѣверянъ, радимичей, вятичей и примученныхъ древлянъ платить дань варяго-руси.

Что же лѣтопись говоритъ въ это время о Новгородѣ? „И устави варягомъ дань даяти отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ“. Вотъ первый договоръ новгородцевъ съ князьями, установленный по лѣтописи въ 882 году. До 970 года о Новгородѣ и рѣчи нѣтъ. Это молчаніе даетъ намъ полное право думать, что договоръ соблюдался и все было покойно. Въ этомъ году Святославъ роздалъ удѣлы сыновьямъ Ярополка посадилъ въ Кіевѣ, Олегу отдалъ Древлянскую землю Новгородцы просятъ и себѣ князя. Святославъ даетъ характеристическій отвѣтъ: „абы кто къ вамъ шелъ“. Новгородцы и тогда пригрозили: „аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя себѣ“. Владиміръ сталъ княземъ въ Новгородѣ. Событія на югѣ въ княженіе Ярополка заставили Владиміра бѣжать за море къ варягамъ, откуда

онъ, съ нанятыми дружинами, въ 980 году является въ Новгородѣ. Варяги наняты были, безъ сомнѣнія, спеціально для борьбы съ югомъ, что логически вытекаетъ изъ послѣдующихъ событій. Варяги идутъ на югъ со славянами (ильменскими), кривичами, чудью и, завоевавъ Кіевъ, говорятъ Владиміру, что городъ ихъ, и что имъ слѣдуетъ получить окупъ по двѣ гривны на человѣка. Здѣсь вполнѣ выражается характеръ отношеній наемныхъ дружинъ къ новгородцамъ, основанныхъ на договорѣ. Договорныя отношенія новгородцевъ къ наемнымъ дружинамъ, изгнанія ихъ, безъ сомнѣнія, не разъ повторявшіяся, лучше всего объясняются лѣтописнымъ извѣстіемъ подъ 1015 годомъ: „Варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородцемъ и вставъше нань новгородци, избиша варягы". Такъ бывало, конечно, и прежде: или избиша, или изгнаша притѣснителей. Ярославъ мститъ новгородцамъ; но когда ему грозитъ опасность, они берутъ его сторону. Изъ этихъ фактовъ ясно, что новгородцы просятъ себѣ отдѣльнаго князя, какъ только при Святославѣ началось раздѣленіе Русской земли на княжества, дабы удержать во всей силѣ договоръ, заключенный съ Олегомъ—что̀ было бы трудно сдѣлать, если бы Кіевскій князь, управляя Новгородомъ издали, сталъ назначать ему князей по своему̀ произволу. Только этимъ разчетомъ и можно объяснить энергическую помощь, оказанную ими Владиміру и Ярославу. Ярославъ далъ имъ грамоту и сказалъ: „по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ". Изъ послѣдующихъ ссылокъ на эту грамоту, говоритъ С. М. Соловьевъ,—„видно ясно, что она касалась финансовыхъ льготъ и судебныхъ пошлинъ. Эта грамота, по нашему мнѣнію, есть довершеніе и развитіе договора, или устава 882 года. Говоря языкомъ новаго времени, новгородцы установили взиманіе опредѣленныхъ налоговъ, чѣмъ и успѣли сохранить надолго вѣчевой строй своей земли, отстранивъ мелочное участіе княжеской власти въ ея дѣлахъ и не отказываясь брать себѣ князей гдѣ не налѣзутъ".

Съ другой стороны Владиміръ и Ярославъ, побѣдивъ южно-русскихъ князей съ помощью новгородцевъ, нуждались въ нихъ, старались поддержать ихъ расположеніе къ себѣ и къ своему потомству, зная притомъ, что раздражать ихъ опасно. Эту опасность испыталъ прежде всѣхъ внукъ Ярослава, великій князь Святополкъ Изяславичъ, хотѣвшій посадить въ Новгородѣ сына своего, вопреки желанію новгородцевъ. Отвѣтъ новгородцевъ, переданный черезъ пословъ, извѣстенъ: „Се мы, княже, присланы къ тебѣ и рекли намъ тако: не хощемъ Святополка, ни сына его, аще ли двѣ головѣ имѣетъ сынъ

твой, посли и; сего (то-есть, Мстислава, сына Мономаха) ны далъ Всеволодъ, ускормили есмы собѣ князя, а ты еси шелъ отъ насъ". Святополкъ послѣ долгихъ споровъ долженъ былъ уступить.

Только во времена Мономаха и его сына Мстислава подчиненіе Новгорода было сильнѣе, чѣмъ прежде и послѣ до конца XV вѣка. Но уже по смерти Мстислава Владиміровича у новгородцевъ произошло столкновеніе съ великимъ княземъ. Въ 1140 году у великаго князя Всеволода Ольговича его шурья выпрашивали себѣ Новгородъ. Новгородцы дали сильный отпоръ, и Всеволодъ сказалъ шурьямъ: „Новогорода не березета, ать сѣдятъ сами о своей силѣ, кдѣ князя не налѣзуть". Итакъ, всѣ эти факты свидѣтельствуютъ, что Новгородъ, съ самаго начала русской исторіи, сталъ въ договорныя отношенія къ князьямъ, при чемъ ясна и сущность договоровъ—давать опредѣленные налоги и самимъ выбирать князей, гдѣ не налѣзутъ, то-есть, гдѣ захотятъ, подразумѣвается, не выходя изъ круга потомства св. Владиміра. Что же до половины XII вѣка дѣлалось въ Приднѣпровьѣ?

Въ тотъ періодъ времени, который, обыкновенно, называется доваряжскимъ, когда ильменскіе славяне то призывали, то изгоняли варяговъ, южные собратья ихъ очутились подъ властью хозаръ. Замѣчательно, что начало владычества князей-варяговъ на югѣ совпадаетъ съ сильнымъ упадкомъ могущества Хозарскихъ кагановъ, вслѣдствіе ударовъ, нанесенныхъ ихъ державѣ печенѣгами, которые съ Русью столкнулись впервые только при Игорѣ. Славянское Приднѣпровье сильно было подавлено хозарами; почему поляне, сѣверяне, радимичи, вятичи, платившіе дань хозарамъ, безпрекословно подчинились Олегу; для нихъ это подчиненіе было только смѣною господъ. Другое дѣло — древляне, уличи, тиверцы, не признававшіе дотолѣ ничьей власти: ихъ нужно было примучивать, чтобы покорить. Среднее Приднѣпровье всегда было путемъ, черезъ который народы Азіи и восточной Европы шли на западъ, и жителямъ этой части Приднѣпровья приходилось то и дѣло повиноваться чужимъ народамъ, какъ напримѣръ, обрамъ въ VII вѣкѣ; въ VIII и въ началѣ IX вѣка обровъ замѣнили хозары. Привыкши, безъ сомнѣнія, въ продолжительный періодъ времени къ повиновенію хозарамъ и другимъ народамъ, они въ IX в. безпрекословно подчинились также и новой власти. Итакъ, на сѣверѣ—призывъ, договоръ, на югѣ—завоеваніе, безусловная покорность.

До самой смерти Ярослава I Владиміровича, то-есть, до 1054 г.,

вѣче въ приднѣпровской Руси ни разу не проявляло своей самостоятельной дѣятельности. Нельзя же за что-нибудь считать, напримѣръ, Бѣлгородское вѣче, если, за исключеніемъ разказа о колодцѣ съ сытою, и признать его за историческій фактъ. Дѣйствія Святополка Владиміровича показываютъ отсутствіе всякаго значенія кіевскаго вѣча. Святополкъ Владиміровичъ, начиная борьбу съ братьями, обратился только къ кіевскимъ боярамъ съ вопросомъ: „Примете ли меня всѣмъ сердцемъ?“ А, избивъ братію, онъ относительно горожанъ считалъ достаточнымъ подарки, раздавая „овѣмъ корьзны, а инымъ кунами“ и роздалъ множество,

Въ Новгородѣ Ярославъ при всякомъ случаѣ обращается къ вѣчу, въ Кіевѣ Святополкъ и не подумалъ созывать вѣча. Пожалуй, возразятъ, что Святополкъ боялся его неодобренія? Но если бы вѣче имѣло въ Кіевѣ такое же значеніе, какъ въ Новгородѣ, то онъ не посмѣлъ бы и дѣйствовать безъ его согласія, заручившись только согласіемъ бояръ.

Въ этотъ періодъ времени, съ конца IX по вторую половину XII вѣка, князь и дружина въ Кіевской Руси были единственными двигателями событій, при чемъ рѣшающій голосъ въ случаяхъ, выходящихъ изъ ряду вонъ, принадлежалъ дружинѣ, какъ видно изъ вопроса Святополка и изъ отношеній къ дружинѣ Владиміра Святославича. Позволимъ себѣ сравненіемъ изъ исторіи западныхъ народовъ объяснить различіе въ исторіи сѣверной и южной Руси. Франки, утвердившись въ Галліи, налегли на ея народонаселеніе всею тяжестью дикой и неукротимой энергіи. Галльское населеніе несло всю тяжесть порабощенія, ибо въ долгій періодъ римскаго владычества привыкло къ рабству и отучилось владѣть оружіемъ. Въ Англіи французскіе норманны покорили народъ, у котораго были безпорядки въ управленіи, но народъ мужественный, съ которымъ пришлось обходиться осторожнѣе. Черезъ полтораста лѣтъ послѣ покоренія приходилось по немногу снимать оковы съ этого народа. Приднѣпровскіе поляне напоминаютъ галловъ, ильменскіе славяне—англосаксовъ. Вѣроятно, варяги, вольные дружинники, пираты Балтійскаго поморья, не разъ пытались покорять Новгородъ, но всегда безуспѣшно, и Новгородъ, призвавъ къ себѣ на службу одну изъ такихъ дружинъ и сдѣлавъ нѣкоторыя уступки, сохранилъ свой старо-славянскій бытъ и не далъ дружинѣ взять перевѣсъ надъ вѣчемъ. Жители Приднѣпровья, энергія которыхъ обезсилена была аварскимъ и хозарскимъ игомъ, должны были подчиниться перевѣсу дружинни-

ковъ. Возстаніе кіевлянъ при Изяславѣ Ярославичѣ, послѣ пораженія Русскихъ князей половцами, весьма характеристично. Испугавшись половцевъ, они требуютъ отъ князя оружія, изгоняютъ его, садятъ на кіевскій столъ Всеслава Полоцкаго, и когда Изяславъ изгоняетъ послѣдняго и мститъ, кіевляне грозятъ бѣжать въ Грецію, если братья Изяслава не заступятся за нихъ. Мстиславъ, сынъ Изяслава, страшно свирѣпствуетъ въ Кіевѣ, казнитъ смертію, ослѣпляетъ лучшихъ людей—гдѣ же вѣче? Только заступничество Святополка и Всеволода Ярославичей заставляетъ Изяслава покинуть Кіевъ. Князья и дружина играютъ здѣсь дѣятельную роль, горожане—пассивную. У кіевлянъ не оказалось даже оружія, когда оно потребовалось для самозащиты отъ половцевъ, послѣ пораженія князей. Какъ же безоружный народъ могъ сохранить свободу? Но изгнаніе Изяслава Ярославича, призывъ Вячеслава Полоцкаго развѣ не свидѣтельствуютъ о самостоятельности роли кіевлянъ? Нѣтъ, нисколько не свидѣтельствуютъ, эти факты свидѣтельствуютъ можетъ быть только о желаніи возвратить самостоятельность вѣчу. Уже одно отсутствіе оружія у народа XI вѣка не свидѣтельствуетъ о его свободѣ; этотъ безоружный народъ и изгоняетъ безоружнаго, потерявшаго дружину князя, который, собравшись съ силами, мститъ жестоко. По смерти Всеволода, кіевляне зовутъ Мономаха, зная его силу; по смерти Святополка Изяславича снова его призываютъ, зная что Мономахъ не дастъ занять Кіевскій столъ Олегу Святославичу. Въ княженіе Игоря Ольговича кіевское вѣче призываетъ Изяслава Мстиславича, но тутъ оно опирается и на черныхъ клобуковъ, и на остатки старой кіевской дружины; оно увѣрено, что Мономаховичи сильны. Въ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ Юріемъ Долгорукимъ кіевское вѣче играло болѣе чѣмъ пассивную роль.

Профессоръ Сергѣевичъ говоритъ, что извѣстія о вѣчевыхъ собраніяхъ Новгорода, Кіева и Пскова такъ не рѣдки, что онъ не счелъ нужнымъ приводить ихъ (Князь и вѣче, изд. 1867 года, стр. 19, въ примѣчаніи). Но часты ли эти вѣча были въ Кіевѣ, имѣли ли они такую же силу, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ? Вотъ кіевскія вѣча съ 983 по 1169 годъ: Въ 983 году старцы (городскіе) и бояре требуютъ принесенія идоламъ человѣческой жертвы; въ 987 году Владиміръ совѣщается съ боярами и старцами городскими о принятіи христіанской вѣры; въ 1024 году кіевляне не приняли Мстислава Тмутараканскаго; въ 1068 году кіевляне сотворили вѣче и требовали отъ князя оружія; въ 1113 году по смерти Святополка Изяславича

кіевляне сотворили вѣче и призвали Мономаха, ограбивъ дворъ тысяцкаго Путяты и жидовъ; въ 1146 году кіевляне призываютъ Изяслава, въ 1147 году отказались поднять руки, то-есть идти за нимъ противъ его дяди, Юрія; въ томъ же году кіевское вѣче охотно даетъ помощь противъ Ольговичей, результатомъ этого вѣча была смерть Игоря Ольговича. Итого восемь вѣчевыхъ сходокъ, считая тутъ и совѣщанія съ боярами, и съ городскими старцами отъ 983 по 1169 годъ, то-есть, въ продолженіе 186 лѣтъ. Почти на четверть вѣка приходится по одному собранію во сто-восьмидесяти-шести-лѣтній періодъ, названный кіевскимъ. Изъ этихъ восьми собраній на пять кіевляне собрались по своей волѣ, на три были призваны; и тѣ, и другія вѣча вызваны были выходящими изъ ряда вонъ событіями.

Положимъ, наши лѣтописи скупы на извѣстія; но если бы вѣча въ Кіевѣ собирались чаще, были бы заурядным явленіемъ, то лѣтописецъ упомянулъ бы хотя о нѣкоторыхъ вѣчевыхъ собраніяхъ, кромѣ названныхъ. Только два раза кіевское вѣче призывало князя, въ первый разъ—сильнаго Мономаха, зная слабость его соперниковъ, въ другой разъ—его внука Изяслава, зная силу Мономаховичей. Ниже мы еще остановимся на этихъ двухъ вѣчахъ, въ которыхъ преобладающимъ чувствомъ является вражда противъ дружины.

Сильное преобладаніе дружины на югѣ Руси въ первый періодъ русской исторіи придало характеру этой исторіи аристократическій оттѣнокъ. Костомаровъ, говоря о различіи между поляками и южно-руссами, выражается слѣдующимъ образомъ: „Поляки и южно-руссы—это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противоположно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начало панства, другіе—мужицства, или, выражаясь словами общепринятыми—одинъ народъ глубоко-аристократическій, другой глубоко-демократическій. Но эти термины не совсѣмъ подходятъ подъ условія нашей исторіи и быта то -есть, южно-русскихъ), ибо какъ польская аристократія слишкомъ демократична, такъ, на оборотъ, аристократична южно-русская демократія“ (Монографіи, изд. 72 г. т. I, стр. 107).

Оставляя открытымъ вопросъ о фиктивной демократичности польской аристократіи, можно думать, что источникъ такъ-называемой Костомаровымъ южно-русской аристократичности восходитъ до временъ дружинно-вѣчевыхъ. Дружина всегда была сильна на югѣ. Русскіе князья въ первый періодъ русской исторіи были исключительно вождями дружинъ. Игорь, Святославъ, да и Владиміръ дружиною и съ дружиною только и жили. Владиміръ и говорилъ: „Среб-

ромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко дѣдъ мой и отецъ мой". Его сынъ, Мстиславъ Владиміровичъ, послѣ битвы при Лиственѣ говоритъ: „Кто сему не радъ? Се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, се своя дружина цѣла". Мстиславу Изяславичу дружина говоритъ: „Князь, тебѣ безъ насъ нельзя ничего ни замыслить, ни сдѣлать"; а сыну его Владиміру Мстиславичу: „Ты самъ собою это, князь, замыслилъ, такъ мы не ѣдемъ за тобою, мы ничего не знали".

Кіевскій періодъ русской исторіи—по преимуществу дружинный или, говоря языкомъ новаго времени, аристократическій. Значеніе князя обусловливалось значеніемъ дружины; въ городахъ Приднѣпровья, и даже въ самомъ Кіевѣ, вѣче только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, изрѣдка, выступало въ роли дѣятеля сомнительной самостоятельности [1]).

Въ княжескихъ ссорахъ и усобицахъ дружина имѣла преобладающее значеніе съ самой первой усобицы сыновей Святослава Игоревича при Святополкѣ Изяславичѣ кровавое дѣло—ослѣпленіе Василька—дѣло дружины, и Давидъ Игоревичъ игралъ только роль орудія въ ея рукахъ. Только два обстоятельства помѣшали на югѣ образованію или одной дружинной (шляхетской) республики, или союзу такихъ республикъ: вопервыхъ, перенесеніе во Владиміръ на Клязьмѣ стола могущественнѣйшею отраслью дома Мономаха, и вовторыхъ, нашествіе татаръ.

Галицкіе Ростиславичи испытали всю тягость борьбы съ дружиною. Бояре, дружинная старшина заставили даже такого могущественнѣйшаго князя, какъ Ярославъ Осмомыслъ, подчиниться ихъ волѣ, не говоря о слабомъ сынѣ его, Владимірѣ. Борьба Романа Мстиславича съ галицкимъ боярствомъ ослабила это сословіе, но не сокрушила его, да и ослабила только въ одной части юго-западной Руси. Дружина на югѣ была сильна съ самаго появленія ея на сценѣ исторіи или, лучше сказать, она-то и дѣлала исторію; безъ нея „ничто же бысть", и важнѣйшій фактъ кіевскаго періода—принятіе христіанства—рѣшенъ былъ только по совѣту и съ согласія дружины. Владиміръ былъ ревностнымъ язычникомъ, когда его дружина состояла изъ суровыхъ

---

[1]) Дружина въ этотъ кіевскій періодъ также преобладала надъ вѣчемъ, какъ впослѣдствіи казачество надъ поспольствомъ; старшина же казацкая, стремившаяся подчинить себѣ, поработить и поспольство, и казачество, изъ котораго вышла сама, это—старшіе дружинники, прошедшіе политическую школу Рѣчи Посполитой.

язычниковъ сѣвера; съ этою дружиной онъ далъ перевѣсъ языческому элементу въ Кіевѣ, въ угоду ей приносилъ богамъ человѣческія жертвы. Когда же христіанскій элементъ проникъ въ дружину, Владиміръ повелъ рѣчь о перемѣнѣ вѣры. Не нужно забывать мнѣнія Владиміра о дружинѣ и его мягкаго характера, по которому инициатива дѣла никогда не бывала въ его рукахъ. Притомъ же вездѣ христіанство принимали сначала дружинники, дружина увлекала вождей. Наша исторія не можетъ въ этомъ расходиться съ исторіей другихъ христіанскихъ народовъ. Явленіе это имѣетъ раціональную основу: подвижные дружинники, встрѣчавшіеся въ своихъ походахъ съ людьми разныхъ вѣръ, много видѣвшіе, гораздо прежде остальнаго народа теряли вѣру въ туземныхъ боговъ: это въ природѣ вещей. Столкновенія же съ иновѣрцами были часты, если мы примемъ во вниманіе, что въ ту пору трудно отличить дружинника отъ купца, который велъ заграничную торговлю, и наши гречники, купцы, торговавшіе съ Греками, безъ сомнѣнія, были купцы и дружинники въ одно и то же время. Мнѣніе Погодина, что наши города, особенно южно-русскіе, населены были дружинниками, стоитъ обстоятельнаго изслѣдованія.

Значеніе дружины въ русской исторіи сдѣлается наглядным̀ъ, если возьмемъ во вниманіе, что и нашъ древній эпосъ (нынѣ искаженный), и наша древняя бытовая поэзія (тоже искаженная)—произведенія, по преимуществу, дружинныя.

Все сказанное здѣсь даетъ намъ полное право отрицать вліяніе Угріи и Польши на южную Русь въ развитіи сильнаго значенія дружины. До XIII вѣка включительно Угрія, Польша и Русь самостоятельно развивались на началахъ весьма близкихъ. Въ XII и XIII вѣкахъ въ Польшѣ происходило полное разложеніе княжеской власти, въ Угріи такое же разложеніе королевской власти закончилось компромиссомъ въ началѣ XIII вѣка—золотою буллою короля Андрея; въ Руси на югѣ попытка Романа Мстиславича поднять княжескую власть кончилась съ его смертію; на сѣверѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ первыя попытки усилить княжескую власть были сначала неудачны, а потомъ весьма робки. Припомнимъ, что̀ дружина говорила Мстиславу Изяславичу, сопернику Андрея Боголюбскаго: „Тебѣ, князь, безъ насъ ничего нельзя замыслить“. Слова эти вполнѣ выражали воззрѣнія дружинниковъ на отношенія ихъ къ княжеской власти.

Чтобъ уяснить преобладающее вліяніе дружины на югѣ, взглянемъ на характеръ двухъ вѣчевыхъ собраній въ Кіевѣ, призвавшихъ на великокняжескій столъ Мономаха и Изяслава. Вѣче 1113 года было

бурно, кіевляне разграбили домъ тысяцкаго Путяты, пограбили жи довъ которымъ покровительствовалъ Святополкъ Изяславичъ, пограбили, послѣднихъ за тяжелые проценты; послы кіевлянъ говорятъ Мономаху, что если онъ не приметъ кіевскаго стола, то пограбятъ бояръ и монастыри. Явно, куда было направлено народное негодованіе—на все сильное и богатое. Сильное—это дружинники, бояре, богатое—жиды и монастыри. Хищничество дружинъ съ трудомъ могъ сдерживать и сильный князь; а такой слабый князь, какъ Святополкъ, ничего не могъ сдѣлать. Зная отношенія Ольговичей къ половцамъ, можно навѣрно сказать, что̀ большинство ихъ дружинъ состояло изъ хищныхъ кочевниковъ, что̀ и заставило Кіевлянъ призвать Мономаха—дѣятельнаго, смѣлаго и правдиваго. Сами они съ дружинниками справиться не могли. Еще болѣе ненависть къ дружинѣ проявилась въ 1146 и 1147 годахъ. Когда призванный ими Изяславъ звалъ ихъ на Ольговичей, кіевляне говорили: „мы вѣдаемъ, оже не кончати добромъ съ тѣмъ племенемъ ни вамъ, ни намъ коли-либо“. Засимъ послѣдовало убійство Игоря Ольговича, именно потому, что кіевляне боялись торжества его родственниковъ, особенно новаго вокняженія Игоря, ибо въ 1146 году кіевляне съ Изяславомъ разграбили дома, села дружинниковъ Всеволода и Игоря Ольговичей. На югѣ дружина была такъ сильна, что князья для противодѣйствія ей искали иногда опоры и въ вѣчѣ. Такъ поступалъ Даніилъ Галицкій.

Такимъ образомъ, въ кіевскій періодъ русской исторіи во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни на первомъ планѣ стоитъ дружина. Идетъ ли дѣло о перемѣнѣ вѣры, князь совѣтуется съ дружиною, задумалъ ли князь походъ, онъ долженъ совѣтоваться съ дружиною,—иначе она скажетъ: иди одинъ, ты насъ не спрашивалъ; въ самыхъ усобицахъ княжескихъ и тамъ дружина на первомъ планѣ. Это могущество дружины и заставило властительнаго князя, Андрея Боголюбскаго, перенести свое мѣстопребываніе на сѣверъ, въ Ростовскую область, гдѣ онъ надѣялся дать перевѣсъ княжеской власти. Громадное историческое значеніе переселенія князя Андрея Юрьевича во Владиміръ на Клязьмѣ глубже и основательнѣе всѣхъ оцѣнилъ С. М. Соловьевъ, въ своей „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ (т. II, стр. 235); онъ говоритъ: „Этотъ поступокъ Андрея былъ событіемъ величайшей важности, событіемъ поворотнымъ, отъ котораго исторія принимала новый ходъ, съ котораго начинался на Руси новый порядокъ вещей“. Это не было перенесеніемъ столицы изъ одного мѣста въ другое, потому что на Руси не было единаго госу-

даря. Въ чемъ же состоитъ, по мнѣнію нашего историка, величайшая важность этого событія? Вопервыхъ, въ томъ, что самый старшій и самый могущественный князь ушелъ на дальній сѣверъ, не хочетъ жить въ Кіевѣ, который остался (позволимъ себѣ добавить—номинально) старшимъ городомъ Русской земли. Вовторыхъ, въ томъ, что Суздальская земля обособилась, но не такъ, какъ обособились волости Галицкая, Полоцкая, Рязанская, Городенская, Туровская, которыя обособились вслѣдствіе изгойства князей; она обособилась, когда въ главѣ ея стоялъ князь, считавшійся первымъ, старшимъ въ цѣломъ родѣ княжескомъ. Въ силу такихъ обстоятельствъ великій князь, живущій во Владимірѣ на Клязьмѣ, является внѣшнею силой, тяготѣющею надъ южною Русью, силой отдѣльною, независимою, и сознаніе этой особенности, независимости и силы побуждаетъ его перемѣнить обращеніе со слабѣйшими младшими князьями (тамъ же, стр. 237). Намъ кажется только, что историкъ мало даетъ мѣста сознательности въ дѣйствіяхъ Андрея, сила Суздальской области какъ бы влечетъ Андрея на борьбу съ княжескими претензіями, на борьбу съ дружинными и вѣчевыми порядками. Конечно, не Андрей создалъ силу Суздальской земли, но онъ глубоко-сознательно воспользовался этою силой для своихъ цѣлей. Онъ перемѣнилъ обращеніе не только съ князьями, но и съ вѣчевыми городами и съ дружиною. Онъ началъ энергическую, сознательную борьбу съ самымъ сильнымъ представителемъ вѣчеваго уклада, съ Новгородомъ Великимъ. Перемѣна обращенія съ дружиною на долго пріостановилась смертію Андрея Боголюбскаго Такъ начался новый періодъ русской исторіи. Андрей думалъ, что удаленіемъ на сѣверъ онъ спасся отъ старыхъ дружинныхъ притязаній, и тѣмъ болѣе въ этомъ былъ увѣренъ, что дружину, какъ видно изъ именъ нѣкоторыхъ его дружинниковъ, онъ набиралъ изъ пришлыхъ, инородныхъ элементовъ: Андрей Боголюбскій упустилъ однако изъ виду, что закваска-то въ дружинѣ осталась южно-русская. Такъ одинъ изъ главныхъ бояръ Андрея Боголюбскаго, Борисъ Жидиславичъ, былъ внукъ Славяты, который служилъ Святополку Изяславичу, въ 1095 году участвовалъ въ избіеніи половцевъ въ Переяславлѣ (см. „Боярская Дума древней Руси“ В. Ключевскаго, стр.184). Не одинъ же только внукъ Славяты пришелъ на сѣверъ съ Андреемъ Боголюбскимъ или съ его отцомъ.

Дружина избавилась отъ властительнаго Андрея тайнымъ убійствомъ, совершеннымъ заговорщиками. Это показываетъ, что дружина на сѣверѣ съ начала владимірскаго періода была не такъ

еще сильна, какъ на югѣ; она еще не успѣла на новомъ мѣстѣ на столько сплотиться, чтобы сказать князю: ты то или другое безъ насъ задумалъ, безъ насъ и дѣлай. Лѣтописецъ выставляетъ Анбала Моисича, родственниковъ Андрея Кучковичей, всего 20 человѣкъ, главными двигателями заговора. Но дѣло выясняется положеніемъ, въ какое стали дружина и города къ братьямъ Андрея. Ростовцы, главные вѣчники въ Ростовской землѣ, суздальцы и переяславцы, то-есть, представители второстепенныхъ вѣчевыхъ городовъ и дружина отъ мала до велика съѣхались во Владимірѣ на Клязьмѣ и сказали: „Дѣлать нечего, такъ случилось, князь нашъ убитъ, сынъ его въ Новгородѣ, братья на Руси, пошлемъ въ Рязань за Мстиславомъ и Ярополкомъ Ростиславичами, то-есть, за племянниками Андрея“. Ясно, что и дружина, и вѣчники, отстранявшіе сына и братьевъ Андрея и звавшіе Ростиславичей, если не участвовали въ заговорѣ, то сочувствовали ему, что̀ видно изъ словъ, обращенныхъ къ Ростиславичамъ: „Вашъ отецъ добръ былъ, когда жилъ у насъ: поѣзжайте къ намъ княжить, другихъ не хотимъ“. Значитъ, отъ другихъ не ожидали, что они будутъ добры. Что̀ отвѣчаютъ Ростиславичи? „Помоги Богъ дружинѣ, что не забываютъ любви отца нашего“. Итакъ, и здѣсь на первомъ планѣ дружина, интересы которой на сей разъ сошлись съ интересами вѣчевыхъ городовъ. Племянники, то-есть, Ростиславичи, взяли съ собою и братьевъ Андрея, Михаила и Всеволода, признавъ старшинство Михаила, чѣмъ сильно недовольны были ростовцы. Владимірцы приняли Михаила; но ростовцы и суздальцы грозились сжечь Владиміръ и послать посадника къ владимірцамъ, своимъ холопамъ- каменьщикамъ. Они силою заставили владимірцевъ принять Ростиславичей. Ростиславичи не усидѣли воВладимірѣ, ихъ изгнали; и владимірцы снова, вопреки ростовцамъ и суздальцамъ, призвали Михаила, отстояли его, а по смерти его призвали Всеволода Юрьевича. Владимірцы присягнули не только Всеволоду, но и дѣтямъ. Здѣсь, для уясненія дѣла, слѣдуетъ указать на разницу между кіевлянами и владимірцами. Соловьевъ по поводу этой разницы коротко замѣчаетъ: „Значитъ, не боятся, подобно кіевлянамъ, переходить по наслѣдству отъ отца къ сыну“. Не только не боятся, скажемъ мы, но желаютъ. Вопросъ только—почему? Кіевляне призывали Мономаха и потомъ Изяслава, дабы избавиться отъ притѣсненія дружинниковъ предыдущихъ князей; они могли сказать: не хотимъ переходить къ Ольговичамъ точно по наслѣдству; кіевляне не сладили съ дружинами князей, вѣче ихъ давно было стѣснено

дружинниками, а дружины Ольговичей были, конечно, и грубѣе, и жаднѣе дружинъ Мономаховичей. Владимірцы же боялись не дружинниковъ, а старыхъ вѣчниковъ—ростовцевъ и суздальцевъ, считавшихъ ихъ своими холопами. Отъ этого холопства они хотѣли избавиться при помощи князей. Всей важности послѣдствій своего дѣла, конечно, они предвидѣть не могли.

Для уясненія этого событія и взаимныхъ отношеній старыхъ городовъ и пригородовъ во владимірскомъ періодѣ русской исторіи, остановимся на одномъ мѣстѣ лѣтописи, изъ котораго ясно, что мнѣніе Соловьева о борьбѣ старыхъ городовъ и пригородовъ не гипотеза, какъ говорятъ нѣкоторые изслѣдователи, а положительный фактъ.

Возьмемъ означенное мѣсто по Лаврентіевскому списку. Подъ 1176 г. въ этомъ спискѣ читаемъ слѣдующее: „Михалко же, собратомъ своимъ Всеволодомъ, пріѣхавъ Володимірю... и бысть радость велика в Володиміри градѣ, видяще у собе великаго князя всея Ростовьскиа земли“. Лѣтописецъ восхваляетъ жителей Владиміра за то, что они, надѣясь только на заступничество Божьей Матери и на свою правду, не убоялись князей Мстислава и Ярополка Ростиславичей и боляръ ихъ (то-есть, бояръ Ростиславичей) прѣщенья ни во что же положиша. По поводу такого поведенія жителей Владиміра, лѣтописецъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Новгородцы бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане и вся власти яко же на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумають, на томь же пригороди стануть; а здѣ (то-есть, въ этомъ случаѣ) городъ старый Ростовъ и Суждаль и вси боляри хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья, но како намъ любо, рекоша, такоже сотворимъ, Володимерь есть пригородъ нашь“. Свою мысль лѣтописецъ еще яснѣе высказываетъ далѣе: „исповѣдаю ти ся, Отче, Господи небеси и земли, яко утаилъ еси отъ премудрыхъ и разуменъ открылъ еси младенцемъ. Тако и здѣ (то-есть, въ этомъ случаѣ): не разумѣша правды Божья исправити Ростовци и Суждалци давнии, творящися старѣйшии; новіи же людье мѣзинии Володимерьстии, уразумѣвше, яшася по правъду крѣпко и рекоша вси собѣ: любо Михалка князя собѣ налѣземъ и брата его Всеволода, а любо головы своѣ положимъ за святую Богородицу и за тые князи“ и проч. Мы привели это мѣсто изъ лѣтописи почти цѣликомъ, добавивъ несущественные пропуски своими словами и по Лаврентьевскому списку, на который ссылается профессоръ Сергѣевичъ, на стр. 19 своей книги „Князь и вѣче“. Это мѣсто лѣ-

тописнаго сказанія и можно вполнѣ понять, только взявъ его цѣликомъ. Г. же Сергѣевичъ приводитъ изъ этого мѣста только слѣдующія слова: „Новгородци бо изначала и Смолняне и Кыяне и Полочане и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся“. На основаніи этихъ словъ онъ строитъ свою систему. Итакъ, говоритъ онъ, по свидѣтельству лѣтописца XII вѣка, во всѣхъ волостяхъ тогдашней Россіи существовалъ старинный обычай сходиться на вѣче, какъ на думу; въ этомъ смыслѣ онъ нисколько не различаетъ Новгорода отъ Смоленска, Кіева, Полоцка, Ростова и всѣхъ другихъ волостей, сколько бы ихъ не было. Мы думаемъ, что весьма различаетъ, и это различіе указано словами, опущенными г. Сергѣевичемъ: на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороди станутъ. Соедините разорванную мысль, и выдетъ, что вѣче имѣло значеніе только въ старыхъ городахъ, какъ Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ; пригороды же должны были повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старыхъ городовъ. Далѣе у лѣтописца его мысль еще яснѣе. Онъ говоритъ, что старый городъ Ростовъ (именно старый), Суздаль и всѣ бояре хотѣли заставить владимірцевъ повиноваться ихъ волѣ, хотяще свою правду поставити на томъ основаніи, что Владиміръ пригородъ Ростова. Лѣтописецъ, противопоставляя правду старыхъ вѣчниковъ и бояръ правдѣ Божьей, называетъ противниковъ города Владиміра развратниками, завидующими городу Владиміру, не хотящими ему добра. Въ словахъ лѣтописца слышится голосъ, враждебный старымъ вѣчникамъ и боярамъ, враждебный ихъ правдѣ и стоящій на сторонѣ князя и, какъ его сторонникъ, на сторонѣ пригородовъ; какъ сторонникъ князя, лѣтописецъ и поучаетъ, что мѣзинии володимерцы уразумѣли Божью правду, то-есть, стали за князя противъ старыхъ городовъ и бояръ. Такъ интересы пригородовъ и поученія духовыхъ лицъ закладывали фундаментъ русскаго единодержавія. Эту борьбу пригороды вели единовременно противъ старыхъ городовъ и противъ бояръ. Старые вѣчники, ростовцы, не хотятъ выпустить изъ рукъ своихъ холоповъ-владимірцевъ, бояре не хотятъ усиленія власти князя черезъ этихъ холоповъ. Суздальцы говорили Михаилу Юрьевичу послѣ его торжества: „Мы, княже, на полку томъ со Мстиславомъ не были; но были съ нимъ бояре; а на насъ лиха сердца не держи, но поѣди къ намъ“. Въ разборѣ отношеній пригородовъ къ старымъ городамъ г. Сергѣевичъ, не уяснивъ себѣ смыслъ борьбы пригородовъ со старыми городами, даетъ вѣчамъ пригородовъ болѣе значенія, чѣмъ они имѣли. Онъ приводитъ факты,

которые, по его мнѣнію, показываютъ сильное значеніе вѣча въ пригородахъ, но которые, по нашему мнѣнію, указываютъ только, что пригороды постоянно волновались противъ власти старыхъ вѣчниковъ, считавшихъ себя издавна властителями пригородовъ; при этомъ, разумѣется, бывали случаи, что пригороды ставили въ опасное положеніе старыхъ вѣчниковъ, когда послѣдніе сами находились въ затрудненіи по какимъ-либо обстоятельствамъ. Такъ, на стр. 94 г. Сергѣевичъ говоритъ: въ 1229 году новгородцы посылаютъ въ Торжокъ на посадничество Иванку Дмитріевича, новоторжцы его не приняли. Они допускаютъ отмѣну ихъ вѣча пригороднымъ приговоромъ, не желая предпринимать похода. Дѣло-то въ томъ, что въ 1229 году въ Новгородѣ были смуты, даже Волховской мостъ былъ разрушенъ, въ окрестностяхъ Селигера грабили Литовцы. Что же мудренаго, что новгородцы, не имѣя въ данную минуту возможности усмирить пригородъ, согласились на отмѣну приговора своего вѣча? Можно ли изъ подобныхъ фактовъ выводить что-нибудь о правахъ пригородныхъ вѣчъ?

Въ исторіи Венеціи былъ такой случай: Въ 1508 г., когда Французскій король Людовикъ XII дошелъ до лагунъ, то республика спаслась актомъ великой мудрости: она вызвала свои войска изъ пригородовъ и разрѣшила ихъ отъ присяги. Пригороды остались вѣрны республикѣ. Изъ такихъ обращиковъ политической мудрости исторія права ничего не можетъ извлечь, не можетъ сдѣлать ни одного вывода. Въ этомъ мѣстѣ лѣтописи, на которомъ мы позволили себѣ остановить вниманіе читателя, встрѣчается одно спорное слово въ слѣдующемъ выраженіи: „Новгородцы бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане и вся власти якоже на думу, на вѣче сходятся и проч.“. Что значитъ вся власти? Значитъ ли это волости, какъ думаетъ профессоръ Сергѣевичъ, или лѣтописецъ соединялъ съ нимъ другое понятіе? Профессоръ Сергѣевичъ, полагая, что слово власти здѣсь означаетъ волости, говоритъ, что во всѣхъ волостяхъ тогдашней Россіи существовалъ старинный обычай сходиться на вѣче, какъ на думу; но лѣтописецъ разумѣетъ здѣсь не случайную сходку, не пригородное вѣче, рѣшеніе котораго только для этого пригорода и было обязательно; онъ разумѣлъ властное вѣче, приговоры котораго обязательны не для одного города, а для всѣхъ пригородовъ, селъ и деревень, отъ него зависѣвшихъ, слѣдовательно, вѣче старыхъ вѣчевыхъ городовъ. И вотъ почему можно такъ думать: лѣтописецъ, назвавъ новгородцевъ, смолянъ, кіевлянъ, полочанъ и сказавъ: и вся

власти, вслѣдъ затѣмъ какъ бы подтверждаетъ, о какихъ властяхъ онъ говоритъ, называетъ вѣчевые города Ростовъ и Суздаль, которые вмѣстѣ съ боярами хотѣли заставить пригородъ Владиміръ повиноваться ихъ волѣ. Черезъ нѣсколько строкъ онъ еще яснѣе даетъ понять, о какихъ властяхъ у него идетъ рѣчь. Не разумѣша правды Божья исправити Ростовцы и Суждальцы давнии, творящеся старѣйшии (то-есть, издавна считавшіе себя старѣйшими). Все это мѣсто Лаврентьевской лѣтописи, взятое вполнѣ, а не отрывочно, ясно показываетъ, что слово власти имѣло въ лѣтописи въ данномъ случаѣ опредѣленный смыслъ. Профессоръ Градовскій (Ж. М. Н. Пр. октябрь 1868 г.) въ статьѣ своей „Государственный строй древней Россіи“, признавая мнѣніе Соловьева о старыхъ и новыхъ городахъ за гипотезу годную, пока ее не смѣнитъ другая, задаетъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ вѣчевой строй русской жизни перешелъ въ строй Московскаго государства? Причина паденія вѣча, какъ политической силы, говоритъ г. Градовскій, заключается въ самыхъ свойствахъ новаго центра. Свойства же эти обусловливаются тѣмъ, что въ это время начало призванія совершенно измѣнило свой характеръ. По мнѣнію г. Градовскаго, все дѣло вышло оттого, что князь перестадъ призываться; народное же призваніе возобновлялось только въ рѣдкихъ случаяхъ, за прекращеніемъ княжескаго рода; въ примѣръ авторъ приводитъ Бориса Годунова, Шуйскаго, Владислава, Михаила Ѳедоровича. Эти примѣры избранія относятся, какъ видитъ читатель, къ эпохѣ, извѣстной подъ именемъ Смутнаго Времени, выборы же государей въ эту эпоху не подходятъ совсѣмъ къ тому отвлеченному выборному началу, о которомъ идетъ рѣчь. Да и гдѣ прежде-то это отвлеченное начало существовало фактически? Въ Кіевской Руси его не было, и призваніе Мономаха и внука его Изяслава не можетъ служить доказательствомъ фактичности этого права, которое Новгородъ удержалъ только потому, что умѣлъ пользоваться обстоятельствами и всегда готовъ былъ къ отпору князьямъ, пытавшимся отнять у него это право; и пока такая готовность была, онъ его и сохранялъ, ибо право, безъ силы поддерживать его, равняется нулю. Пока— говоритъ г. Градовскій далѣе—князь былъ произведеніемъ вѣча, волости подчинялись не ему, а старшему городу. Когда это было? Гдѣ? Только въ Новгородской землѣ. Въ Кіевской Руси старшій городъ Кіевъ пользовался только тою привилегіей, небольшимъ остаткомъ старины, что въ немъ жилъ старшій князь. Вышеприведенныя слова лѣтописца: „новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне“ и пр.

относятся, по всей вѣроятности, къ глубокой древности. Оставалось только старшинство городовъ, по которому, какъ указалъ Соловьевъ, распредѣлялись князья. Упрекая профессора Сергѣевича за смѣшеніе эпохъ, самъ г. Градовскій въ этомъ отношеніи не безгрѣшенъ. О значеніи дружины въ выработкѣ русскаго государственнаго строя ни у профессора Сергѣевича, ни у профессора Градовскаго нѣтъ и помину.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго выше ясно, что, не опредѣливъ степени участія дружинниковъ и мѣзиниихъ городовъ въ развитіи нашей исторіи, нельзя сдѣлать ни одного прочнаго вывода. Даже Костомаровъ, мало обратившій вниманія на дружины и совсѣмъ оставившій безъ вниманія пригороды, въ статьѣ своей о единодержавіи впадаетъ въ противорѣчія, и самый его терминъ — удѣльно-вѣчевой періодъ—не выражаетъ содержанія всего пережитаго русскимъ народомъ въ ту эпоху, ибо удѣловъ, какъ увидимъ ниже, не было до конца XIII вѣка; кромѣ того, это время не наполнялось сплошными однообразными явленіями, которыя видоизмѣнились по разнымъ мѣстностямъ.

Время до 1169 г. есть время дружинно-княжескаго уклада въ Кіевской Руси, вѣчеваго уклада въ земляхъ Новгородской и Ростовской; съ 1169 до 1300 г.—начало борьбы князей съ вѣчевыми общинами и начало столкновеній князей съ дружинниками. Крайнее развѣтвленіе линій княжескаго дома въ эту эпоху вызываетъ новое явленіе: князья стремятся къ захвату территорій, территоріальныя отношенія замѣняютъ родовыя, княжескій родъ перестаетъ владѣть Русскою землей сообща, возникаютъ удѣлы. Казалось бы, прежде чѣмъ опредѣлять функціи власти князя и вѣча на такомъ обширномъ пространствѣ времени, слѣдовало сперва опредѣлить эти функціи отдѣльно, сначала въ кіевскомъ періодѣ, а потомъ въ суздальскомъ, не упуская изъ виду различія размѣровъ княжеской власти въ различныхъ странахъ Русской земли и рѣзкаго различія старыхъ вѣчевыхъ городовъ отъ пригородовъ.

Теорія Костомарова о федеративныхъ началахъ въ древней Руси помѣшала ему понять значеніе борьбы вѣчевыхъ городовъ и пригородовъ, а слѣдовательно, и самую исторію возникновенія московскаго единодержавія, что̀ отразилось и на воззрѣніяхъ профессора Сергѣевича. Вся федеративность въ древней Руси покоилась только на единствѣ княжескаго рода, а далѣе на силѣ старѣйшаго князя, сдѣлавшагося потомъ единодержавнымъ.

Такъ какъ на борьбу пригородовъ съ вѣчевыми городами обра-

щено было вниманіе только въ Ростовской землѣ, а на отношенія пригородовъ къ Новгороду вниманія обращалось сравнительно менѣе то и важное значеніе этой борьбы до сихъ поръ не вполнѣ оцѣнено. Такъ, Костомаровъ, въ одномъ изъ лучшихъ своихъ трудовъ—„Сѣверныя народоправства“, весьма мало говоритъ о характерѣ отношеній Новгорода ко Пскову и къ городамъ Двинской земли. Отрицать тяготѣніе Двинскихъ городовъ къ Москвѣ нельзя на томъ основаніи, что подъ Новгородомъ имъ будто бы было лучше: если и дѣйствительно было лучше, чѣмъ впослѣдствіи подъ Москвой, то въ минуты раздраженія и отдѣльныя лица думаютъ рѣдко о будущемъ, а массы еще рѣже. Кромѣ того, какъ увидимъ ниже, была и другая причина тяготѣнія Двинскихъ городовъ къ Москвѣ.

Новгородъ признаетъ Псковъ меньшимъ братомъ только подъ давленіемъ борьбы со шведами и враждебныхъ отношеній къ великому князю Симеону; Двинскія земли то и дѣло тянутъ къ Москвѣ, тяготясь зависимостью отъ новгородскаго вѣча и безправіемъ своихъ пригородныхъ вѣчъ. Вѣковой и обычный законъ старыхъ вѣчевыхъ городовъ, Новгорода и Ростова Великаго—что старѣйшіе города задумаютъ, то пригороды исполняютъ,—отяготительный для послѣднихъ, былъ одною изъ главныхъ причинъ усиленія княжеской власти и возникновенія изъ нея власти царской, которая и родилась въ народѣ, еще болѣе мѣзинномъ, чѣмъ Владиміръ на Клязьмѣ, въ Москвѣ.

Въ концѣ первой половины XIII вѣка произошла великая перемѣна въ отношеніяхъ княжескихъ. Въ 1246 году Святославъ Всеволодовичъ, братъ Ярослава Всеволодовича, утвердилъ своихъ племянниковъ на удѣлахъ, данныхъ имъ отцомъ. Здѣсь, говоритъ Соловьевъ,—впервые считаемъ себя въ правѣ употребить это слово, означающее отдѣльное, выдѣленное владѣніе, остающееся постоянно при одной княжеской линіи, ибо прежнія княжескія волости не были удѣлами, и древній лѣтописецъ не знаетъ этого слова. Единство княжескаго рода, владѣвшаго дотолѣ Русью сообща, кончилось, и появленіе удѣловъ, отдѣльныхъ вотчинъ повело къ стремленію усиливать эти удѣлы на счетъ удѣловъ другихъ князей. При такихъ обстоятельствахъ на сцену исторіи выступила Москва.

Москва для XIV вѣка была тѣмъ же, чѣмъ былъ Петербургъ для XVIII: новое мѣсто. Въ этомъ новомъ мѣстѣ и начался новый фазисъ нашей исторіи; но заправителями дѣлъ въ началѣ этого фазиса были люди изъ старыхъ земель, изъ южной Руси и Новго-

рода. Исторію московскаго отдѣла русской исторіи слѣдуетъ дѣлить на три періода: а) отъ Калиты до Ивана Грознаго; в) отъ Ивана Грознаго до 1613 г.; с) отъ 1613 г. до конца XVII в. Первый періодъ распадается на двѣ части: а) до Ивана III—огромное значеніе пріобрѣтаетъ митрополитъ и дѣлитъ свое вліяніе съ дружиною; b) съ Ивана III до Грознаго—наплывъ въ дружину князей гедиминовичей и рюриковичей, начавшійся съ Василія I, поселяя въ дружинѣ разладъ, ослабляетъ силу ея дружинной сплоченности. Это ослабленіе обнаружило свои послѣдствія въ слѣдующемъ періодѣ. Въ первый періодъ, когда южно-русскій и новгородскій элементы еще преобладали, дружина и митрополитъ играли выдающуюся роль. Южно-русскіе дружинники то и дѣло являлись на службу въ Москву. Въ началѣ XIV в. изъ Кіева прибылъ въ Москву бояринъ Родіонъ Нестеровъ, а съ нимъ сынъ его Иванъ и съ нимъ же княжата и дѣти боярскіе и двора его до тысячи и до семисотъ, какъ выражается лѣтопись.

Такой фактъ нельзя упоминать вскользь и ставить на второмъ планѣ, нельзя упоминать о немъ какъ бы мимоходомъ. Если мы на дворъ Родіона Нестеровича удѣлимъ до тысячи человѣкъ, то прибытіе остальныхъ 700 человѣкъ получаетъ особенную важность: вѣдь это родоначальники фамилій дѣтей боярскихъ и дворянскихъ нынѣшней центральной Россіи.

Родіону Нестеровичу Калита даетъ въ кормленіе половину Волока-Ламскаго, другая половина котораго принадлежала Новгороду. Родіонъ Нестеровичъ занялъ первое мѣсто, которое до него занималъ великій бояринъ Акинфъ (предокъ Бутурлиныхъ). Акинфъ въ свою очередь былъ происхожденія новгородскаго. Такимъ образомъ, случайно или нѣтъ, у колыбели Москвы вступаютъ въ соперничество два дружинные элемента — южно-русскій и новгородскій. Южно-русскій элементъ боярства пустилъ свои корни въ Москвѣ еще до Калиты. Уже къ Даніилу Александровичу, сыну Невскаго, изъ Чернигова пришелъ бояринъ Бяконтъ, родоначальникъ Плещеевыхъ. У него было пятеро сыновей, изъ которыхъ старшій былъ митрополитъ Алексѣй. Въ дѣятельности митрополита Алексѣя въ первый разъ выразилось сознательное стремленіе объединить всю Русь, не только восточную, но и юго-западную, около престола митрополита Кіевскаго и всея Руси, пребывающаго въ Москвѣ. Такимъ образомъ изъ этой фамиліи черниговскаго дружинника вышла первая мысль объ объединеніи Русской земли и первый сознательный объединитель.

Нельзя при этомъ не поставить вопроса для будущихъ изслѣдо-

вателей русской исторіи: фамилія Бяконта пріобрѣла сразу огромное значеніе въ Москвѣ; одного изъ сыновей Бяконта, будущаго митрополита, крестилъ самъ Иванъ Даниловичъ Калита; эта близость Бяконтовичей-Плещеевыхъ къ дому Калиты не повліяла ли на перенесеніе митрополичьяго престола въ Москву въ лицѣ южно-русскаго митрополита Петра? Не по примѣру ли Бяконта потянулся къ Москвѣ и Родіонъ Нестеровичъ со своею могучею дружиной и огромнымъ дворомъ? Пока на эти вопросы можно только отвѣтить: можетъ быть, и да. Положительный же отвѣтъ въ этомъ смыслѣ можетъ получиться только по собранію соприкосновенныхъ съ этимъ обстоятельствомъ фактовъ, если таковые найдутся; или же остается ждать, пока придетъ на помощь какая-либо случайность, то-есть, случайная находка какого-либо древняго памятника. Московскіе князья перваго періода московскаго отдѣла русской исторіи очень хорошо понимали значеніе дружины, и это пониманіе категорически выразилъ Дмитрій Донской, какъ увидимъ ниже. Сильна дружина—силенъ и князь: смыслъ этого историческаго факта кіевскаго періода русской исторіи хорошо понимали и всѣ сѣверные князья. Тѣмъ болѣе не могли не понимать этого факта князья мѣзиннѣйшей Москвы, князья города, не имѣвшаго никакого значенія. А такой руководитель первыхъ преемниковъ Калиты, какъ митрополитъ Алексѣй, олицетвореніе практической государственной мудрости, не могъ не внушать имъ, что въ политикѣ объединенія весьма важно, чтобъ авторитетный голосъ митрополита въ случаѣ нужды могъ опереться и на силу матеріальную.

Но Московскіе князья, хорошо понимавшіе значеніе дружины, еще лучше, какъ потомки Всеволода III, помнили исторію Андрея Боголюбскаго, брата прародителя своего и потому, усиливая дружину численно, количественно, въ то же время старались мѣшать ей укрѣпиться качественно, уменьшить ея конкретное содержаніе, мѣшали ей сплотиться. До весьма значительной степени эта политика и удавалась отъ постояннаго притока въ Москву новыхъ дружинныхъ элементовъ. Отъ этого русская исторія московскаго отдѣла представляетъ нѣкоторыя особенныя явленія, какихъ въ такомъ видѣ на югѣ не было, а во Владимірѣ не знаемъ.

а) Московскіе князья съ какою-то особенною охотой жертвовали своими старыми боярами новымъ выходцамъ съ юга: при Калитѣ Родіонъ заѣхалъ Акинфа; Дмитрій Донской далъ возможность выходцу съ Волыни, Боброку (герою Куликовской битвы), заѣхать Тимофея

Вельяминова. Однако всѣ эти выходцы съ юга, встрѣченные московскими боярами сначала недружелюбно, придали потомъ большую силу московскому боярству и сдѣлались его столпами въ первый періодъ московскаго отдѣла русской исторіи. Весьма вѣроятно, что только хитрая политика Московскихъ князей посредствомъ вышеозначенныхъ заѣздовъ не дала возможности боярству этого періода окончательно сдѣлаться всемогущимъ. Заѣзды эти задерживали сплоченіе бояр-ства.

b) Этотъ постоянный притокъ новыхъ дружинныхъ элементовъ съ юга и изъ другихъ концовъ Руси, возбуждая зависть и вражду со стороны уже осѣвшихъ бояръ, не далъ возможности московскому боярству захватить въ свои руки всю власть, какъ было въ Галичѣ, при послѣднихъ Ростиславичахъ. Разладъ въ средѣ боярства еще болѣе усилился, какъ увидимъ ниже, когда потомки удѣльныхъ князей стали все чаще и чаще вступать на службу великаго князя московскаго, внося въ среду боярства новый раздоръ новыми заѣздами. Князья же Московскіе воспользовались силами боярства, возросшими еще отъ прилива служебныхъ князей, для подавленія независимости старыхъ городовъ.

c) Въ Москвѣ явилась еще и новая сила, новая, какъ политическій факторъ,—митрополитъ, который на югѣ вращался исключительно въ области церковныхъ дѣлъ и религіозныхъ интересовъ. Въ Москвѣ же митрополитъ сталъ лицомъ политическимъ и сталъ имъ не самъ собою, а силой обстоятельствъ. Митрополиты Петръ, Алексѣй, Іона были главными основателями могущества Москвы и виновниками могущества ея князей. Сами по себѣ князья ничтожной тогда Москвы ничего не могли бы значить въ глазахъ всей остальной Русской земли. Въ Кіевской Руси старшій князь въ родѣ сидѣлъ въ старѣйшемъ на югѣ городѣ, вѣче котораго, хотя и не имѣло рѣшающаго значенія, но въ которомъ народъ, подавленный дружинами, вспоминалъ до княжескую старину и подавалъ свой голосъ въ тѣ минуты, когда дружинное вліяніе временно ослабѣвало. Не то было въ землѣ Ростовской, гдѣ старшій вѣчевой городъ — Ростовъ Великій, отброшенъ былъ событіями въ сторону, а во главѣ этой земли становились пригороды, мѣзинный Владиміръ, мѣзиннѣйшая Москва, при чемъ Ростовская земля распалась на удѣлы. Кто же изъ всѣхъ князей Ростовской земли могъ добиться первенства, помимо родоваго старшинства, потерявшаго значеніе, помимо отсутствія преобладающаго города?

Кто могъ возвысить или поднять князя надъ другимъ княземъ? Это былъ митрополитъ. Князей, говоритъ Соловьевъ, — было много, а митрополитъ былъ одинъ. Если добавить, что этотъ одинъ былъ и главнымъ судьей въ дѣлахъ семейныхъ, въ дѣлахъ между супругами въ дѣлахъ между родителями и дѣтьми, то дѣлается очевиднымъ, какъ всѣ эти обстоятельства должны были возвышать городъ, гдѣ жилъ этотъ одинъ, и какъ мало значили многіе. Конечно, тѣ же права митрополитъ имѣлъ и на югѣ, въ Кіевѣ. Но дѣло въ томъ, что хотя и въ Кіевѣ пребываніе митрополита усиливало значеніе города, однако городъ имѣлъ уже свое значеніе давно: среди земли Полянской онъ былъ уже старшимъ городомъ. Москва же, до перенесенія въ нея митрополичьяго престола, сама по себѣ значенія не имѣла. Нужно еще помнить, что въ средніе вѣка церковь повсюду была центромъ жизни умственной и этической, и это придавало еще большее значеніе митрополиту всея Руси, а слѣдовательно, и Москвѣ, гдѣ онъ жилъ. Положеніе князей Кіевскихъ, Владимірскихъ и Московскихъ также было различно. Кіевскій князь былъ княземъ старшаго на Руси города, съ которымъ на югѣ ни одинъ городъ не могъ спорить о старшинствѣ, и въ то же время Кіевскій князь былъ старшимъ въ родѣ. Владимірскіе князья, усилясь помощью пригородовъ, импонировали своею силой и завоевали себѣ старшинство. Но послѣ Батыева разгрома уваженіе къ князьямъ должно было значительно понизиться, и могли ли его возстановить князья Московскіе, князья ничтожнаго пригорода, могли ли они возстановить это значеніе собственными силами? Могли ли подняться надъ всѣми князьями Русской земли? Развѣ безъ содѣйствія митрополита Москва могла бы побѣдить Тверь, Рязань и въ особенности Новгородъ? Костомаровъ, говоря о поставленіи въ митрополиты Іоны Рязанскаго, выражается слѣдующимъ образомъ: „Обстоятельство это окончательно подняло то нравственное значеніе Москвы, которое намѣчено было митрополитомъ Петромъ, поддерживалось Алексѣемъ, получило большій блескъ отъ перенесенія иконы Богородицы изъ Владиміра“ (Русск. исторія въ жизнеописаніяхъ, т. I, стр. 251). Такимъ образомъ, въ этомъ выдающемся фактѣ русской исторіи авторъ „Богдана Хмельницкаго“ совершенно сходится съ Соловьевымъ. Иначе и быть не могло: фактъ этотъ слишкомъ рѣзко бросается въ глаза.

Митрополитъ Алексѣй долженъ, однако, выдвигаться изъ ряда прочихъ митрополитовъ своею колоссальною историческою фигурой. Это—русскій Сугерій, русскій Ришелье. Ольгердъ жалуется на него

Константинопольскому патріарху за его явное предпочтеніе интересовъ Москвы, патріархъ шлетъ ему выговоры и упреки, напоминаетъ, что онъ поставленъ митрополитомъ всей Руси, а не одного ея уголка. Алексѣй все идетъ своею дорогой; для этого нуженъ былъ и могучій умъ, и твердое сознаніе необходимости задуманнаго дѣла.

Отъ этого нравственнаго или церковнаго перевѣса, что̀ въ то время значило одно и то же, побѣда и осталась за Москвою. Но появленіе такого политическаго фактора въ исторіи Москвы и его значеніе еще болѣе уяснится читателю, если онъ вспомнитъ, что ханы Золотой орды ласкали митрополитовъ, какъ первыхъ, верховныхъ сановниковъ церкви, надѣляли ихъ льготными ярлыками. Ханы, по завѣщанію Чингиза, покровительствовали всѣмъ религіямъ одинаково и давали льготы служителямъ всѣхъ религій. Могли ли ханы не понять значенія митрополита? Могли ли, съ другой стороны, князья не искать расположенія митрополитовъ, сдѣлавшихся заступниками Русской земли? Такая сила, какъ митрополитъ, неизбѣжно должна была оказать услугу княжеской власти не только въ борьбѣ съ татарами, вѣчевыми городами и вообще съ удѣльными княжествами, но и во внутреннихъ отношеніяхъ Московскаго княжества. Сила митрополита неизбѣжно должна была сдерживать силу боярства, князья же Московскіе съ самаго начала Москвы стали за силою митрополита, какъ за каменною стѣной. Церковный авторитетъ и политическая прозорливость первыхъ митрополитовъ, вмѣстѣ съ военными способностями и политическою ловкостью дружинныхъ вождей, въ самомъ началѣ возвышенія Москвы отстояли ея будущее значеніе въ Русской землѣ: митрополитъ Петръ — перенесеніемъ своего мѣстопребыванія въ Москву, а вождь южно-русскихъ дружинъ Родіонъ Нестеровичъ — удержаніемъ за Москвою весьма важнаго пункта.

Во время первой борьбы Москвы съ Тверью важную роль въ исходѣ борьбы игралъ вопросъ, кому будетъ принадлежать Переяславль-Залѣсскій, пріобрѣтенный еще Даніиломъ Александровичемъ. Вопросъ былъ такъ важенъ, что Иванъ Даниловичъ, державшій Москву во время поѣздки старшаго брата, Юрія, въ орду, самъ отправился защищать Переяславль. Бояринъ Акинфъ, которому перешелъ дорогу Родіонъ Нестеровичъ, отъѣхалъ въ Тверь и съ тверскими полками осадилъ Переяславль и три дня держалъ Ивана Даниловича въ осадѣ; на четвертый день со своею южною дружиной на помощь Ивану Даниловичу явился изъ Москвы Родіонъ Нестеровичъ. Родіонъ Нестеровичъ зашелъ тверичамъ въ тылъ и внезапно

ударилъ на нихъ, давъ возможность князю Ивану Даниловичу сдѣлать вылазку. Тверичи были разбиты, Переяславль остался за Москвою. Если бы тверичи овладѣли Переяславлемъ-Залѣсскимъ, то владѣнія Тверскихъ князей получили бы непосредственное сообщеніе съ землями Суздальско-Владимірскаго княжества, за обладателемъ котораго сохранялся титулъ великаго князя. Сохраненіе Переяславля за Москвою имѣло рѣшающее вліяніе на всю борьбу Москвы съ Тверью; Тверскимъ князьямъ трудно было достать великокняжескій вѣнецъ черезъ голову Московскихъ князей: протянутая рука всегда могла быть остановлена.

Великій князь Симеонъ Гордый въ своемъ духовномъ завѣщаніи приказываетъ братьямъ: „слушали бы есте отца нашего Владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“. Многозначительными словами оканчивается эта духовная грамота: „А пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, а свѣча бы не угасла. А хто сю грамому иметь рушити, судить ему Богъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ“. (Собр. Г. гр. и дог. т. I).

При братѣ Симеона, при великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ, обнаружилось явленіе, начало которому, безъ сомнѣнія, положено прежде—именно бояре осѣли, изъ передвижной дружины они обращались въ территоріальную аристократію. Особенное значеніе получилъ тогда тысяцкій, начальникъ городовыхъ полковъ, избиравшійся изъ бояръ.

При осѣдлости дружины тысяцкій могъ занимать свою должность при нѣсколькихъ князьяхъ и даже сдѣлать ее наслѣдственною, чему примѣръ былъ въ Твери, гдѣ въ потомствѣ одного черниговскаго выходца, Бориса Ѳедоровича Половаго, было трое тысяцкихъ—дѣдъ, отецъ и сынъ, преемственно. (См. Исторію Россіи Соловьева, т. III, прим. 460). Въ Москвѣ при Симеонѣ Гордомъ былъ бояринъ Алексѣй Петровичъ Хвостъ, поднявшій въ Москвѣ крамолу и оттуда изгнанный. Великій князь Симеонъ и его братья Иванъ и Андрей дали клятву не принимать къ себѣ этого боярина; однако, въ княженіе Ивана Ивановича онъ не только опять явился въ Москвѣ, но и занялъ мѣсто тысяцкаго. Въ 1357 году, 3-го февраля, во время заутрени его убили, но кто и за кого—не извѣстно, и лѣтописецъ дѣлаетъ только произвольную догадку, что подобно Боголюбскому и Хвостъ погибъ отъ дружины. „Убіеніе же его страшно и незнаемо отъ кого же“. Это существенное свидѣтельство лѣтописи, а далѣе

сказано: „и нѣцыи глаголютъ о немъ, яко совѣтъ сей сотворися или отъ бояръ, или отъ иныхъ тайно“ (Соловьевъ, т. III, пр. 462). Въ городѣ вспыхнулъ мятежъ; многіе большіе бояре отъѣхали въ Рязань, откуда великій князь вскорѣ перезвалъ двухъ бояръ, Михаила и зятя его Василія Васильевича. Дѣло это распутать не легко. Соловьевъ замѣчаетъ, что сильная власть тысяцкаго, при его непосредственномъ вліяніи на городское населеніе, могла уменьшить вліяніе остальныхъ бояръ, а при наслѣдственности могла быть опасна и княжеской.

Не смотря на этотъ разладъ въ средѣ боярства и разладъ нѣкоторой части боярства съ княжескою властью, дружинники отстояли за родомъ Калиты первенство по смерти Ивана Ивановича, когда его сыновья, Дмитрій, Іоаннъ и Владиміръ были еще малолѣтки. Бояре добывали въ ордѣ и ярлыки на великое княженіе, бояре же смирили и Димитрія Суздальскаго.

При Димитріѣ Донскомъ вопросъ о санѣ тысяцкаго снова поднимаетъ смуту. Тысяцкій бояринъ Василій Васильевичъ Вельяминовъ, безъ сомнѣнія, вызванный изъ Рязани, умеръ въ 1375 г. Димитрій никого не назначилъ въ тысяцкіе. Иванъ, сынъ Вельяминова, оскорбленный тѣмъ, что ему не даютъ сана тысяцкаго, съ купцомъ Некоматомъ бѣжалъ въ Тверь, откуда Тверской князь послалъ его въ орду; но дѣло Тверскаго князя было проиграно. Въ 1378 г. Вельяминовъ вздумалъ тайно возвратиться на родину, но въ Серпуховѣ былъ схваченъ и казненъ въ окрестности тогдашней Москвы, на Куликовомъ полѣ, гдѣ нынѣ Срѣтенка. Лѣтопись не могла скрыть сочувствія городскаго населенія къ Ивану Вельяминову: „Бѣ множество народа стояща и мнози прослезишась о величіи и благородствѣ его“. Князь казнилъ, бояре молчали, горожане плакали: не явный ли это признакъ того, что санъ тысяцкаго, ограждая городъ отъ вмѣшательства въ его дѣла прочихъ бояръ, вѣроятно, давалъ городу болѣе самостоятельности въ распорядкѣ своихъ городскихъ дѣлъ? Положеніе боярства отъ казни Ивана Вельяминова не измѣнилось; даже его братъ, женатый на сестрѣ великой княгини, остался при прежнемъ значеніи. Все говоритъ, что уничтоженіе самаго сана тысяцкаго было печально не для бояръ, а для горожанъ; ибо мы имѣемъ несомнѣнное доказательство, что то право, за которое бояре особенно стояли, право отъѣзда, не только не было нарушено, но было подтверждено съ удержаніемъ селъ въ прежнихъ волостяхъ. Наше мнѣніе подтверждается и сочинителемъ житія Димитрія Донскаго, по

словамъ котораго герой Куликовской битвы передъ смертію говорилъ сыновьямъ: „Слушайтесь бояръ, безъ ихъ воли ничего не дѣлайте". Боярамъ же умирающій сказалъ: „Я родился предъ вами, при васъ выросъ, съ вами княжилъ, воевалъ вмѣстѣ съ вами на многія страны и низложилъ поганыхъ". Въ этихъ словахъ Донскаго—лучшее доказательство значенія боярскаго сословія въ Московскомъ княжествѣ, а удержаніе за собою права отъѣзда, съ удержаніемъ селъ своихъ въ оставляемыхъ волостяхъ, показываетъ, какъ далеко еще было боярство отъ положенія служилыхъ людей послѣдующихъ временъ.

При Василіѣ Дмитріевичѣ на первомъ планѣ выступаютъ двѣ фамиліи, представители двухъ слоевъ первичной формаціи московскаго боярства слоевъ южно-русскаго и новгородскаго, что̀ видно изъ письма Эдигея къ этому великому князю. Въ началѣ его княженія имѣлъ сильное вліяніе Илья Ивановичъ, сынъ Ивана Родіоновича Квашни, внукъ Родіона Нестерова. Иванъ Родіоновичъ умеръ въ 1390 г., и для современниковъ его смерть казалась столь важнымъ событіемъ, что занесена въ лѣтопись. Вмѣстѣ съ Ильей Ивановичемъ имѣлъ тогда вліяніе и Ѳедоръ Андреевичъ Кошка, сынъ Андрея Кобылы, безъ сомнѣнія, новгородскаго выходца. Потомъ первенствующее значеніе получилъ Иванъ Кошка, и его братья, Ѳедоръ и Михаилъ, да племянникъ ихъ Игнатій Жеребцовъ. Такъ выдвинулись въ это княженіе предки Романовыхъ.

Во время княженія Василія Васильевича исторія московскаго боярства вступила въ новый фазисъ. Уже давно разные изгои княжескихъ родовъ стали вступать на службу великаго князя Московскаго; съ Василія Васильевича начался настоящій наплывъ Рюриковичей и Гедиминовичей въ ряды московскаго боярства.

Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ этому факту, остановимся на судьбѣ города Ростова Великаго. Первый періодъ московской исторіи начался и кончился подавленіемъ вѣчевыхъ городовъ; въ началѣ этого періода ударъ разразился надъ Ростовомъ Великимъ, а въ концѣ—надъ Новгородомъ. Побѣду торжествовали и пригороды, радовавшіеся паденію старыхъ владыкъ, и московскіе бояре, унаслѣдовавшіе ненависть къ вѣчевымъ городамъ отъ южныхъ дружинъ. Плохо пришлось вѣчевому городу Ростову Великому. Намѣстники князя Ивана Даниловича, князя ничтожной тогда Москвы, бывшаго ростовскаго пригорода, возложили на Ростовъ и его область тяготы великія и надругались надъ его боярами, горожанами и сельчанами. Эти намѣстники—Василій Кочева и Миняй—повѣсили сначала внизъ головой стар-

шаго ростовскаго боярина Аверкія; потомъ сняли его и, надругавшись надъ нимъ, отпустили чуть жива; у горожанъ же и сельчанъ— у однихъ отнимали имущество, у другихъ—свободу, налагая на нихъ оковы, и ранами казнили третьихъ. Все, что̀ могло тогда бѣжать изъ Ростова, бѣжало. Жители Ростова Великаго только жаловались на тиранство Москвы, говоритъ Карамзинъ. То, что̀ дѣлалось при Калитѣ въ Ростовѣ Великомъ, въ бо̀льшихъ размѣрахъ повторилось въ Новгородѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ, при Іоаннѣ III и Іоаннѣ IV. Такая судьба постигла Ростовъ Великій въ 1338 году. Вѣроятно, къ этому времени относится и ярославская пословица: Москва на крови стоитъ. Въ повѣсти о св. Сергіи въ Никоновской лѣтописи сказано: „наста насилованіе много, сирѣчь княженіе великое московское досталось Ивану Даниловичю, купно же и Ростовское къ Москвѣ“ (Карамзинъ, т. IV, прим. 303). Далѣе разказывается приходъ Кочевы въ Ростовъ и его насилія. Такъ палъ старѣйшій городъ Ростовской земли отъ младшаго изъ пригородовъ своихъ. Кочева могъ издѣваться надъ ростовцами, зная ненависть пригородовъ къ Ростову Великому. Одинъ изъ этихъ пригородовъ, именно Переяславль Залѣсскій, воскресилъ эту ненависть почти черезъ три столѣтія, именно—въ Смутную эпоху, когда переяславцы свирѣпствовали въ Ростовѣ хуже поляковъ и казаковъ. Въ эту эпоху обнаружились такія явленія, которыя давно считались похороненными на вѣки: во Псковѣ, напримѣръ, обнаружилась борьба старшихъ и младшихъ гражданъ; города заспорили о старшинствѣ.

Какъ же смотрѣла дружина на гибель Великаго Ростова?

Задолго до разгрома Ростова Великаго, во времена борьбы братьевъ Боголюбскаго со старыми городами и со старыми боярами Андрея, эти бояре стояли на сторонѣ Ростова, преслѣдуя, какъ замѣчено выше, свои цѣли. Разъ цѣли ихъ были достигнуты, и союзъ кончился. Боярство московское въ Ростовѣ болѣе нужды не имѣло и, кромѣ того, враждебно относилось къ мѣстному боярству ростовскому, что̀ ясно видно изъ мученій, которымъ подвергнутъ былъ Кочевою ростовскій бояринъ Аверкій.

Въ первый періодъ исторіи Москвы не разъ попадаются факты, какъ увидимъ ниже, которые показываютъ, что московское боярство не любило прилива въ свою среду бояръ изъ павшихъ, то-есть, потерявшихъ независимость удѣловъ. При Иванѣ III знатный тверской бояринъ Жито-Бороздинъ, за девять лѣтъ до паденія Твери, перешелъ на службу въ Москву и записанъ былъ въ московскіе бояре; но сынъ

его, Петръ, по смерти Ивана III записанъ тверскимъ бояриномъ, а по Москвѣ только окольничимъ. Г. Ключевскій по этому поводу замѣчаетъ: „Значитъ, тверской эмигрантъ служилъ по двумъ спискамъ—бояриномъ по тверскому и окольничимъ по московскому". Намъ кажется, что этотъ фактъ означаетъ другое. Именно, что Иванъ III могъ дать боярство въ Москвѣ Ивану Житову, но сынъ Ивана Житова, Петръ, въ перворазрядное московское боярство не былъ принятъ московскими боярами по смерти Ивана III. Г. Ключевскій, объясняя фактъ, упустилъ изъ виду, что дѣло идетъ о двухъ различныхъ личностяхъ, объ отцѣ и сынѣ Житовыхъ. Такимъ образомъ, паденіе Ростова Великаго навело насъ еще на важный вопросъ, объ отношеніи московскаго боярства къ удѣльному, который, какъ увидимъ ниже, даетъ ключъ къ разгадкѣ нѣкоторыхъ явленій московской исторіи въ концѣ ея перваго періода.

Чтобъ оцѣнить важную роль дружины въ періодъ времени отъ Даніила Александровича до Ивана III, надобно какъ можно безпристрастнѣе обсудить личности князей Московскихъ. Самый жестокій, самый хитрый и въ то же время самый дальновидный князь былъ Юрій Даниловичъ и потомъ его братъ Иванъ Даниловичъ съ сыномъ Симеономъ. Далѣе Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ слабый, Дмитрій Донской—истый вождь дружины, герой безъ страха и упрека, но совсѣмъ не политикъ [1]).

Василіи оба и Димитріевичъ, и Васильевичъ не выдавались дарованіями, особенно послѣдній; а Москва росла, да росла.

Кѣмъ же подкрѣплялся нравственный авторитетъ митрополита

---

[1]) Когда-то Костомаровъ выставилъ Донскаго трусомъ на томъ основаніи, что онъ переодѣвался передъ битвою, пролежалъ подъ кустомъ и бѣжалъ отъ Тохтамыша. Переодѣваніе вождей передъ битвою—средневѣковой обычай. Переодѣвались Генрихъ IV Англійскій и Гуніадъ, мужество которыхъ несомнѣнно. Что касается до бѣгства изъ Москвы, то Донской бѣжалъ потому же, почему Петръ Великій удалился отъ арміи изъ-подъ Нарвы. Архіепископъ Вассіанъ Рыло, не убоявшійся назвать Ивана III въ лицо трусомъ и бѣглецомъ, ставитъ ему въ примѣръ Донскаго; Вассіанъ же, безъ сомнѣнія, видалъ еще въ живыхъ героевъ Куликовской битвы: ему было 80 лѣтъ въ 1480 г., слѣдовательно, онъ родился черезъ 20 лѣтъ послѣ Куликовской битвы и въ годы отрочества и юности могъ изъ устъ соподвижниковъ Димитрія слышать о его мужествѣ. Притомъ же мы знаемъ только главные моменты Куликовской битвы, знаемъ, что побѣда долго колебалась и рѣшена была полками, стоявшими въ засадѣ подъ предводительствомъ Боброка и Владиміра Андреевича. Вотъ все, что̀ мы знаемъ достовѣрнаго, остальное взято изъ поэтическаго сказанія, вставленнаго въ лѣтопись, а въ числѣ взятаго находится картина раненаго Димитрія, прикрытаго деревьями....

Московскаго? Боярами. Бояре добываютъ престолъ Димитрію, который безъ бояръ ни шагу; бояре при Василіѣ Дмитріевичѣ добываютъ Муромъ и Нижній-Новгородъ; бояре отстаиваютъ престолъ ничтожнаго и вѣроломнаго Василія Васильевича и спасаютъ его сыновей. Все княженіе послѣдняго свидѣтельствуетъ о силѣ и значеніи московскаго боярства; безъ митрополита Іоны и бояръ дѣлу Калиты и митрополита Алексѣя грозила гибель. Не менѣе важную роль послѣ Куликовщины играли бояре въ исторіи колонизаціи степей и Поволжья къ югу отъ линіи Оки между Рязанью и Нижнимъ, а также по направленію къ сѣверу и къ сѣверо-востоку. Уже въ завѣщаніяхъ Донскаго и его старшаго сына въ Вологодской и Устюжской областяхъ и въ Заволочьѣ упоминаются села московскихъ бояръ. Эта московская колонизація сѣвера началась въ то время, когда ослабѣло новгородское движеніе на востокъ. Такая колонизаціонная дѣятельность считалась какъ бы обязанностью боярства. Нижегородскій купецъ Тарасъ Петровъ Новосильцевъ, получившій отъ своего князя за услуги званіе боярина, сейчасъ же дѣлается колонизаторомъ, выкупаетъ въ ордѣ плѣнныхъ и населяетъ выдвинутые имъ поселки за рѣкою Кудьмою, основываетъ шесть селъ по рѣкѣ Сундовику (см. Ключевскаго, Боярская Дума, приложеніе 2-е). Эта колонизація сѣвера изъ ростовскихъ и московскихъ земель имѣла большое значеніе въ исторіи паденія Новгорода, усиливая въ Двинской землѣ движеніе, враждебное Новгороду.

Московское боярство—это сила могучая, суровая и безпощадная; она-то, безъ сомнѣнія, и породила пословицу: Москва слезамъ не вѣритъ. Эту силу, кому угодно, можно не любить, но нельзя не уважать ее. Боярская дружина дѣйствовала сообща, наваломъ, отъ этого мало въ ней выдающихся личностей. Кто изъ среды ея самой становился ей поперекъ, тотъ погибалъ; такъ погибъ бояринъ Хвостъ отъ неизвѣстной руки; погибъ Иванъ Вельяминовъ, оставленный даже родными.

Безъ сомнѣнія, только авторитетъ митрополитовъ сдерживалъ эту силу, да заѣзды, вселявшіе разладъ, замедляли ея возрастаніе и, какъ сказано выше, давали князьямъ орудіе противъ нея. Притомъ же тогда эта сила была нужна князьямъ: они ласкали ее и боялись. Едва только сплотилось московское боярство при Василіи Дмитріевичѣ, какъ начался новый рядъ заѣздовъ, приливъ Рюриковичей и Гедиминовичей на службу Московскаго князя. Отдѣльные случаи вступленія потомковъ удѣльныхъ князей на службу Москвы были, впрочемъ, и

прежде. Первый изъ Рюриковичей прибылъ въ Москву еще при Донскомъ; это—Волынскій-Боброкъ, заѣхавшій Тимофея Васильевича Вельяминова, который уступилъ ему свое мѣсто добровольно. Вѣроятно, княжеское происхожденіе Боброка и еще болѣе его военная репутація заставили Вельяминова быть уступчивѣе. Можетъ быть, Вельяминовъ, будучи татарскаго происхожденія, долженъ былъ уступить мѣсто Рюриковичу Боброку? Это предположеніе наше подтвердится далѣе. При сынѣ Донскаго, при Василіѣ Дмитріевичѣ, пріѣхалъ въ Москву князь Юрій Патрикѣевичъ изъ рода Гедимина и заѣхалъ, между прочимъ, боярина Ѳедора Ѳедоровича Кошку-Голтяя, сына знаменитаго совѣтника Василія Дмитріевича. Какъ отнеслись московскіе бояре къ этому заѣзду, показываетъ слѣдующій разказъ изъ одного современнаго сказанія: Великій князь упрочилъ за княземъ Юріемъ Патрикѣевымъ мѣсто, выдавъ за него свою сестру, Анну, а у Юрія Патрикѣева былъ братъ большой Хованскій; и Ѳедоръ Сабуръ на свадьбѣ посѣлъ Хованскаго и Хованскій молвилъ Сабуру: „посядь брата моего меньшаго, князя Юрія Патрикѣевича“. А Ѳедоръ Сабуръ молвилъ Хованскому: „у того Богъ въ кикѣ, а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ“, да и сѣлъ Хованскаго выше. Кика—женскій головной уборъ, здѣсь слово это употреблено вмѣсто слова жена; все выраженіе означаетъ, что Юрій взялъ мѣсто по женѣ (Сол. т. IV, стр. 197). Итакъ, Юрію Патрикѣеву мѣсто уступлено, какъ зятю великаго князя; брату же Юрія не хотѣлъ уступить мѣста не только Ѳедоръ Кошка-Голтяй, но и Сабуръ. Сынъ Юрія, Иванъ Юрьевичъ, занялъ первое мѣсто и первымъ подписался подъ духовнымъ завѣщаніемъ Темнаго. Такъ началъ складываться княжескій слой московскаго боярства, начиналась новая формація этого боярства и борьба ея со старою формаціей—боярства дружиннаго.

При Василіи Темномъ въ ряды московскаго боярства вступили многочисленные роды князей Ряполовскихъ, потомковъ князей Стародубскихъ и Оболенскихъ, изъ рода князей Черниговскихъ. Этимъ князьямъ Василій Темный обязанъ побѣдою надъ Юрьевичами Галицкими и спасеніемъ своего семейства. Притокъ княжескихъ фамилій еще болѣе усилился при Иванѣ III. Могло ли исконное московское боярство остаться равнодушнымъ къ такому притоку, когда этотъ притокъ отодвигалъ въ задніе ряды роды старшаго московскаго боярства, когда княжескій слой боярства садился, такъ-сказать, на голову боярству дружинному?

Г. Ключевскій (Боярская Дума, стр. 256) говоритъ: „Появленіе

князей при московскомъ дворѣ всего болѣе и сообщало здѣшнему хозяину значеніе національнаго государя всея Руси и блескъ князя всѣхъ Русскихъ князей. Они явились сюда не побѣжденными врагами и не случайными наемниками, а добровольными и усердными поборниками идеи, бывшей преданіемъ, завѣтнымъ помысломъ московскаго княжескаго дома. Допущенные къ власти, они не могли внести въ правительство стремленій, враждебныхъ тому, во имя чего они пришли въ Москву со своими вотчинами, пожертвовавъ удѣльною самостоятельностью, или привольною литовскою зависимостью. Они, слѣдовательно, продолжали образъ дѣйствій московскихъ бояръ XIV вѣка". Вся эта тирада проникнута особеннымъ оттѣнкомъ ученаго мистицизма, столь часто встрѣчающагося у насъ въ обработкѣ русской исторіи, который портитъ впечатлѣніе и убавляетъ цѣну того, что̀ въ ней есть справедливаго. Откуда авторъ взялъ, что князья являлись на службу въ Москву усердными поборниками идеи, ради которой будто бы жертвовали добровольно удѣлами? Конечно, рѣчь идетъ объ идеѣ единства Русской земли? Но отчего же эта идея не приходила въ голову ихъ предкамъ, когда они наводили на Русь половцевъ и татаръ? Отчего эта идея стала имъ приходить въ голову, когда они разорились вслѣдствіе безконечнаго дробленія княжествъ? Что же касается до того, что они продолжали дѣло московскихъ бояръ XIV вѣка, то иначе, на первый разъ, и занять своихъ мѣстъ они не могли бы; они сразу возбудили бы къ себѣ недовѣріе Московскихъ князей.

Московскіе бояре XV вѣка при своемъ грубомъ, истинно-русскомъ рактическомъ умѣ, конечно, болѣе думали о томъ, что они и сами сумѣли бы продолжать свое дѣло, чѣмъ о блескѣ, который принесли съ собою Рюриковичи и Гедиминовичи. Сущность же факта, о которомъ идетъ рѣчь, состоитъ въ томъ, что приливъ князей на службу Московскаго князя вызвалъ новый и сильнѣйшій разладъ среди московскаго боярства.

Если прибытіе Родіона Нестеровича вызвало разладъ въ боярствѣ въ началѣ исторіи Москвы, то могъ ли остаться безъ послѣдствій наплывъ массы князей въ такую пору, когда Москва была близка къ объединенію Восточной Руси, къ объединенію, которое намѣтили митрополиты и первые Московскіе князья, къ которому съ безпощадною жестокостью шло московское боярство? Могли ли московскіе бояре охотно отдать въ чужія руки продолженіе своихъ дѣлъ? И безъ доказательствъ всякій долженъ былъ бы понять неизбѣжность

разлада, вслѣдствіе роковаго хода событій, а не чьей-либо вины; но исторія къ тому же даетъ и доказательства.

При Василіи Темномъ Гедиминовичи-Патрикѣевы и Рюриковичи-Ряполовскіе и Оболенскіе заняли первыя мѣста.

При Иванѣ III фамиліи Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ остались сначала при прежнемъ значеніи; когда же пали Патрикѣевы и Ряполовскіе, ихъ мѣсто заступаетъ князь Василій Даниловичъ Холмскій, зять Ивана III, и князь Даніилъ Щеня, племянникъ Патрикѣева. Какое множество служилыхъ князей было при Иванѣ III, говоритъ Соловьевъ,—видно изъ того, что между воеводами, участвовавшими въ Ведрошской битвѣ, упоминается одинадцать князей и только пять именъ воеводъ безъ княжескаго титула. Мудрено ли, что старыя московскія фамиліи стали оттѣсняться отъ первыхъ мѣстъ?

Потомокъ знаменитой боярской фамиліи, Яковъ Захаровичъ Кошкинъ, воевода Коломенскій, братъ котораго, Юрій, былъ намѣстникомъ Новгородскимъ, удержалъ за собою третье мѣсто, а Юрій передъ Ведрошскою битвой велъ споръ о мѣстничествѣ съ княземъ Щенею Патрикѣевымъ. При Василіи III титулованные бояре, то-есть, князья, сначала еще болѣе оттѣснили старыхъ московскихъ бояръ, сначала первое мѣсто занималъ князь Василій Даниловичъ Холмскій, потомъ Данило Васильевичъ Щеня Патрикѣевъ, второе—князь Димитрій Ростовскій, третье — князь Василій Васильевичъ Шуйскій, четвертое—князь Михайло Даниловичъ Щеня-Патрикѣевъ. Но въ концѣ княженія Василія III первое мѣсто занялъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій, потомокъ Суздальско-Нижегородскихъ князей и Александра Невскаго, какъ и Московскіе князья, второе же мѣсто занялъ опять потомокъ стараго московскаго боярскаго рода — Михаилъ Юрьевичъ Кошкинъ, племянникъ вышеупомянутаго Якова, тягавшагося съ Патрикѣевымъ, и сынъ Юрія, новгородскаго намѣстника. Съ этихъ поръ Захарьины-Юрьевы заняли почетное положеніе и среди княжескаго московскаго боярства и, отстоявъ себя, не дали княжескимъ фамиліямъ оттереть на задній планъ и остальныя дружинныя боярскія фамиліи. Соловьевъ (т. V, стр. 434) тщательно отмѣчаетъ близость Михаила Юрьевича къ Василію III. Заболѣвшій Василій, еще будучи въ Волоколамскѣ, настоятельно посылаетъ за нимъ; Михаилъ Юрьевичъ ухаживаетъ за больнымъ, ободряетъ его, съ Шигоною присутствуетъ при благословеніи дѣтей, поднимаетъ руку Василія для крестнаго знаменія.

Намъ представляется этотъ фактъ важнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Онъ показываетъ, что Василій III при концѣжизни самъ сталъ

опасаться потомковъ удѣльныхъ князей и искать сближенія со старыми боярскими родами въ лицѣ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, какъ стали звaться Кобылины-Кошкины, пока наконецъ не приняли окончательно фамиліи Романовыхъ при сынѣ Василія III, съ которымъ породнились. Это послѣднее обстоятельство, какъ скажемъ подробнѣе въ свое время, и подтверждаетъ нашу мысль.

Раздвоеніе московскаго боярства на княжеское и старо-московское подтверждается взглядами самихъ бояръ, даже бояръ XVII вѣка, на взаимныя отношенія того и другого слоя боярства.

При Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1663 году, за обѣдомъ у государя князь Юрій Трубецкой получилъ мѣсто выше, чѣмъ бояринъ Никита Шереметевъ. Послѣдній не хотѣлъ уступить и подалъ государю челобитную, въ которой изобразилъ, что Шереметевы—старый московскій боярскій родъ, а Трубецкіе—Гедиминовичи, князья пришлые, и потому ему, Никитѣ, сидѣть ниже Юрія нельзя, „дабы роду и отечеству нашему не было бы порухи“. Соловьевъ, приведя этотъ фактъ (т. XIII, стр. 72—73), говоритъ: „Государь сильно осердился за эту новость,—когда и со старыми основаніями мѣстническіе споры были невыносимы“. Странно, что историкъ, отмѣтившій факты борьбы старо-московскаго боярства съ боярствомъ княжескимъ, не вникнулъ глубже въ смыслъ отмѣченныхъ имъ фактовъ. Историки, впрочемъ, часто считаютъ новостью факты, жизнью давно отмѣченные, но въ лѣтописи не вошедшіе. Такъ и въ данномъ случаѣ борьба идетъ со второй половины XV вѣка по вторую половину XVII вѣка; факты на лицо, но историкъ боится имъ дать имя. Боязнь напрасная. Г. Ключевскій приводитъ еще такой же фактъ изъ того же XVII вѣка.

Въ XVII вѣкѣ одинъ изъ князей Вяземскихъ, на судѣ по мѣстническому дѣлу съ Вельяминовыми, говорилъ: „Да и по степени мы выше Вельяминовыхъ, потому что пошли отъ старшаго Мономахова сына, а Вельяминовы изъ орды пришли, а не отъ великихъ или удѣльныхъ князей: такъ мы больше Вельяминовыхъ“ (Ключевскаго, Боярская Дума, стр. 224). Г. Ключевскій видитъ въ этомъ дѣлѣ только опредѣленіе служебныхъ отношеній, что̀, впрочемъ, не особенно важно; гораздо важнѣе то, что этотъ фактъ до очевидности указываетъ, каковы были отношенія боярства княжескаго къ боярству дружинному. Мало этого: князья внесли въ мѣстничество и свои родовые счеты, и нѣкоторые роды имѣли двоякое мѣстническое отечество—по родословцу и по разрядамъ. Князья Пенковы, или Пеньковы, изъ рода Ярославскихъ князей, стояли при служебныхъ назначеніяхъ выше

многихъ своихъ родичей, ибо происходили отъ послѣдняго великаго князя Ярославскаго, а потому князь Даниловъ родъ Пенковъ въ своемъ (ярославскомъ) роду большой, что до отца его были они на Ярославлѣ на большомъ княженіи (Б. Д., стр. 224). Что касается до замѣчанія Соловьева о мѣстничествѣ Шереметева съ Трубецкимъ, то, конечно, царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ это дѣло прекратить, дабы безъ нужды не усиливать причинъ къ мѣстническимъ тяжбамъ; но онъ зналъ, конечно, хорошо исторію своей фамиліи и понималъ, почему, въ 1613 году, народъ избралъ на престолъ потомка старо-московскаго боярскаго рода, а не потомка удѣльныхъ князей и зналъ, что въ избраніи дѣятельное участіе принимали Шереметевы, родичи Романовыхъ. Но во всякомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить гг. Соловьева и Ключевскаго за извлеченіе на свѣтъ такихъ фактовъ изъ мѣстничества, которые рельефно характеризуютъ эпоху. О мѣстничествѣ много писали и весьма толстыя книги, но все написанное мало объясняетъ значеніе этого явленія, о которомъ встрѣчается нѣсколько живыхъ словъ только у Н. И. Костомарова въ исторіи единодержавія. Въ остальныхъ изслѣдованіяхъ все дѣло исключительно сводится къ вопросу, впрочемъ важному, на сколько мѣстничество мѣшало успѣху въ дѣлахъ ратныхъ. Но похоже ли было мѣстничество Родіона Нестерова съ Акинфомъ, предкомъ Бутурлиныхъ, на мѣстничество воеводъ конца XVII в. — объ этомъ ни слова. Безпрерывно повторяя выраженіе: служебное сословіе, служебные люди, не даютъ себѣ отчета, что была разница въ людяхъ, которые служили по доброй волѣ, какъ старые дружинники, и тѣми, для которыхъ служба, въ позднѣйшее время, стала непремѣнною обязанностью. Послѣ мы укажемъ на раздвоеніе въ княжескомъ боярствѣ, а теперь постараемся выяснить нѣкоторые факты, касающіеся сословныхъ отношеній въ княженіе Ивана III и его сына.

Съ Ивана III въ исторіи Московскаго государства большое значеніе получаютъ дьяки, какъ назывались княжескіе письмоводители. Такіе письмоводители были, безъ сомнѣнія, при каждомъ удѣльномъ князѣ; при Калитѣ упоминается дьякъ Кострома, при Иванѣ Ивановичѣ—дьякъ Нестерко, при Донскомъ—Внукъ, при Василіи I—Ачкасовъ и Стромиловъ, при Василіи Темномъ—Ѳедоръ и Василій Бѣда и Степанъ Бородатый. Когда митрополитъ Іона отлучилъ Шемяку, то Степанъ Бородатый посланъ былъ въ Новгородъ, гдѣ тогда жилъ Шемяка,—уговорить новгородцевъ не вступаться въ дѣло опальнаго князя. Но Степанъ Бородатый будто бы покончилъ все дѣло иначе: онъ подкупилъ Ше-

мякина повара, Котова, отравить Шемяку, что̀ и было исполнено. Слово дьякъ одного корня со словами дьяконъ, дьячекъ; какъ дьяконъ въ церкви былъ помощникомъ священника, такъ дьякъ былъ помощникомъ боярина; какъ дьячекъ, церковнослужитель, былъ при церкви письмоводителемъ, такъ и дьякъ при князѣ. Этому сближенію названія должностей должно было помогать и то обстоятельство, что дьяки набирались большею частью изъ духовенства, единственнаго тогда грамотнаго сословія. Точно также и на западѣ слово clerc одного корня съ clergé, и тамъ клерками назывались люди духовнаго званія, или готовившіеся въ него вступить, и люди, занимавшіеся гражданскимъ письмоводствомъ. Происхожденіе дьяковъ изъ духовнаго званія не могло не усиливать довѣрія къ нимъ, со стороны князей, ибо духовенство-то и помогало усиленію княжеской власти. Изъ посылки дьяка Бородатаго въ Новгородъ при Темномъ видно, что и тогда дьякамъ давались порученія, которыя вѣжливо принято называть деликатными и секретными. Иванъ III того же Бородатаго беретъ съ собою въ Новгородъ, дабы онъ посредствомъ лѣтописей обличилъ неправду новгородцевъ; дьякъ Гусевъ составляетъ Судебникъ; дьякъ Курицынъ участвуетъ въ исполненіи дипломатическаго порученія. Однимъ словомъ, это были дѣльцы на всѣ руки.

По мѣрѣ распространенія предѣловъ Московскаго княжества и усложненія правительственной машины росло число дьяковъ. Возростаніе ихъ числа съ умноженіемъ приказовъ показываетъ, какъ постепенно всѣ дѣла ускользали изъ рукъ боярщины и земщины и сосредоточивались въ канцеляріяхъ. Эти люди изъ бѣдняковъ, безъ связей, сдѣлались орудіемъ верховной власти въ борьбѣ съ притязаніями боярства, на что̀ указывалъ уже англичанинъ Флетчеръ, посѣтившій Россію при Ѳедорѣ Ивановичѣ. „Въ одно и то же мѣсто“, говоритъ Флетчеръ, — „назначаютъ правителей, непріязненныхъ другъ другу, дабы одинъ былъ какъ бы контролеромъ надъ другимъ; такъ посылаютъ князей и дьяковъ, отчего, вслѣдствіе ихъ взаимной зависти и соперничества, здѣсь менѣе повода опасаться тѣсныхъ между ними сношеній“. Это значитъ, что власть хорошо понимала невозможность сближенія дьяковъ съ боярами-князьями. Ясно, что Флетчеръ могъ слышать подобный отзывъ только съ боярской стороны, ибо мы знаемъ, какъ презрительно отзывался о дьякахъ князь Курбскій, представитель боярской партіи.

При Иванѣ III началось столкновеніе съ князьями и боярами за священное для дружинниковъ право отъѣзда, начались и крестоцѣ-

ловальныя записи. Вопросъ о правѣ отъѣзда получилъ особенное значеніе при Грозномъ, когда отъѣздъ окончательно приравнялся къ измѣнѣ, когда государственное начало взяло окончательный перевѣсъ надъ дружиннымъ. При Иванѣ же III сословный вопросъ разыгрался по поводу дѣла о престолонаслѣдіи.

У Ивана III отъ первой жены, Маріи Тверской, былъ сынъ Іоаннъ Молодой, рано умершій и оставившій сына Димитрія, отъ второй же, Софіи Палеологъ, былъ сынъ Василій. Вліяніе Софіи было велико, какъ свидѣтельствуетъ о томъ баронъ Герберштейнъ, называющій ее хитрѣйшею женщиной; свидѣтельство Герберштейна подтверждаютъ и русскіе источники. Говорятъ, что подъ ея вліяніемъ Іоаннъ III сталъ гордъ съ боярами, менѣе доступенъ. Грекъ Максимъ восхвалялъ Софью Ѳоминишну передъ бояриномъ Берсенемъ-Беклемишевымъ и прославлялъ ея знатное происхожденіе отъ Палеологовъ по отцу и отъ Феррарскихъ герцоговъ по матери. „Какова бы она ни была“, сказалъ Берсень—„да къ нашему нестроенію пришла“. Отзывы Курбскаго о Софьѣ еще рѣзче; въ своей Исторіи Іоанна онъ говоритъ: „Дѣдъ твой съ греческою бабою твоею, сына предобраго Іоанна, отъ первыя жены своея, отъ Тверской княжны, святыя Маріи рожденна, наимужественнѣйшаго и преславнаго въ богатырскихъ исправленіяхъ, и отъ него рожденнаго боговѣнчаннаго внука своего Димитрія, съ матерью его, святою Еленою, оваго смертоноснымъ ядомъ, а того многолѣтнимъ заключеніемъ темничнымъ, послѣди же удавленіемъ погубиша, отрекшись и забывши любови сродства“ (Ист. Іоанна, гл. V). Въ другомъ мѣстѣ Курбскій называетъ Софью чародѣйкою: „князь Василій отъ чародѣйцы греческія рожденъ“. Жалобы эти открываютъ намъ задушевныя думы боярства и выясняютъ переворотъ, который произошелъ въ государственномъ строѣ Московской Руси.

Берсень-Беклемишевъ, въ приведенномъ разговорѣ съ Максимомъ Грекомъ, между прочимъ, говоритъ: „Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля не долго стоитъ; и здѣсь у насъ старые обычаи великій князь перемѣнилъ: такъ какого намъ добра ждать“? Въ чемъ же, по мнѣнію Берсеня, состояла перемѣна обычаевъ? „Теперь“, продолжаетъ Берсень-Беклемишевъ,—„государь нашъ, запершись самъ третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ“. Рѣчь шла о Василіи Ивановичѣ, но для уясненія дѣла важно то, что Берсень связываетъ перемѣну съ пріѣздомъ на Русь Софьи.

Современники, не замѣчая внутренняго хода событій, не замѣчая,

какъ ослаблялось боярство вышеуказаннымъ раздвоеніемъ, какъ оно не умѣло приноровить къ обстоятельствамъ своего времени свои притязанія и отстаивало отжившее право отъѣзда во вредъ себѣ,—все приписывали вліянію одного лица, Софьи. Вліяніе Софьи Ѳоминишны, конечно, было, но оно только дало толчекъ дѣлу давно постепенно подготовлявшемуся, чего бояре и не замѣчали.

Гордая византійская принцесса, съ пріѣздомъ которой Иванъ III пересталъ принимать бояръ запросто, окружилъ себя этикетомъ, не нравилась боярамъ, особенно княжескому боярству, и естественно, что боярство хотѣло удержать право престолонаслѣдія за Димитріемъ Ивановичемъ, внукомъ Ивана III и Маріи Тверской, и удалить отъ престола Василія, сына Ивана III и Софьи Ѳоминишны. Пошли слухи что Софья для доставленія престола своему сыну готовитъ гибель мужу; слухи эти повели къ паденію Софьи. Но если Василія не любили бояре, то у него были свои приверженцы. Приверженцы его—дьяки и дѣти боярскіе, составившіе заговоръ съ цѣлью упрочить за нимъ престолонаслѣдіе. Они рѣшились, въ случаѣ нужды, дѣйствовать насильственными средствами, вооруженною рукой. Это рѣшеніе показываетъ, что съ вопросомъ о престолонаслѣдіи связаны были весьма тѣсно ихъ сословныя и личныя отношенія. Вопросъ, какъ говорятъ нынѣ, становился жгучимъ, дѣло принимало ожесточенный характеръ.

Въ 1498 году дьякъ Стромиловъ извѣстилъ Василія, сына Софьи, что государь хочетъ пожаловать великимъ княземъ внука Димитрія Іоанновича, сына Іоанна Молодаго, столь любимаго боярами. Дьякъ Стромиловъ, дѣти боярскіе Яропкинъ, Поярковъ, Руновъ и потомъ приставшіе къ нимъ дьякъ Гусевъ, дѣти боярскіе Щевья-Травинъ и князь Палецкій рѣшились отстоять право престолонаслѣдія за Василіемъ во что бы то ни стало. Дьяки Стромиловъ и Гусевъ привели всѣхъ соумышленниковъ къ присягѣ; всѣ они, умножая сторонниковъ цѣловали крестъ вѣрно служить сыну противъ отца. „Къ цѣлованію“, говоритъ Ростовская лѣтопись,—„приводиша на томъ, что князю Василію отъ отца своего отъѣхати, великаго князя казна пограбити на Вологдѣ и на Бѣлѣозерѣ, и надъ княземъ Димитріемъ, надъ внукомъ израда учинити“. (Кар. VI, прим. 444). Сторонники Василія не задумывались надъ средствами; но заговоръ былъ открытъ. Василій отданъ подъ стражу, Софья удалена была отъ двора, остальныхъ казнили на льду Москвы-рѣки: Яропкину отсѣкли руки, ноги и голову, Пояркову—руки и голову, двумъ дьякамъ Стромилову и Гусеву и дѣтямъ боярскимъ Щевью-Травину и князю Палецкому

отсѣкли голову. Не извѣстно, почему на долю Яропкина выпала болѣе злая казнь; былъ ли онъ во главѣ заговора, или Стромиловъ, человѣкъ опытный въ крючкотворствѣ, умѣлъ смягчить свое участіе въ дѣлѣ. Читатель видитъ, что въ заговорѣ не было ни одного боярина; все дьяки да дѣти боярскіе. Заговоръ былъ направленъ исключительно противъ бояръ, и княжескій титулъ Палецкаго, одного изъ заговорщиковъ, не долженъ никого вводить въ заблужденіе. Этотъ князь Палецкій былъ изъ числа дѣтей боярскихъ и боярином не бывалъ. Въ выше же приведенномъ отзывѣ Курбскаго о гибели Іоанна Молодаго и его сына, Димитрія, весьма ясно видно, чью сторону держали бояре и противъ кого былъ направленъ Стромиловскій заговоръ. Заговорщики жестоко поплатились, но какъ только Софья помирилась съ мужемъ, такъ постигла казнь за крамолу знатнѣйшихъ бояръ: князя Ивана Юрьевича Патрикѣева, двухъ сыновей и зятя его, князя Семена Ряполовскаго. Карамзинъ совершенно справедливо приводитъ это дѣло въ связь съ примиреніемъ Софьи съ мужемъ. Вѣроятно, князья Патрикѣевы и князь Семенъ Ряполовскій были главными виновниками гибели стромиловцевъ.

Иванъ III, однако, не рѣшался тотчасъ же провозгласить Василія III наслѣдникомъ на мѣсто только что вѣнчаннаго, въ 1498 году, Димитрія; но уже изъ того, что Иванъ III, не отнимая наслѣдія у Димитрія, назвалъ Василія княземъ Новгорода и Пскова, видно, что онъ только откладывалъ до удобнаго случая задуманную имъ перемѣну. Въ 1502 году Иванъ не извѣстно за что, какъ бы внезапно прогнѣвался на Елену и сына ея, за нѣкое ихъ прегрѣшеніе, но за какое? „11-го апрѣля 1502 года“—сказано въ Архангельской лѣтописи—„опалился великій князь на внука своего и на его матерь, и отъ того дни не велѣлъ поминать въ октеньяхъ и велѣлъ посадити за приставы“ (Кар. VI, прим. 536). Все говоритъ въ пользу предположенія, что Иванъ III уже тотчасъ послѣ примиренія съ Софьей задумалъ назначить Василія наслѣдникомъ; но всегда медлительный, холодный, тяжелый на подъемъ, онъ выжидалъ удобной минуты. Зная, что бояре на сторонѣ Димитрія, могъ ли онъ оставить власть сему послѣднему и Еленѣ и отдать имъ въ руки Софью и ея сына? Примиреніе съ Софьей поставило жестокую альтернативу: или Димитрію и Еленѣ пожертвовать Василіемъ и Софьей, или на оборотъ. Лѣтописи нарочито глухо говорятъ объ этомъ событіи, мы не знаемъ подробностей; но сущность дѣла весьма ясна.

Безъ сомнѣнія, въ это время дьяки партіи Софьи напрягали всѣ

усилія, чтобы свергнуть Димитрія. Дьяки не могли себѣ ждать добра съ воцареніемъ Димитрія и, конечно, дѣйствовали въ пользу Василія, подкрѣпляя разными средствами великаго князя. Бояре же, что̀ вѣроятнѣе всего, усыплены были разчитанною медленностью Ивана III и оставались покойны до катастрофы 11-го апрѣля 1502 года.

Принципіальная борьба боярства съ новыми порядками отразилась и въ семейномъ дѣлѣ Василія III Ивановича. Въ этой борьбѣ слугой и союзникомъ великаго князя явился монастырь Іосифа Волоцкаго. Этотъ слуга и союзникъ оставленъ былъ великому князю его матерью. Софья, какъ извѣстно, покровительствовала Іосифу Волоцкому; когда онъ боролся съ сектою жидовствующихъ, она поддерживала всѣ его предположенія о жестокихъ и крутыхъ мѣрахъ, за что̀ монастырь платилъ сыну его покровительницы и покровительницы основателя монастыря безпредѣльною преданностью.

Великій князь, недовольный митрополитомъ Варлаамомъ, который противился задуманному имъ разводу съ его супругой, Соломоніей, изъ рода Сабуровыхъ, замѣнилъ его Даніиломъ, игуменомъ Волоцкаго монастыря. Этотъ осифлянинъ (по выраженію Курбскаго) въ дѣлѣ развода сталъ на сторону великаго князя. Противились же разводу, задуманному великимъ княземъ, иноки Вассіанъ Косой (въ міру князь Патрикѣевъ) и Максимъ Грекъ; съ ними за одно стоялъ боярин̀ъ, князь Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій, въ молодости прославившійся ратными подвигами, покоритель Перми и Югры. Конечно Вассіанъ Патрикѣевъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей того времени, равно какъ и Семенъ Курбскій, противились разводу по политическимъ соображеніямъ. У Василія отъ Соломоніи не было дѣтей, престолъ долженъ былъ наслѣдовать одинъ изъ братьевъ, которые, не будучи очень близки къ Василію, казались боярамъ способнѣе возвратиться къ старинѣ, то-есть, совѣтоваться обо всемъ съ боярами и, по завѣщанію Донскаго, во всемъ ихъ слушаться. Такъ какъ Максимъ Грекъ вооружался противъ развода во имя грѣха, то митрополитъ Даніилъ взялъ грѣхъ на себя, и разводъ состоялся. Воззрѣнія князя Курбскаго, жестокое порицаніе имъ этого развода не могутъ оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ дѣлѣ о разводѣ въ другой формѣ воскресло дѣло Димитрія и Василія при Иванѣ III, или правильнѣе, что послѣднее дѣло было возобновленіемъ перваго, только въ другой формѣ.

Вотъ съ какою страстью князь Андрей Курбскій въ Исторіи Іоанна отзывается о разводѣ Василія съ Соломоніей и о рожденіи Грознаго

отъ Елены Глинской, второй жены Василія: „Князь Василій ко многимъ злымъ и сопротивъ закона Божія дѣломъ своимъ и сіе приложилъ—живши съ женою своею первою Соломонидою двадесять и шесть лѣтъ, остригъ ее во мнишество не хотящу и не мыслящу ей о томъ и заточилъ въ далечайшъ монастырь". Потомъ Курбскій, описавъ противодѣйствіе Вассіана Патрикѣева, родственника великаго князя по женскому колѣну, а по отцу внука Литовскаго княжича Наримонта, сына Гедимина, и такое же противодѣйствіе Семена Курбскаго, съ роду княжатъ Смоленскихъ и Ярославскихъ, говоритъ о рожденіи Іоанна IV слѣдующее: „Такъ зачался нынѣшній Іоаннъ нашъ и родилася въ законопреступленію и во сладострастію лютость"... Итакъ, противодѣйствіе идетъ со стороны потомковъ Гедимина и Св. Владиміра. Ударепіе, которое Курбскій дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ надъ родословіями, весьма замѣчательно.

Кто же содѣйствуетъ разводу? Главнымъ образомъ митрополитъ осифлянинъ Даніилъ, преемникъ Іосифа Волоцкаго по игуменству въ монастырѣ и наслѣдникъ его въ довѣренности князей. Осифлянинъ Даніилъ такъ увлеченъ былъ политическими разчетами, что немилосердно гналъ Максима Грека, приставшаго въ дѣлѣ о разводѣ ко мнѣніямъ Вассіана и Семена Курбскаго, хотя Максимъ Грекъ извѣстенъ былъ за великаго ревнителя восточнаго православія. Товарищемъ митрополита въ дѣлѣ о разводѣ является дворецкій Шигона-Поджогинъ, естественный врагъ не только княжескаго, но и вообще московскаго боярства. Шигоны-Поджогины происходили изъ тверскихъ бояръ, а московское боярство, какъ указано выше, въ верхніе ряды свои не охотно принимало боярскіе роды изъ присоединенныхъ княжествъ. Этотъ Шигона-Поджогинъ былъ самымъ приближеннымъ къ Василію человѣкомъ. Когда Берсень-Беклемишевъ говорилъ, что Василій Иванович всѣ дѣла рѣшаетъ самъ третій, то подразумѣвалъ тутъ Шигону-Поджогина и кого-либо изъ дьяковъ, которыхъ жаловалъ Василій, и съ которыми онъ не церемонился. Изъ дьяковъ, игравшихъ при немъ роль особенно извѣстны: Мансуровъ, Путятинъ, Цыплятевъ, Курицынъ, Раковъ, Мишуринъ.

Выше мы указали, что незадолго до конца своей жизни Василій сблизился съ сильною семьей изъ стараго московскаго боярства, съ Захарьиными-Юрьевыми. Въ этой же фамиліи, въ дьякахъ и въ осифлянахъ Василій оставилъ опору и сыну своему.

Положеніе дѣлъ было, однако, совсѣмъ не таково, какъ представляютъ его наши историки на основаніи словъ Берсеня-Беклеми-

шева и разказовъ Герберштейна. Василій III вовсе еще не былъ такимъ самовластнымъ, какъ казалось Герберштейну на основаніи холопски-усердныхъ словъ нѣкоторыхъ неважныхъ бояръ. Василій III, по врожденному характеру, былъ очень жестокъ и безпощаденъ; но изъ важныхъ бояръ при немъ никто не былъ казненъ, ибо, при крайней жестокости, онъ былъ еще болѣе хладнокровенъ и сдержанъ, чѣмъ его отецъ. Этимъ хладнокровіемъ, крайне обдуманнымъ образомъ дѣйствій онъ и сдерживалъ притязанія боярства. Онъ постепенно старался ослабить значеніе княжескихъ боярскихъ родовъ, и только въ концѣ его княженія Захарьины-Юрьевы поднялись до второго мѣста. За то съ дьяками, созданіемъ его отца и его самого, онъ былъ безпощаденъ. Дьяку Ѳедору Жаренову за нескромное слово урѣзали языкъ; у дьяка Далматова отняли имѣніе и отослали на Бѣлоозеро за отказъ ѣхать посломъ къ императору Максимиліану. Дѣло Берсеня-Беклемишева не только не противорѣчитъ нашему взгляду, но въ значительной степени подтверждаетъ его. Фамилія Берсень-Беклемишевыхъ не была изъ первоклассныхъ московскихъ боярскихъ родовъ. Она была изъ среды боярства нижегородскаго, и притомъ татарскаго происхожденія, и ни прежде, ни послѣ Берсень-Беклемишевы важной роли не играли. Если Василій говорилъ Берсеню: „Пошелъ смердъ, не твое дѣло“, то Шуйскому или другому важному боярину онъ этого бы не сказалъ. Московскій государь, говоритъ г. Ключевскій, — воленъ былъ надъ лицами, но не надъ порядкомъ. Это до извѣстной степени справедливо замѣчено; но должно, прибавить, что безусловная власть надъ лицами простиралась только до высшаго боярства, и не потому, какъ думаетъ авторъ, что у Ивана III и Василія III не было даже понятія о возможности распорядиться иначе, а потому, что безусловную власть надъ боярином онъ могъ показать только въ крайнемъ случаѣ прямаго противодѣйствія волѣ великаго князя, когда онъ имѣлъ дѣло съ партіей, не поддерживаемою всѣми боярами, какъ это было въ дѣлѣ Ряполовскаго и Патрикѣевыхъ. Далѣе г. Ключевскій (Б. Д., стр. 261) говоритъ: „Великій князь бранилъ своихъ совѣтниковъ смердами и прогонялъ изъ думы съ глазъ долой; но въ полковыхъ росписяхъ какого-нибудь политически неблагонадежнаго князя Горбатаго-Шуйскаго назначалъ на много мѣстъ выше преданнаго потомка старинныхъ московскихъ бояръ Хабара-Симскаго, или Лошакова-Колычева“. Если порядокъ былъ такъ крѣпокъ, что великій князь ничего не могъ съ нимъ сдѣлать, то какъ же онъ имѣлъ власть надъ лицами которыми

такой порядокъ держался? Еслибы такъ было, то съ этимъ порядкомъ легко было бы покончить, и терроръ Грознаго былъ бы явленіемъ немыслимымъ. Стоитъ только вспомнить, что не при Василіи III только, но и послѣ Грознаго князь Василій Васильевичъ Голицынъ говаривалъ: „Насъ изъ думы не вываживали“, и сообразивъ всѣ обстоятельства, получимъ тотъ результатъ, о которомъ нами сказано выше: что изъ думы можно было выводить только Берсеней-Беклемишевыхъ. Самъ же г. Ключевскій указываетъ на выраженіе: „за службу государь жалуетъ помѣстьями и деньгами, а не отечествомъ“, сопровождая его замѣчаніемъ, что такому формулированію аристократическаго принципа позавидовалъ бы любой феодальный баронъ. Такое формулированіе, конечно, было дѣломъ только первостепенныхъ боярскихъ родовъ; съ людьми же, умѣвшими такъ формулировать свои не писанныя права, нельзя было поступать необдуманно. Если князь В. В. Голицынъ, даже въ началѣ XVII вѣка, выражался какъ выше сказано, то конечно, въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI родовитые княжескіе и не княжескіе бояре участіе въ думѣ считали своимъ правомъ. Если великій князь до такой степени подчиненъ былъ порядку, что неблагонадежнаго Шуйскаго долженъ былъ ставить выше благонадежнаго Хабарова-Симскаго, то само собою, и предѣлы его власти надъ Шуйскимъ и Хабаровымъ были не одинаковы. Что же касается до замѣчанія профессора Ключевскаго, что Ивану III и Василію III не приходило и мысли распорядиться иначе, то этому замѣчанію противорѣчатъ факты, указанные уже С. М. Соловьевымъ о постепенномъ возвышеніи при Василіи III старо-боярскихъ родовъ въ ущербъ княжескимъ родамъ, о чемъ говорено нами выше. Василій III хитрый, жестокій и сдержанный ничего безсознательно не дѣлалъ.

Въ концѣ перваго періода московскаго отдѣла русской исторіи, когда, по общепринятому мнѣнію, установилось на Руси самодержавіе, весьма умѣстно опредѣлить, какъ понимались слова самодержецъ и самодержавіе въ XV в. и XVI в., и на сколько понятія этого времени относительно означенныхъ словъ отличались отъ понятій XVII в. Уясненіе этого различія помогаетъ пониманію общаго хода русской исторіи. Профессоръ Ключевскій справедливо осуждаетъ тѣхъ, которые упреждаютъ исторію. Вслѣдъ за Н. И. Костомаровымъ онъ говоритъ, что въ XV и XVI вв. словомъ самодержецъ характеризовали не внутреннія политическія отношенія, а внѣшнее положеніе Московскаго государства, подъ нимъ разумѣли правителя, не зависящаго

отъ посторонней, чуждой власти, самостоятельнаго. Самодержцу противопоставляли то, что̀ мы называемъ вассаломъ, а не то, что̀ на современномъ языкѣ носитъ названіе конституціоннаго государя. Нѣтъ никакой нужды", говоритъ далѣе авторъ,—„предварять историческій ходъ явленій, приписывая Московскимъ государямъ политическое самосознаніе, которое съ великимъ лишь трудомъ выработалось позднѣе". Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться, и мѣрить власть Василія III аршиномъ Петра I значитъ лишать русскую исторію разумнаго органическаго развитія и приписывать ей какой-то уродливый характеръ непослѣдовательности и дикой случайности. Понятно поэтому, что слово самодержецъ при имени Ивана III или его сына напоминало ихъ современникамъ государя независимаго отъ татаръ и возбуждало отрадное чувство народной независимости.

Но не въ отрадномъ свѣтѣ представлялись Василію III внутреннія отношенія, и не безъ боязни за судьбу своихъ дѣтей онъ сходилъ въ могилу. Онъ понималъ, что въ случаѣ усобицъ и женѣ, и дѣтямъ его нельзя ждать пощады. Обращаясь къ Михаилу Глинскому, Василій говорилъ: „А ты бы, князь Михайло Глинскій, за моего сына, великаго князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына Юрія, кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ". И дѣйствительно, опасенія Василія были не безъ основанія: съ первыхъ дней правленія Елены поднялась смута по поводу удѣльнаго князя Юрія Ивановича, въ дѣло котораго вмѣшалась роковая для дома Калиты фамилія—Шуйскихъ. Князь Андрей Шуйскій все время правленія Елены просидѣлъ въ тюрьмѣ. Положеніе дѣлъ было тѣмъ опаснѣе, что, вопервыхъ, князь Михаилъ, представитель дома Глинскихъ, по личному своему характеру, неспособенъ былъ стать примиряющимъ звеномъ между боярскими партіями, а вовторыхъ (что̀, по обстоятельствамъ того времени еще важнѣе), Глинскіе чужды были всѣмъ вѣтвямъ могущественнаго московскаго боярства.

Князья Глинскіе, татарскаго происхожденія, были одинаково чужды и Рюриковичамъ, и Гедиминовичамъ, и тѣмъ болѣе московскимъ старобоярскимъ фамиліямъ; имъ некуда было примкнуть, а мы уже указывали на важное значеніе родословныхъ счетовъ и отношеній. Кажется, самъ князь Михаилъ Глинскій чувствовалъ свое положеніе и сближеніе его съ бояриномъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ показываетъ, что онъ искалъ опоры въ старобоярскихъ родахъ Москвы, шелъ по дорогѣ Василія III Ивановича, который въ концѣ своего княженія

сблизился, какъ сказано выше, съ Захарьиными-Юрьевыми и передъ смертію примирился съ этимъ самымъ Воронцовымъ. Успѣлъ ли бы что-нибудь сдѣлать князь Михаилъ Глинскій, или нѣтъ, это не извѣстно; но онъ, по праву дяди, вздумалъ вмѣшаться въ сердечныя дѣла своей племянницы и погибъ. Глинскій возсталъ, по видимому, противъ связи своей племянницы съ княземъ Овчиной-Телепневымъ-Оболенскимъ. Этотъ князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій сталъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ Еленѣ, пользовался неограниченнымъ ея довѣріемъ; но, какъ видно по дѣлу удѣльнаго князя Андрея Ивановича, Елена не позволяла своему любимцу распоряжаться по произволу. Князь Иванъ надавалъ князю Андрею обѣщаній отъ имени Елены, которыхъ она сдержать не хотѣла или не могла, и за это Овчина получилъ строгій выговоръ, хотя можетъ быть, и притворный.

Боярство было недовольно единоличнымъ вліяніемъ Овчины-Телепнева-Оболенскаго, и въ августѣ 1534 г. два представителя двухъ знатныхъ родовъ бѣжали въ Литву—князь Семенъ Бѣльскій изъ рода Гедиминовичей и Иванъ Ляцкій изъ рода Кошкиныхъ. За бѣгствомъ ихъ послѣдовало заключеніе въ темницу Михаила Глинскаго, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ; такое же заключеніе постигло и князя Ивана Бѣльскаго, брата Семена, и князя Ивана Воротынскаго съ дѣтьми. Третій братъ Семена Бѣльскаго Димитрій не былъ тронутъ. Соловьевъ поэтому не безъ основанія замѣчаетъ, что если Дмитрія не тронули, то Иванъ Бѣльскій и Воротынскій едва ли заключены были невинно.

Елену, конечно, тѣмъ болѣе ненавидѣли, чѣмъ болѣе надѣялись воспользоваться ея женскимъ невѣдѣніемъ дѣлъ, въ чемъ жестоко ошиблись. Елена ни шагу не отступила отъ пути, указаннаго ея свекромъ и мужемъ. Но въ борьбѣ съ крамолой она все-таки, при страстности своего темперамента, не могла слѣдовать упорно-хладнокровной сдержанности мужа своего и погибла. 3-го апрѣля 1538 года Елена была отравлена, по свидѣтельству Герберштейна; 9-го апрѣля Телепнева-Оболенскаго и его сестру схватили и бросили въ тюрьму, гдѣ первый погибъ голодною смертію, а вторая сослана была въ Каргополь и заключена въ монастырь. Власть перешла къ Шуйскимъ, первымъ дѣломъ которыхъ было освобожденіе князей Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго.

Карамзинъ затемнилъ положеніе дѣлъ при Еленѣ и обстоятельства ея смерти посторонними разсужденіями о добродѣтели, совсѣмъ не идущими къ дѣлу. Вотъ его слова: „Тиранство и беззаконная, уже всѣмъ явная любовь ея къ князю Ивану Телепневу-Оболен-

скому, возбуждала къ ней ненависть и презрѣніе, отъ коего ни власть, ни строгость не спасаютъ вѣнценосца, если святая добродѣтель отвращаетъ отъ него лицо свое". Но историографъ чувствовалъ, что такими разсужденіями объяснить всего не возможно; потому онъ и добавилъ слѣдующія слова: „Ко гласу оскорбляемой добродѣтели присоединялся и гласъ зависти: одинъ Телепневъ былъ истиннымъ вельможею въ думѣ и въ государствѣ, другіе старѣйшіе назывались только именемъ бояръ". Но простое, безхитростное сказаніе лѣтописи наводитъ на иныя разсужденія. Вотъ оно: „Апрѣля 9-го пойманъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій боярскимъ совѣтомъ князя Василія Шуйскаго и брата его и иныхъ за то, что государь въ приближеніи держалъ". Дѣло ясное и простое, и не слѣдовало затемнять его посторонними разсужденіями, за которыми скрылся трагизмъ событія, освѣщающаго входъ въ исторію Грознаго. Гибель Телепнева-Оболенскаго дѣйствительно была трагическая, но не столько по причинѣ ея ужаса, сколько по столкновенію политическихъ страстей. Шуйскіе и иные явились мстителями за все боярство, которому Телепневъ, по ихъ понятіямъ, измѣнилъ; онъ погибъ, какъ погибли Хвостъ и Вельяминовъ. Для большаго освѣщенія преддверія въ исторію Грознаго отмѣтимъ еще слѣдующія событія правленія Елены:

1) 2-го мая 1537 года удѣльный князь Старицкій, Андрей, поднялъ открытую смуту и задумалъ вести борьбу съ племянникомъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ этой борьбѣ замѣчательно раздѣлилась фамилія Оболенскихъ: князь Юрій Оболенскій стоялъ на сторонѣ Андрея, князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій и его братъ Никита — на сторонѣ великаго князя. Войска сошлись и готовы были вступить въ бой, когда Овчина завелъ, какъ выше упомянуто, переговоры съ Андреемъ. Князь Андрей жестоко поплатился за свою довѣрчивость, и еще болѣе за то поплатились его приверженцы—князья Пронскіе, двое Оболенскихъ, двое Пенинскихъ, Палецкіе. Его дѣти боярскіе были пытаны и казнены торговою казнію. Тридцать новгородскихъ помѣщиковъ, перешедшихъ на сторону Андрея, были наказаны въ Москвѣ кнутомъ и повѣшены на заранѣе опредѣленномъ пространствѣ другъ отъ друга по новгородской дорогѣ.

2) Сигизмундъ оказалъ ласковый пріемъ московскимъ бѣглецамъ, князю Семену Бѣльскому и Ивану Ляцкому, и богато одарилъ ихъ.

3) Князь Семенъ Бѣльскій затѣялъ происки въ Константинополѣ съ цѣлью поднять на Москву султана и Крымскаго хана въ союзѣ съ

Литвою, дабы возстановить независимое великое княжество Рязанское. Онъ считалъ послѣднее принадлежащимъ ему, потому что мужское поколѣніе великихъ князей Рязанскихъ пресѣклось и права переходили на женское колѣно къ его матери, княжнѣ Рязанской, къ племянницѣ Ивана III.

4) Бѣгство Бѣльскаго Семена и Ляцкаго, опала другихъ бояръ, происки Семена Бѣльскаго произвели такую смуту, что когда началась Литовская война, то московское правительство не могло собрать достаточныхъ силъ на границахъ Литвы и должно было оставить ихъ безъ всякой защиты, имѣя въ виду еще опаснѣйшаго врага въ крымскихъ татарахъ.

Такія событія во время дѣтства Грознаго не предвѣщали мирнаго царствованія; но передъ анализомъ событій эпохи Іоанна IV необходимо сдѣлать обзоръ мнѣній и сужденій нашихъ ученыхъ о личности этого историческаго дѣятеля.

Образъ Грознаго, который нынѣ усвоенъ воображеніемъ образованнаго русскаго общества, не восходитъ далѣе первой четверти нынѣшняго столѣтія. Вотъ какъ выражается по этому поводу Устряловъ въ предисловіи къ изданнымъ имъ сочиненіямъ князя Курбскаго: „До появленія въ свѣтъ IX тома „Исторіи государства Россійскаго“ у насъ признавали Іоанна государемъ великимъ: видѣли въ немъ завоевателя трехъ царствъ и еще болѣе — мудраго, попечительнаго законодателя; знали, что онъ былъ жестокосердъ, но только по темнымъ преданіямъ и отчасти извиняли его во многихъ дѣлахъ для утвержденія благодѣтельнаго самодержавія. Самъ Петръ Великій хотѣлъ оправдать его“. Читатель, конечно, припомнитъ вышеприведенное объясненіе, какое понятіе современники Грознаго соединяли съ словомъ самодержавіе; здѣсь добавимъ только, что иногда оно было синонимомъ къ слову единодержавіе. Послѣднее имѣло однако болѣе значенія по отношенію къ князьямъ удѣльнымъ, единодержавіе означало отсутствіе удѣловъ. Далѣе Устряловъ говоритъ: „Такое мнѣніе (о Грозномъ) поколебалъ Карамзинъ, который объявилъ торжественно, что Іоаннъ въ послѣдніе годы своего правленія не уступалъ ни Людовику XI, ни Калигулѣ; но что до смерти первой супруги своей, Анастасіи Романовны, онъ былъ примѣромъ монарховъ благочестивыхъ, мудрыхъ, ревностныхъ къ славѣ и счастью государства“ (Соч. Курбскаго, стр. XXXV, изд. 1868 г.).

Карамзинъ вывелъ изъ хаотическаго состоянія русскую исторію, привелъ въ стройный порядокъ массу сыраго матеріала и громад-

ностью своихъ примѣчаній завѣщалъ потомству цѣлый архивъ свѣдѣній о Россіи. Но недостатокъ трудовъ предшествовавшихъ помѣшалъ ему глубже взглянуть на ходъ русской исторіи. Только на плечахъ Карамзина можно было идти далѣе. Этою оговоркой мы надѣемся избѣжать упрека въ неуваженіи къ заслугамъ историографа, который, можетъ быть, вызванъ недоумѣніемъ по поводу нашихъ замѣчаній. Карамзинъ, по основному взгляду своему на русскую исторію, считавшій Владиміра Святаго, Андрея Боголюбскаго такими же самодержцами, какими были Петръ Великій, Александръ I, естественно не могъ понять смысла эпохи Грознаго и безпристрастно оцѣнить эту историческую личность. Но кромѣ того, у него черезъ всю его исторію проходитъ цѣль дидактическая, поучительная, а дидактическія стремленія въ историкѣ — первые враги объективнаго воззрѣнія и, слѣдовательно, безпристрастнаго отношенія къ дѣлу. Такія стремленія вольно или невольно, но неизбѣжно ведутъ къ искаженію истины. Укажемъ примѣръ на фактѣ, о которомъ уже было упомянуто. Лѣтописецъ, подъ 1140 годомъ, говоря о столкновеніи Всеволода Ольговича съ Новгородомъ, выражается по обыкновенію просто и ясно: „И присласа Новгородци епископа, съ мужи своими, къ Всеволоду, рекуче: „дай намъ сынъ твой, а Святослава, брата твоего не хочемъ“. И посла къ нимъ сынъ свой... И бывшю ему в Черниговѣ, Новгородци сдумавше рекоша Всеволоду: не хочемъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего; но хочемъ племени Володимера (то-есть, Владиміра Мономаха). Всеволодъ же се слышавъ, посла по нихъ, вороти я и епископа с ними и удержа ѣ со епископомъ; рекоша бо тако: „дай ны шюрина своего Мьстиславича“. Всеволодъ же, не хотя перепустити Новагорода Володимерю племени, призва шюрина своя, да има Берести и река: „Новгорода не березѣта, ать сѣдятъ сами о своей силѣ, кде князя не налѣзуть; а Новгородци же держа у себе, зиму же и лѣто, и съ епископомъ“ (Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871 г., стр. 220). Читатель ясно видитъ, что это мѣсто лѣтописи, рисуя бодрый и независимый духъ новгородцевъ, показываетъ, что Всеволодъ Ольговичъ заботился единственно о томъ, чтобы новгородцы не выбрали князя изъ племени Володимера Мономаха. Что же изъ этого событія XII вѣка дѣлаетъ историографъ? Вотъ его слова: „Вѣтреные новгородцы, перемѣнивъ мысли, дали знать великому князю, что не хотятъ ни сына, ни ближнихъ его и что одинъ родъ Мономаховъ достоинъ управлять ими. Оскорбленный Всеволодъ задержалъ ихъ по-

словъ и самого епископа Нифонта. Узнавъ о томъ, новгородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему, какъ общему государю Россіи, желая отъ его руки имѣть властителемъ своимъ брата великой княгини Святополка, или Владиміра Мстиславича. Однако же, сія уклончивость не смягчила Всеволода, который призвалъ къ себѣ обоихъ меньшихъ шурьевъ и далъ имъ брестовскую область, для того, чтобы они не соглашались княжить въ Новгородѣ и чтобы его безпокойные жители испытали всѣ бѣдствія безначалія". Не говоря о томъ, что выраженіе „вѣтреные новгородцы" странно уже потому, что среди пословъ былъ престарѣлый епископъ Нифонтъ, откуда же видно, что новгородцы покорны Всеволоду, какъ общему государю Россіи, когда въ XII вѣкѣ не было и слова „Россія", и когда новгородцы даже въ XV вѣкѣ изъ-за слова государь разсорились съ Иваномъ III, ибо тогда у нихъ былъ только одинъ государь, государь великій Новгородъ, а великаго князя называли только господиномъ. Откуда вывелъ исторіографъ свое нравоученіе, что Всеволодъ хотѣлъ яко бы предать Новгородъ бѣдствіямъ безначалія, дабы этими бѣдствіями наказать безпокойныхъ новгородцевъ? Вотъ къ какому отклоненію отъ истины ведутъ дидактическія цѣли, которыя тѣмъ болѣе внесятъ въ исторію искаженія, что изъ науки превращаютъ ее въ арену борьбы различныхъ партій и воззрѣній. Точно также и весь IX-й томъ Исторіи Государства Россійскаго проникнутъ дидактическою цѣлью поучать царей и народы: но исторія поучаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе объ этомъ думаетъ, и потому едва ли IX-й томъ достигалъ своей дидактической цѣли. Относительно IX-го тома должно замѣтить, что его дидактическое направленіе неразрывно связано съ основнымъ взглядомъ Карамзина. Притязанія дружинъ, отношенія и борьба вѣчевыхъ городовъ съ пригородами, медленное и постепенное возрастаніе верховной власти не были замѣчены Карамзинымъ, да и не могли быть замѣчены; поэтому царствованіе Грознаго и должно было показаться ему нарушеніемъ историческаго порядка.

За Карамзинымъ послѣдовалъ и позднѣйшій историкъ, Н. И. Костомаровъ, подъ перомъ котораго ошибки Карамзина приняли болѣе рельефныя формы. Хотя его „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ" есть исключительно популярная книга, но два обстоятельства заставляютъ насъ остановиться на мнѣніи Костомарова о Грозномъ: во-первыхъ, онъ касался личности Ивана IV и въ ученой своей статьѣ: „Начало единодержавія на Руси"; вовторыхъ, его громадная популярность и самое уваженіе къ его памяти.

Главная причина, почему Костомаровъ слѣпо пошелъ за Карамзинымъ во взглядѣ на Грознаго, заключается въ его основномъ взглядѣ на древнюю русскую исторію. Онъ, за княземъ и вѣчемъ, не разглядѣлъ, какъ выше замѣчено, роли, которую играла дружина. Въ своемъ сочиненіи: „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, онъ даетъ слѣдующій отзывъ о Грозномъ: „Иванъ отъ природы не имѣлъ большаго ума; но за то одаренъ былъ въ высшей степени нервнымъ темпераментомъ, и, какъ всегда бываетъ съ подобными натурами, чрезмѣрною страстностью и до крайности впечатлительнымъ воображеніемъ (т. I, стр. 418, изд. 1880 г.). Замѣтимъ по этому поводу, что неразвитость и тупость нервной системы—признакъ умственной тупости, и на оборотъ, нервный темпераментъ—признакъ большихъ дарованій. Александръ Великій, Цезарь, Петръ Великій были люди нервнаго темперамента; историкъ, кажется, смѣшалъ болѣзненную нервозность съ нервнымъ темпераментомъ. На стр. 470 той же книги, авторъ довершаетъ свою характеристику: „Иванъ не былъ безусловно глупъ, но однакожь не отличался ни здравыми сужденіями, ни глубиною, ни широтою взгляда. Воображеніе, какъ это всегда бываетъ съ нервными натурами, брало у него верхъ надъ всѣми способностями души. Напрасно бы мы старались объяснить его злодѣянія какими-нибудь руководящими цѣлями и желаніемъ ограничить произволъ высшаго сословія, напрасно пытались бы мы создать изъ него образъ демократическаго государя. Съ другой стороны, люди высшаго званія въ московскомъ государствѣ совсѣмъ не стояли къ низшимъ слоямъ общества такъ враждебно, чтобы нужно было изъ за народныхъ интересовъ начать противъ нихъ истребительный походъ“. Въ слѣдующей главѣ читатель увидитъ, точно ли Грозный руководился только воображеніемъ, и каковы были отношенія людей высшаго званія къ низшимъ въ Московскомъ государствѣ.

Просимъ читателя не забыть приведенную характеристику. Въ статьѣ объ исторіи единодержавія Костомаровъ, рѣшивъ заранѣе, что отношенія высшихъ слоевъ къ низшимъ въ Московскомъ государствѣ не представляли ничего дурнаго и, не обративъ никакого вниманія на притязанія боярства, рѣшаетъ важнѣйшій изъ вопросовъ русской исторіи въ нѣсколькихъ словахъ: „Такимъ образомъ“, говоритъ онъ,—„единодержавіе, зародившись во время татарскаго завоеванія, какъ неизбѣжное послѣдствіе покоренія страны и обращенія ее въ собственность завоевателя, вмѣщаясь сначала въ особѣ верховнаго

владыки завоевателя, хана, устроивъ для своего удобства на Руси феодальный порядокъ изъ найденныхъ въ ней и подвергнутыхъ измѣненіямъ элементовъ, съ ослабленіемъ Орды, перешло отъ хановъ къ великимъ князьямъ и, постепенно расширяясь, усиливаясь и подавляя собою какъ феодализмъ, такъ и признаки древней жизни, хотя уже парализованные, но все еще существовавшіе и по своимъ качествамъ противные духу единодержавія, достигло при царѣ Иванѣ Васильевичѣ наивысшаго развитія и такого могущества, какого, смѣемъ думать, никогда и нигдѣ не достигало въ христіанскихъ обществахъ". Здѣсь, что ни слово, то промахъ. Неужели единодержавіе, объединеніе Руси то жь, зародилось только вслѣдствіе татарскаго завоеванія? А стремленія Андрея Боголюбскаго? Появленіе же удѣловъ, которое Костомаровъ называетъ феодальнымъ порядкомъ, было естественнымъ послѣдствіемъ раздробленія княжескаго рода на далеко разошедшіяся вѣтви. Развѣ обособленіе княжествъ Полоцкаго, Галицкаго, совершившееся задолго до татаръ, не было явленіемъ аналогичнымъ съ появленіемъ удѣловъ въ концѣ XIII вѣка?

Выше было сказано, какія причины вызвали перемѣну на Руси въ концѣ XIII вѣка, когда на сцену появились удѣлы, то-есть, территоріальная собственность у различныхъ вѣтвей дома св. Владиміра. Но такъ какъ Костомаровъ и дѣленіе Руси при Ярославѣ считалъ за удѣльную систему, то и территоріальное дробленіе Руси приписано имъ татарскому вліянію.

Что касается до отношенія татаръ къ созданію единодержавія, то нельзя не замѣтить, что эти отношенія были чисто внѣшни и случайны; московскіе бояре, митрополиты и князья пользовались близорукостью хановъ, жадностію ханскихъ сродниковъ и вельможъ для своей цѣли. Уже Соловьевъ доказалъ, что татарское иго на внутреннія политическія отношенія не имѣло существеннаго вліянія, оно гибельно отразилось въ другой сферѣ, въ сферѣ нравовъ и домашней жизни. Это уже другой вопросъ, какъ и то обстоятельство, что изъ области нравовъ оно рикошетомъ отразилось и на политическихъ отношеніяхъ.

Будь власть Московскаго князя властью единоличнаго произвола, порожденнаго татарщиной, политика Москвы не имѣла бы той наслѣдственной мудрости, которая отличаетъ ее. Выше мы указали на причину этого явленія.

Въ своей замѣчательной статьѣ „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси", Костомаровъ превосходно подмѣтилъ зародышъ

федеративнаго начала въ развѣтвленіи восточной отрасли Славянскаго племени еще до княжескаго періода, такъ-сказать, примитивнаго федеративнаго начала; но, обманутый этимъ явленіемъ, онъ счелъ его за коренное начало русской исторіи и, возлюбивъ это начало, приписалъ гибель его Москвѣ, не задаваясь вопросами: могло ли такое примитивное явленіе общественнаго быта удержаться и не перепутаться впослѣдствіи отъ крайнихъ раздробленій вѣтвей княжескаго рода, могло ли оно удержаться при потребности защиты отъ внѣшнихъ враговъ, грозившихъ уже цѣлому племени? Рѣшеніе этихъ вопросовъ свело бы автора съ неба на землю и, вѣроятно, сдѣлало-бы его взглядъ на московскую исторію болѣе объективнымъ и спокойнымъ. Еще болѣе запутало взгляды покойнаго историка его идиллическое воззрѣніе на отношенія высшаго сословія въ Московской Руси къ низшимъ. Въ своей блестящей монографіи „Бунтъ Стеньки Разина“ онъ однако далекъ отъ этой идилліи. Замѣтимъ кстати, что эту послѣднюю монографію многіе сочли за какое-то революціонное сочиненіе, тогда какъ оно глубоко-консервативное; видѣвшіе въ ней проповѣдь революціи не замѣтили словъ автора, что послѣ 19-го февраля Разины не возможны. Дѣлаемъ это замѣчаніе потому, что полемика противъ Н. И. Костомарова велась далеко не научными пріемами, которые его волновали и бросали въ крайности, мѣшавшія спокойному ходу его трудовъ. Такого рода полемикѣ приписываемъ мы и указанные нами промахи.

Соловьевъ въ исторіи Грознаго весьма обстоятельно объяснилъ одну сторону переписки его съ Курбскимъ, именно — вопросъ о правѣ отъѣзда дружинниковъ, и сдѣлалъ при этомъ превосходное замѣчаніе о причинѣ пораженія боярства, сказавъ, что бояре не умѣли приноровить своихъ требованій къ обстоятельствамъ времени и защищали отжившую старину, которую защитить было не возможно. Дружинники въ былое время, отъѣзжая отъ князя Переяславскаго къ князю Кіевскому и на оборотъ, не измѣняли Руси; но московскіе бояре не поняли, что отъѣзды въ Польшу — дѣло другое и терпимы быть не могли.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ взглядъ К. Д. Кавелина на Грознаго, высказанный сорокъ лѣтъ тому назадъ. Въ 1847 году напечатана была статья К. Д. Кавелина „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“. Въ этой статьѣ въ первый разъ было заявлено, что наша исторія представляетъ постепенное измѣненіе формъ, а не повтореніе ихъ, и что слѣдовательно, въ ней было развитіе

не такъ, какъ на востокѣ, гдѣ съ самаго начала и до сихъ поръ повторяется почти одно и то же; а если по временамъ и проявлялось что-нибудь новое, то замирало, или развивалось на европейской почвѣ. Это научно-вѣрное положеніе, безъ сомнѣнія, и навело автора на вопросъ, справедливо ли установившееся воззрѣніе на Грознаго. Все сказанное авторомъ по этому предмету заслуживаетъ полнаго вниманія; онъ заставилъ вдумываться въ русскую исторію, искать смысла въ ходѣ ея развитія. Въ той же статьѣ Кавелинъ высказалъ необходимость теоріи русской исторіи, безъ которой мы постоянно будемъ путаться въ нашихъ сужденіяхъ о значеніи тѣхъ или другихъ событій, тѣхъ или другихъ личностей. „Взглядъ, теорія“, говоритъ онъ,— „непремѣнно предполагаютъ фактическое знаніе предмета. Безъ послѣдняго не возможны первые. Какъ строить теорію предмета, котораго мы совсѣмъ не знаемъ? Но и на оборотъ, фактическое изученіе не возможно безъ взгляда, безъ теоріи. Одно необходимо переходитъ въ другое“. Нѣсколько далѣе онъ прибавляетъ: „Взглядъ, теорія опредѣляютъ важность фактовъ, придаютъ имъ жизнь и смыслъ, мѣшаютъ запутаться въ ихъ безконечномъ лабиринтѣ; словомъ, только съ ихъ помощью можно возсоздать исторію, какъ она была“. И дѣйствительно, теоріи, выработанныя Кавелинымъ и Соловьевымъ, не смотря на ихъ односторонность, помогали и до сихъ поръ помогаютъ понемногу выпутываться изъ лабиринта фактовъ. Работа пошла тѣмъ успѣшнѣе, что за ихъ теоріями послѣдовали новыя Н. И. Костомарова и В. И. Сергѣевича, освѣтившія предметъ съ другихъ сторонъ. Главное вниманіе Кавелина въ означенной статьѣ обращено на недостаточность развитія юридическихъ понятій и опредѣленій въ жизни древняго русскаго общества. Для нашей задачи въ его статьѣ важно то, что онъ указалъ, какъ сформировалось господствующее мнѣніе о Грозномъ.

К. Д. Кавелинъ понялъ, что личность Грознаго и его значеніе ученые судили на основаніи словъ современниковъ, которые кричали громче другихъ. Конечно, авторъ подъ современниками разумѣлъ тѣхъ иностранцевъ, которые писали со словъ бояръ, и слагателей тѣхъ русскихъ источниковъ, которые возникли подъ вліяніемъ бояръ. Вотъ его взглядъ на личность Грознаго: „Одаренный натурой страстною, энергическою, поэтическою, менѣе реальною, нежели преемникъ его мысли (то есть, Петръ Великій), Іоаннъ изнемогъ наконецъ подъ бременемъ тупой, полупатріархальной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ нею на смерть много лѣтъ

и не видя результатовъ, не находя отзыва, онъ потерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученьемъ: онъ сдѣлался ханжей, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ". Какъ бы ни смотрѣть на взглядъ Кавелина, за нимъ должны признать большую заслугу; онъ выдвинулъ въ наукѣ вопросъ о Грозномъ. Кромѣ того, должно признать за нимъ смѣлость плыть противъ теченія. Дѣло было начато и дѣло нелегкое, какъ видно изъ тогдашнихъ отзывовъ о статьѣ К. Д. Кавелина. До сегодня поучителенъ одинъ изъ пунктовъ обвиненія противъ К. Д. Кавелина, помѣщеннаго въ Москвитянинѣ. Критикъ Москвитянина говоритъ: „Въ словахъ автора (то-есть, Кавелина) безъ его вѣдома промелькнула мысль, оскорбительная для человѣческаго достоинства, та мысль, что бываютъ времена, когда геніальный человѣкъ не можетъ не сдѣлаться извергомъ, когда испорченность современниковъ, большею частью безсознательная, разрѣшаетъ того, кто сознаетъ ее, отъ обязательности нравственнаго закона, по крайней мѣрѣ до того умаляетъ вину, что потомкамъ остается соболѣзновать, и тяжкую ношу отвѣтственности за его преступленія свалить на головы его мучениковъ" (Сочиненія Кавелина, часть I, стр. 404—410, 1869). Дѣло идетъ о томъ, чтобы объяснить источникъ тиранніи, а тутъ говорятъ объ оправданіи тиранніи, о разрѣшеніи геніальныхъ людей отъ нравственнаго закона, и умышленно, или неумышленно, объясненіе факта превращается въ этическій законъ. Такъ, привычка обращать исторію въ поученіе въѣлась въ плоть и кровь нашу. Кавелинъ отвѣчалъ съ большимъ достоинствомъ и спокойствіемъ: „Это не аргументъ противъ меня. Надобно умышленно закрыть глаза, чтобы не видать, что исторія полна такихъ, оскорбительныхъ для человѣческаго достоинства, явленій. Въ ихъ уменьшеніи, въ уничтоженіи ихъ возможности учрежденіями, образованіемъ, перерожденіемъ нравовъ и обычаевъ и заключается смыслъ и цѣль исторіи".

Въ 1866 г., въ Вѣстникѣ Европы, появилась новая статья К. Д, Кавелина, подъ заглавіемъ „Мысли и замѣтки о русской исторіи". Въ этой статьѣ онъ опять возвращается, между прочимъ, и къ Грозному. Онъ дѣлаетъ о немъ нѣсколько замѣтокъ. Вотъ самая цѣнная изъ нихъ: „Сблизьте съ эпохой смутъ фигуру Грознаго, и она предстанетъ передъ вами въ трагическомъ величіи. Значитъ, однако не одна кровожадность и подозрительность заставляли его лить потоки

крови. Онъ чуялъ бѣду и боролся съ нею до истощенія силъ". Дѣйствительно, Смутное время значительно освѣщаетъ эпоху Грознаго, съ этимъ нельзя не согласиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ это освѣщеніе налагаетъ на историка обязанность—внимательно осмотрѣться, не было ли пути къ компромиссу, ко взаимной уступкѣ и со стороны бояръ, и со стороны Грознаго? Въ этой же статьѣ встрѣчаются и мнѣнія, которыя противорѣчатъ основному взгляду Кавелина, что русская исторія представляетъ постоянное измѣненіе формъ, а не повтореніе ихъ. Такъ онъ говоритъ, что Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III были такіе же самодержцы, какъ Московскіе цари. Въ такомъ случаѣ, гдѣ же измѣненіе формъ?

Задачи нашей статьи заставляютъ остановиться и на слѣдующей замѣткѣ Кавелина: „Въ попыткахъ всѣхъ этихъ элементовъ, пришлыхъ изъ Литвы, по мнѣнію автора, измѣнить, по своему идеалу, государственный строй Великороссіи, внести въ него западно-русскія начала, и слѣдуетъ, какъ кажется, искать ключа къ явленіямъ и событіямъ этой замѣчательной эпохи. Переносить западно русскій строй жизни въ Восточную Русь они стремиться не могли потому, что въ ту пору одинъ строй не отличался отъ другаго строя въ основномъ началѣ. Разница только въ томъ, что въ Западной Руси боярскій элементъ восторжествовалъ, а въ Восточной былъ побѣжденъ".

Въ 1869 г. въ журналѣ Заря появилась статья о Грозномъ К. Н. Бестужева-Рюмина, который, защищая Грознаго, указывалъ на созваніе имъ перваго земскаго собора. Въ только что вышедшемъ первомъ выпускѣ втораго тома своей „Русской Исторіи" К. Н. Бестужевъ-Рюминъ къ событіямъ царствованія Грознаго отнесся гораздо объективнѣе и безпристрастнѣе, чѣмъ прежніе историки. Нѣкоторыя событія, оставшіяся въ тѣни у предшественниковъ его, выставлены имъ на видномъ мѣстѣ, какъ напримѣръ, посланіе Грознаго изъ Александровской слободы, 3-го января 1565 года, хотя и безъ оцѣнки этого многознаменательнаго факта; въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ лицъ, какъ напримѣръ, Сильвестра, сдѣланъ поворотъ на новый путь. Намъ еще придется говорить о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ почтеннаго ученаго по частнымъ вопросамъ; здѣсь же замѣтимъ только, что въ общемъ его мнѣніе о Грозномъ носитъ отпечатокъ нѣкоторой раздвоенности, и самая личность Грознаго, по его же словамъ, является ему то же раздвоенною. Въ сравненіи Грознаго съ Петромъ онъ слишкомъ строгъ къ первому. Не нужно забывать, что Іоаннъ начиналъ, а

Петръ продолжалъ. Безъ Іоанна Петръ былъ бы не мыслимъ, дѣло Петра потому было успѣшнѣе, что противодѣйствіе ему было слабѣе.

Въ заключеніе первой главы нашего труда позволимъ себѣ привести доказательство, съ какимъ невниманіемъ Карамзинъ, Костомаровъ и особенно Устряловъ, какъ издатель сочиненій Курбскаго, отнеслись къ обвиненію Грознаго въ трусости, яко бы выказанной имъ при осадѣ Казани. Приводимъ въ примѣръ этотъ фактъ для того, чтобы убѣдить читателя, какъ необходимъ строгій пересмотръ всѣхъ сужденій о царствованіи Грознаго, этого центра русской исторіи, по справедливому замѣчанію покойнаго Кавелина.

Карамзинъ, передавая изъ переписки царя съ Курбскимъ упреки боярамъ за небреженіе о его здоровьѣ и жизни, по видимому, довольно близко держится выраженій самого Іоанна: „Какъ плѣнника влекутъ царя съ горстію воиновъ сквозь опасную землю непріятельскую (то-есть, Казанскую) и не щадятъ ни здравія, ни жизни его“. Карамзинъ не счелъ нужнымъ показать, когда это было.

Костомаровъ же, разказывая о Казанскомъ походѣ, говоритъ: „Самъ царь долженъ былъ идти въ походъ, хотя ему этого очень не хотѣлось, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался“ — будто бы въ письмѣ своемъ къ Курбскому: „Вы меня, какъ плѣнника, посадивши въ судно, повезли сквозь безбожную и невѣрную землю. Еслибы не всемогущая десница Божія защитила мое смиреніе, то я бы непремѣнно лишился жизни“. Іоаннъ здѣсь говоритъ о другомъ дѣлѣ, и въ приведенныхъ выше словахъ рѣчь идетъ объ обратномъ походѣ, о возвращеніи изъ подъ Казани. Вотъ подлинное мѣсто изъ письма Іоанна къ Курбскому: „Та же по Божію изволенію съ крестоносною хоругвію всего православнаго христіанскаго воинства, православнаго ради христіанства заступленія, намъ, двигшимся на безбожный языкъ казанскій и тако неизреченнымъ божіимъ милосердіемъ, иже надъ тѣмъ Бессерменскимъ языкомъ побѣду давше, со всѣмъ воинствомъ православнаго христіанства здравъ во свояси возвратихомся: что же убо изреку отъ тебѣ нарицаемыхъ мученикъ доброхотство къ себѣ? Такъ убо: аки плѣнника всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозь безбожную и невѣрную землю! Аще не бы Всемогущая десница Вышняго защитила мое смиреніе, то всячески живота гонзнулъ бы. Таково тѣхъ доброхотство къ намъ, за кого ты глаголеши и какъ за насъ душу полагаютъ, еже нашу душу во иноплеменныхъ руки тщатся предати“ (Сказ. кн. Курбскаго, стр. 165).

Историку должно быть извѣстно, что къ Казани Іоаннъ плылъ не Волгою, а шелъ черезъ Владиміръ, Муромъ на Свіяжскъ, что только 19-го августа царь переправился черезъ Волгу и 20-го августа принималъ посольство Ядигера на берегахъ рѣки Казанки. Слѣдовательно, Іоаннъ при всемъ своемъ увлеченіи ненавистью къ Курбскому, не могъ даже и сказать, что его подъ Казань влекли, какъ плѣнника всадивъ на судно! Не могъ сказать и по Карамзину, что его влекли съ горстью воиновъ черезъ непріятельскую землю, когда онъ шелъ со всѣмъ ополченіемъ. Въ чемъ же дѣло? Дѣло въ томъ, что Іоаннъ на судахъ плылъ обратно изъ Казани, день пробылъ въ Свіяжскѣ и высадился въ Нижнемъ, гдѣ на берегу и пѣли молебенъ. Ясно, слѣдовательно, о чемъ тутъ идетъ рѣчь — царя увѣрили, что все спокойно на Волгѣ, а между тѣмъ черемиса бунтовала; вѣроятно, еще и татарскіе отряды рыскали тамъ и сямъ... Понятно и выраженіе Іоанна—аки плѣнника всадихъ на судно — то-есть, съ малымъ числомъ людей. Среди опасностей онъ возвращался не какъ побѣдитель-покоритель царствъ, а какъ плѣнникъ. Такимъ образомъ, Карамзинъ умолчалъ, что рѣчь идетъ о водномъ пути изъ подъ Казани, а Костомаровъ забывъ, что на судахъ по сухому пути не ѣздятъ, подумалъ также, что рѣчь идетъ о походѣ подъ Казань, не обративъ даже вниманія на слова Іоанна о счастливомъ возвращеніи домой.

Еще страннѣе поступилъ Устряловъ, издатель Курбскаго, который собственно и ввелъ Костомарова въ заблужденіе. Въ оглавленіи перваго письма Грознаго значится: везли его, какъ плѣнника въ Казанскую землю (Сказ. Курбскаго, изд. 3-е, стр. 135, а на стр. 165 стоитъ вышеприведенное мѣсто). До какой степени Устряловъ не понялъ этого мѣста, видно изъ 268 примѣчанія стр. 349. „Слѣдовательно“, говоритъ онъ, — „его везли насильно подъ стѣны Казани“. Да судитъ читатель, откуда это—слѣдовательно?

Мало этого: самъ Курбскій говоритъ совсѣмъ не то, что говорятъ историки на него ссылающіеся, говоритъ, напротивъ, нѣчто самое противоположное словамъ Карамзина, Устрялова и Костомарова. Курбскій, говоря о походѣ черезъ Черемисскую землю подъ Казань, разказываетъ о нуждѣ, которую терпѣло войско и съ восторгомъ прибавляетъ: „Черемисскій же хлѣбъ сладостнѣйшій, паче драгоцѣнныхъ калачей, обрѣтеся; и наипачежъ сего ради, иже подвизахомся за отечество правовѣрнаго христіанства, сопротивъ враговъ креста Христова, паче же вкупѣ со царемъ своимъ: сіе было благодарнѣйши и радостнѣйши, и ве чулось ни единыя нужды, другъ передь дру-

гомъ къ добрымъ подвигамъ ретящеся (Сказан. Курбскаго, изд. 3-е, стр. 15). Еще яснѣе говоритъ Курбскій о храбрости Іоанна подъ Казанью, порицая его за бѣгство изъ Москвы въ 1571 году, во время нашествія Крымскаго хана: „И пресловутаго града Москвы внезапное созженіе и всея Россійскія земли спустошеніе! и—что наигоршаго и срамотнѣйшаго — царскія души опроверженіе и въ бѣгство плещъ царскихъ прежде храбрыхъ бывшихъ, обращеніе, яко нѣцыи здѣ намъ повѣдаютъ, аки бы хороняся тогда отъ татаръ по лѣсомъ, со кромѣшники твоими вмалѣ гладомъ не погибъ еси“ (Тамъ же, стр. 201).

О поведеніи Грознаго и воеводъ его въ 1571 г. рѣчь впереди; здѣсь же просимъ читателя обратить вниманіе на выраженіе—плещъ царскихъ прежде храбрыхъ бывшихъ. Этими словами князь Курбскій свидѣтельствуетъ о храбрости Грознаго, которой онъ былъ очевидцемъ, и говоритъ о трусости его, о которой ему нѣцыи повѣдали. Кто же эти нѣцыи, Курбскій молчитъ. Вотъ какъ внимательно Карамзинъ, Устряловъ и Костомаровъ пользовались источникомъ, всѣмъ доступнымъ! Въ слѣдующей главѣ мы укажемъ на мнѣніе о Грозномъ дерптскаго профессора Эверса, высказанное въ 1816 г., на которое Карамзинъ не счелъ нужнымъ обратить свое вниманіе. Мы же, съ своей стороны, не думая ни порицать, ни возвеличивать личность Грознаго, постараемся только анализировать событія одной изъ важнѣйшихъ эпохъ русской исторіи.

II.

Первый Русскій царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный и боярство.

Царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, Іоанна IV, какъ великаго князя и I, какъ царя [1]), по справедливости должно считать центральнымъ узломъ всѣхъ событій русской исторіи. Если современники его дѣда, Іоанна III, не пропустили безъ вниманія перемѣны въ обращеніи послѣдняго съ боярами, то могли ли современники Іоанна Грознаго не понять смысла событій, которыя привели къ потрясенію всѣхъ аристократическихъ основъ Московскаго государства? Современники, враги Грознаго, въ лицѣ князя Андрея Курбскаго, засвидѣтельствовали намъ даже объ исторической преемственности этихъ событій, слѣдовательно, очень хорошо поняли ихъ смыслъ и значеніе. Курбскій, въ отвѣтъ на первое посланіе Іоанна, жалуясь на его тираннію, выражается слѣдующимъ образомъ: „Уже не токмо единоплемянныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра, различными смертьми поморилъ еси, и движимыя стяжанія, и недвижимыя, чего еще былъ дѣдъ твой и отецъ не разграбилъ, но и послѣднихъ срачицъ, могу рещи со дерзновеніемъ, по евангель-

---

[1]) Карамзинъ, а за нимъ и другіе историки, неправильно называли Іоанна IV. Онъ Четвертый, какъ великій князь, но какъ царь — Первый. Второй царь съ именемъ Іоанна—братъ Петра Великаго, третій—Іоаннъ Антоновичъ; въ манифестахъ, писанныхъ отъ имени послѣдняго, онъ и называется третьимъ. Такъ точно Бранденбургскій курфюрстъ Фридрихъ III считается I — какъ король Пруссіи; такъ его и обозначаютъ въ исторіи. Это, пожалуй, мелочь, но мелочь не безъ смысла: Грознымъ кончается великокняжескій періодъ и начинается царскій, на что приводимый нами счетъ и указываетъ.

скому словеси, твоему прегордому и царскому величеству не возбранихомъ". Во второмъ посланіи къ Грозному Курбскій все поколѣніе Калиты называетъ „издавна кровопійственнымъ родомъ". Такимъ образомъ самъ князь Андрей Курбскій приводитъ жестокія мѣры Грознаго въ связь съ дѣлами его отца и дѣда, недобромъ поминая и весь родъ князей Московскихъ. Но эта преемственность не умаляетъ значенія царствованія Грознаго, и вотъ почему.

Въ общемъ ходѣ исторіи личность историческихъ дѣятелей отступаетъ на второй планъ; на первомъ планѣ какъ сила, управляющая событіями, выступаетъ совокупность всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагался государственный и общественный бытъ того или другаго народа, во взаимномъ столкновеніи этихъ элементовъ. Но изъ этого нельзя выводить заключеніе, что участіе личной воли, ума и энергіи историческихъ дѣятелей ничего не значитъ. Это участіе не на столько сильно, чтобы дать направленіе исторіи такое, для котораго нѣтъ благопріятныхъ условій въ исторической почвѣ народа; но оно на столько сильно, что въ борьбѣ общественныхъ элементовъ въ ту пору, когда побѣда еще колеблется, можетъ задержать надолго побѣду противника, если послѣднему и благопріятствуютъ обстоятельства. Въ такомъ колеблющемся состояніи было Московское государство, когда на престолъ вступилъ Іоаннъ Грозный, давшій окончательный перевѣсъ тому элементу, представителями котораго были его отецъ и дѣдъ. Противоположный элементъ, то-есть, боярскій, былъ принижепъ при его дѣдѣ и отцѣ, но еще на столько былъ силенъ, что въ торжествѣ своемъ отчаяваться не могъ, особенно когда фамиліи князей-бояръ стали сливаться съ потомствомъ старыхъ дружинниковъ. Этотъ важный государственный элементъ того времени, то-есть, боярство, могло еще найдти союзниковъ или въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ еще жили вѣчевыя преданія, или въ тѣхъ городахъ, изъ которыхъ вышли представители княжескихъ фамилій. Поэтому шелъ весьма важный вопросъ, касавшійся будущаго Россіи: который элементъ восторжествуетъ — великокняжескій или боярскій? Въ послѣднемъ случаѣ Россія превратилась бы во вторую Польшу, со всѣми послѣдствіями господства сотни фамилій надъ остальнымъ народонаселеніемъ. Грозный отвратилъ отъ Россіи опасность господства олигархіи.

Отсюда страшная ненависть литературнаго представителя боярства, князя Андрея Курбскаго, къ Іоанну. Его Исторія Іоанна не что иное, какъ апологія боярства; онъ опускаетъ факты, которые могли бы по-

вредить его сторонѣ. Въ первой главѣ своей Исторіи онъ старается выставить оппозицію бракоразводному дѣлу Василія III, не забывая и своихъ предковъ и не забывая сдѣлать ссылку на Герберштейна, но проходитъ молчаніемъ всѣ важныя событія малолѣтства Грознаго. Упомянувъ о рожденіи „лютости отъ законопреступленія и сладострастія“ то-есть, Ивана Васильевича, онъ ни слова не говоритъ о правленіи Елены, объ ея отравленіи, о страшной участи ея любимца кн. Телепнева-Оболенскаго; проронивъ только нѣсколько словъ о времени боярскаго правленія, онъ или явно искажаетъ факты, или скрываетъ ихъ смыслъ. Онъ говоритъ объ убійствѣ кн. Бѣльскаго по приказанію Грознаго, но мы знаемъ, что кн. И. Бѣльскій убитъ боярами безъ вѣдома Іоанна. Потомъ Іоаннъ—говоритъ кн. Курбскій—велѣлъ „убити такожде благородное едино княжа, именемъ Андрея Шуйскаго, съ роду княжатъ Суздальскихъ“. Но за что, какъ и почему — объ этомъ ни слова. Всю бѣду кн. Курбскій приписываетъ тому обстоятельству, что „въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ“.

Кн. Курбскій, очень хорошо зная, что вина не въ однѣхъ чужеземныхъ женахъ, прошелъ молчаніемъ борьбу бояръ за власть во время малолѣтства Грознаго, борьбу, во время которой попраны были всѣ существенные интересы Русской земли, принесенные въ жертву фамильному эгоизму олигарховъ.

Послѣ отравленія Елены и мученической смерти ея любимца, кн. Ивана Овчины-Телепнева-Оболенскаго, вся власть перешла въ руки боярства, во главѣ котораго стояли двѣ могущественныя фамиліи: князей Шуйскихъ и князей Бѣльскихъ. Торжество ихъ спасло родственниковъ той и другой фамиліи: немедленно по захватѣ власти освобождены были изъ темницъ князья Андрей Шуйскій и Иванъ Бѣльскій. Важное значеніе этихъ фамилій, особенно Шуйскихъ, заставляетъ насъ остановиться на родословіи ихъ. У одного изъ старшихъ сыновей Александра Невскаго, именно у Андрея Александровича, былъ сынъ Василій, у котораго было двое сыновей, Александръ и Константинъ, князья Суздальскіе; первый—современникъ Калиты, второй—соперникъ Іоанна Іоанновича на великокняжескій престолъ. Сынъ Константина, Дмитрій Константиновичъ, нѣкоторое время былъ великимъ княземъ и спорилъ за великокняжескій столъ съ Дмитріемъ Донскимъ. Споръ этотъ Дмитрій Константиновичъ велъ во имя старшинства своей линіи передъ линіей Даніила Александровича Москов-

скаго, но, не смотря на татарскую помощь, долженъ былъ смириться передъ сильнымъ Московскимъ княземъ и выдать за него свою дочь. Потомъ великій князь Московскій, въ ссорѣ Дмитрія Константиновича съ Борисомъ Константиновичемъ за Нижній-Новгородъ, принимаетъ сторону своего тестя и заставляетъ Бориса уступить Нижній-Новгородъ Дмитрію Константиновичу. Борисъ Константиновичъ пытался возвратить себѣ Нижній Новгородъ и получилъ отъ хана ярлыкъ на княжества Суздальское и Нижегородское; однако, не смотря на этотъ ярлыкъ, великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ отнялъ у Бориса Константиновича Нижній-Новгородъ, склонивъ на свою сторону нѣкоторыхъ нижегородскихъ бояръ. У Бориса Константиновича были племянники—Василій Кирдяпа, Борисъ и Симеонъ, которые бѣжали въ Орду. Борисъ Константиновичъ умеръ въ 1394 году, а въ 1395 или даже осенью того же 1394 года, Симеонъ, съ помощью татаръ, снова овладѣлъ-было Нижнимъ-Новгородомъ, но не удержался въ немъ. Великій князь Василій Дмитріевичъ, чтобъ отнять у Симеона возможность возобновленія подобныхъ попытокъ, захватилъ, въ Мордовской землѣ, жену и все семейство Симеона. Мѣра эта подѣйствовала, и Симеонъ, смирившись, въ 1402 году явился самъ въ Москву, получилъ свое семейство и въ томъ же году кончилъ жизнь свою въ вольномъ городѣ Вяткѣ. Энергичный и настойчивый характеръ этого князя слѣдующимъ образомъ характеризуется лѣтописцемъ: „8 лѣтъ служивый по ряду въ Ордѣ не почивая четыремъ царемъ: Тохтамышу, Темиръ-Аксаку, Темиръ-Кутлую и Шадибеку, а все поднимая рать на князя великаго, како бы налѣсти свое княженье“ [1]). Въ слѣдующемъ году, то-есть, въ 1403, умеръ и Василій Кирдяпа, братъ Симеона. Потомство князей Суздальскихъ, по смерти Кирдяпы, служило то Москвѣ, то Ордѣ и до Ивана III не переставало безпокоить Московскихъ князей своими притязаніями, и нѣкоторые изъ князей этого поколѣнія продолжали еще носить титулъ великихъ князей Нижегородскихъ. Въ 1416 году въ Москву пріѣхало двое потомковъ великаго князя Дмитрія Константиновича Суздальскаго—князь Иванъ Васильевичъ и князь Иванъ Борисовичъ, изъ которыхъ первый и носилъ титулъ великаго князя. Лѣтописецъ говоритъ „Преставися князь великій Нижняго-Новгорода Іоаннъ Васильевичъ на Москвѣ, и положиша его въ церкви архангела Михаила“. Московскіе великіе князья всѣми средствами старались привязать къ

---

[1]) *Карамзинъ*, Исторія Гос. Росс., т. V, примѣч. 146.

себѣ безпокойныхъ потомковъ великаго князя Дмитрія Константиновича Суздальскаго. Въ 1418 году Александръ Іоанновичъ, одинъ изъ князей Суздальскихъ, женился на Василисѣ Васильевнѣ, дочери великаго князя Василія Дмитріевича. Родъ князей Суздальскихъ и Нижегородскихъ, обиженныхъ въ своемъ старшинствѣ, въ концѣ первой половины XV вѣка или въ началѣ второй, вступилъ въ тѣсныя сношенія съ Новгородомъ-Великимъ, соперникомъ Москвы, какъ дѣлали и прежде князья Тверскіе, Суздальскіе и другіе. Въ послѣдніе дни самостоятельности Великаго Новгорода однимъ изъ его защитниковъ является князь Василій Шуйскій-Гребенка, потомокъ князей Суздальскихъ. Послѣ паденія Великаго Новгорода князья Шуйскіе, потомки Суздальскихъ, окончательно вступили въ ряды московскаго боярства, сразу занявъ въ немъ первенствующее положеніе. Ихъ происхожденіе отъ старшаго сына Александра Невскаго давало имъ, въ вѣкъ родословныхъ счетовъ, полное право на это первенство. Но Шуйскіе этимъ правомъ не довольствовались и, какъ показываетъ послѣдующая исторія, и въ особенности исторія Смутнаго времени, не хотѣли забыть свои родословные счеты съ домомъ Калиты, да и не могли такъ скоро забыть свои притязанія во имя старшинства своего рода, ибо, отъ княженія Дмитрія Донскаго до Ивана III включительно, тотъ считался другомъ потомковъ великаго князя Дмитрія Константиновича, кто былъ врагомъ дома Калиты. Мы видѣли выше положеніе князей Шуйскихъ при Иванѣ III, при его сынѣ и въ правленіе Елены. Такой-то сильный, могущественный и многочисленный княжескій родъ сталъ у кормила правленія во время отрочества Грознаго. И этотъ гордый родъ долженъ былъ раздѣлить свою власть и значеніе съ не менѣе гордымъ и притязательнымъ родомъ князей Бѣльскихъ, потомковъ Гедимина, великаго князя Литовскаго. Если представитель старо-боярскаго рода Шереметевыхъ въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, напомнилъ Трубецкому, что они—князья, выѣхавшіе изъ Литвы, а онъ—коренной русскій бояринъ, если въ то же время князь Вяземскій напомнилъ боярину Вельяминову, что родъ ихъ—выѣзжій изъ Орды, а онъ—потомокъ Мономаха, то могли ли князья, потомки Владиміра Святаго, забыть свое происхожденіе въ первой половинѣ XVI вѣка и не вступить въ борьбу за власть съ потомками великаго князя Литовскаго, хотя бы потомки послѣдняго обрусѣли уже въ Литвѣ. Борьба эта началась за власть въ малолѣтство Грознаго между Шуйскими и Бѣльскими и возобновилась съ большимъ ожесточеніемъ, въ

Смутное время, глухою борьбою за престолъ между Шуйскими и Голицыными. Остальное боярство примкнуло къ той или другой фамиліи. Фамилія князей Бѣльскихъ (отъ г. Бѣльска, нынѣ Гродненской губерніи) своими гордыми притязаніями не уступала фамиліи Шуйскихъ. Гедиминовичи Бѣльскіе передались великому князю Московскому Іоанну III почти въ одно время съ единоколѣнными имъ князьями Трубчевскими или Трубецкими, единоколѣнными потому, что и Бѣльскіе, и Трубецкіе происходили отъ знаменитѣйшаго изъ Гедиминовичей, отъ грознаго и славнаго Ольгерда. Въ то же время пришли къ Іоанну III и потомки Черниговскихъ Ольговичей, князья Одоевскіе, Новосильскіе-Бѣлевскіе и проч. Изъ князей Бѣльскихъ первымъ къ Іоанну III перешелъ, въ 1482 году, князь Ѳедоръ Бѣльскій, правнукъ Ольгерда. Онъ, за исключеніемъ одного случая, пользовался особеннымъ довѣріемъ Іоанна III. Случай этотъ слѣдующій: въ 1493 году Казиміръ, великій князь Литовскій, подослалъ къ Іоанну князя Лукомскаго (изъ племени Владиміра Святаго) съ цѣлію отравить Іоанна, но замыселъ былъ открытъ, и князя Лукомскаго, вмѣстѣ съ польскимъ толмачемъ Матіасомъ, сожгли въ клѣткѣ на берегу рѣки Москвы [1]). Справедливо или нѣтъ былъ казненъ Лукомскій, но для насъ важно то, что и князь Ѳедоръ Бѣльскій былъ заподозрѣнъ въ соучастіи съ Лукомскимъ и сосланъ въ Галичъ. Впослѣдствіи онъ былъ возвращенъ и, получая важныя порученія, игралъ видную роль въ борьбѣ съ казанскими и крымскими татарами. Подозрѣніе, павшее на него, можно объяснить только слѣдующимъ предположеніемъ: жена князя Ѳедора Бѣльскаго осталась въ Литвѣ, и Казиміръ, не смотря на требованія Іоанна III, не отпускалъ ея въ Москву. Вѣроятно, Бѣльскому, черезъ Лукомскаго, сдѣланы были какія-нибудь предложенія возвратиться, съ обѣщаніемъ забвенія прошлаго. Можетъ быть, въ такомъ смыслѣ писала и его жена. Какъ бы то ни было, Іоаннъ III очень дорожилъ Бѣльскимъ и, чтобы заставить его забыть покинутую въ Литвѣ жену, женилъ его на родной своей племянницѣ, княжнѣ Рязанской, дочери великаго князя Рязанскаго и сестры своей. Сыновья Ѳедора Бѣльскаго, князья Дмитрій, Семенъ и Иванъ, были въ числѣ двадцати бояръ, составлявшихъ, по завѣщанію Василія III,

---

[2]) Должно замѣтить, что и самого Іоанна III обвиняли въ попыткѣ отравить Казиміра (Ист. Гос. Росс. *Карамзина*, т. VI, примѣч. 265). Взаимныя обвиненія въ такихъ попыткахъ не рѣдкость въ исторіи, и потому къ нимъ должно относиться весьма осмотрительно.

правительствующую думу въ малолѣтство Грознаго. Въ спискѣ бояръ, составлявшихъ эту думу, имена князей Бѣльскихъ, какъ племянниковъ Василія III, стоятъ первыми вслѣдъ за именами братьевъ государя. Мы видѣли дѣятельность этихъ Бѣльскихъ въ правленіе Елены; теперь обратимъ вниманіе на дѣятельность ихъ во время боярскаго правленія.

Но прежде мы позволимъ себѣ сдѣлать одно общее замѣчаніе о князьяхъ Гедиминовичахъ, перешедшихъ въ Москву. Если московскіе бояре въ своихъ спорахъ считали или показывали видъ, что считаютъ Гедиминовичей пришлыми иноземцами, чуждыми русскому народу, то исторія держаться этого мнѣнія не можетъ. Сыновья, внуки и правнуки Гедимина постоянно женились на русскихъ княжнахъ, такъ что они и до пріѣзда въ Москву находились въ тѣсной кровной связи съ домомъ Владиміра Святаго и усвоили себѣ и языкъ, и вѣру матерей. Наримонтовичи Патрикѣевы (отъ Наримонта, сына, Гедимина) съ домомъ Владиміра Святаго находились въ кровномъ родствѣ черезъ линію Даніила, короля Галицкаго; Ольгердовичи же, Бѣльскіе и Трубецкіе — чрезъ линію великихъ князей Тверскихъ. Ольгердъ, мать котораго была также русская княжна, самъ женатъ былъ на великой княжнѣ Тверской.

Согласіе двухъ правящихъ фамилій, столь гордыхъ своимъ происхожденіемъ, продолжалось, конечно, не долго, и каждая изъ этихъ фамилій заранѣе старалась усилить свою сторону. Разрывъ совершился вслѣдствіе ссоры изъ-за родственниковъ. Князь Иванъ Ѳедоровичъ Бѣльскій и его сторонникъ Тучковъ посовѣтовали юному великому князю пожаловать боярствомъ князя Юрія Голицына, единокровнаго Бѣльскому по происхожденію отъ Гедимина, и назначить окольничимъ Хабарова, сына знаменитаго Хабара-Симскаго, не сказавъ объ этомъ ни слова Шуйскимъ. Шуйскіе, никогда не разбиравшіе средствъ для достиженія своихъ цѣлей, схватили Ивана Бѣльскаго и снова засадили его въ тюрьму, но съ его сторонниками обошлись крайне осторожно; самые знатные изъ нихъ отдѣлались тюремнымъ заключеніемъ, а митрополита Даніила, главную опору Бѣльскихъ, совсѣмъ не тронули. За то, говоритъ Соловьевъ,—„горькая участь постигла дьяка Мишурина: его схватили, обобрали до-нага и, не доложивъ Государю, обезглавили у воротъ городской тюрьмы“. Такъ Шуйскіе мстили незнатнымъ людямъ, которыхъ бояре сами втягивали въ свои распри; такъ впослѣдствіи поступалъ и царь В. И. Шуйскій, жестоко казня своихъ незнатныхъ враговъ, прощая враговъ знатныхъ и силь-

ныхъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя народъ, не заслуживъ однако популярности у знати. Василій Шуйскій вскорѣ умеръ. Карамзинъ по этому поводу говоритъ: „Вдругъ узнали о его болѣзни и смерти, которая могла быть естественною, но, безъ сомнѣнія, служила къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ“. Поводомъ къ этому замѣчанію послужило то обстоятельство, что Василій Шуйскій умеръ вслѣдъ за ссылкою Бѣльскаго и казнью Мишурина. Опровергнуть предположеніе (молву) о насильственной смерти Василія Шуйскаго въ сущности для насъ также трудно, какъ доказать противное. Отравленія изъ политической и личной мести въ XV и XVI вѣкахъ были не рѣдкостью, какъ видно изъ примѣра Шемяки и Елены.

Главою князей изъ дома Владиміра Святаго и приверженцевъ ихъ сталъ Иванъ Шуйскій. Онъ нашелъ уже возможнымъ сдѣлать то, чего не осмѣлился сдѣлать его братъ,—низвергнуть Даніила съ митрополичьяго престола простымъ распоряженіемъ правящей боярской думы, взявъ въ то же время съ Даніила запись, что онъ добровольно удаляется въ монастырское уединеніе и добровольно слагаетъ съ себя тяжелое бремя управленія Русскою церковію. „Въ монастырѣ“, говоритъ Карамзинъ,—„Даніилъ имѣлъ способъ загладить грѣхи своего придворнаго честолюбія и беззаконія“. Но дѣло было не въ замаливаніи грѣховъ, а въ томъ, что въ данномъ случаѣ митрополитъ Даніилъ поддерживалъ лучшую боярскую партію противъ крайне эгоистичной фамильной политики Шуйскихъ. На мѣсто Даніила избрали Троицкаго игумена Іоасафа Скрыпицына, который однако въ государственной политикѣ пошелъ по слѣдамъ Даніила: явное доказательство, что и этотъ митрополитъ, избранный Шуйскими, не счелъ возможнымъ стать на ихъ сторону, ибо отношеніе Шуйскихъ къ народу было ужасно, и Костомаровъ, только увлекшись, вслѣдъ за Карамзинымъ и Устряловымъ, ненавистію къ Грозному, могъ одобрительно отозваться объ отношеніяхъ боярства къ народу въ эту эпоху.

Чтобы убѣдиться, какъ бояре, въ то время заботились о благѣ народа, развернемъ Карамзина, всегда склоннаго скорѣе смягчать, чѣмъ преувеличивать зло. Вотъ что онъ говоритъ: „Бояринъ Андрей Михайловичъ Шуйскій и князь Василій Рѣпнинъ Оболенскій, будучи намѣстниками во Псковѣ, свирѣпствовали, какъ львы, по выраженію современника: не только угнетали земледѣльцевъ, гражданъ беззаконными налогами, но вымышляли преступленія, ободряли лживыхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, требовали даровъ отъ богатыхъ, безденежной работы отъ бѣдныхъ, да и въ самыхъ святыхъ

обителяхъ искали добычи съ лютостію монгольскихъ хищниковъ; жители пригородовъ не смѣли ѣздить во Псковъ, какъ въ вертепъ разбойниковъ; многіе люди бѣжали въ иныя страны, торжища и монастыри опустѣли". Эта мрачная картина лучше всего показываетъ, что бояре въ эту эпоху сдѣлали все, чтобы погубить свои притязанія быть наслѣдственными совѣтниками государя. Такое поведеніе боярства, большинство котораго было на сторонѣ Шуйскихъ, и вызвало тѣ кровавыя мѣры, которыя характеризуютъ царствованіе Грознаго. Грозный—это отвѣтъ боярству на его узкую эгоистическую политику. Кн. Андрей Курбскій, литературный представитель боярства, жалуется на самовластіе и произволъ Іоанна, но что же бояре противопоставили этому самовластію и произволу одного, кромѣ такого же самовластія и такого же произвола олигархіи?

Естественно, что митрополитъ Іоасафъ перешелъ на сторону Бѣльскихъ и въ 1540 году сталъ ходатайствовать въ думѣ за Ивана Бѣльскаго; къ нему пристали всѣ враги Шуйскихъ, и Бѣльскій былъ выведенъ изъ тюрьмы и снова посаженъ въ думу. Иванъ Шуйскій пересталъ бывать въ думѣ. Сторона Бѣльскихъ стала господствовать благоразумнѣе; тогда освободили Псковъ отъ Андрея Шуйскаго, предоставивъ гражданамъ право самосуда; уголовныя дѣла стали судить не намѣстники, а цѣловальники, избиравшіеся изъ гражданъ. Благоразумная и дальновидная система правленія Бѣльскихъ, стремленіе ихъ освободить города отъ произвола намѣстниковъ задѣвали своекорыстные расчеты и эгоистическія привычки потомковъ и старшихъ, и младшихъ дружинниковъ, потомковъ и мужей, и отроковъ съ гриднями, задѣвали интересы и бояръ великихъ, и дѣтей боярскихъ, ибо трудно было разстаться съ привычкой, усвоенною ихъ предками въ продолженіе столѣтій, жить на счетъ смердовъ. Противъ кн. Ивана Бѣльскаго и митрополита Іоасафа составился страшный заговоръ. Лѣтописецъ со свойственною лѣтописцамъ наивностью объясняетъ этотъ заговоръ тѣмъ, что государь Бѣльскаго и Іоасафа держалъ въ приближеніи, но Іоаннъ въ это время былъ отрокъ, именемъ, котораго пользовались партіи для своихъ цѣлей. Заговорщики—князья Кубенскій и Палецкій, да казначей Третьяковъ—дѣйствовали въ Москвѣ и въ Новгородѣ, непрестанно сносясь со своимъ главою, княземъ Иваномъ Шуйскимъ, который съ войскомъ стоялъ во Владимірѣ, будто бы готовясь идти на Казань, а на самомъ дѣлѣ всѣми средствами, дарами и обѣщаніями умножалъ число своихъ приверженцевъ. Его московскіе приверженцы склонили на свою сторону мно-

жество дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Великій Новгородъ огуломъ сталъ за Шуйскихъ, о чемъ Царственная книга говоритъ: „а Новогородцы всѣ городомъ за него“. Когда все было готово, кн. Иванъ Шуйскій послалъ въ Москву князя Петра сына своего, да боярина Ивана Большаго Шереметьева, съ тремя стами всадниковъ. Въ 1542 году, въ ночь на 3-е января, партія Шуйскихъ совершила насильственный переворотъ, тотъ актъ, который нынѣ принято называть французскимъ выраженіемъ coup d'état. Гроза надъ партіей Бѣльскаго и Іоасафа разразилась нежданно, негаданно—отъ безпечности ли Бѣльскихъ, или отъ умѣнья Шуйскихъ вести дѣла въ чрезвычайной тайнѣ, это не извѣстно. Князя Бѣльскаго внезапно захватили въ собственномъ домѣ, его вѣрнаго друга князя Щенятева задними дверями вытащили изъ комнаты государя, затѣмъ захватили другаго его друга, Хабарова. Въ ту же ночь камни, влетѣвшіе черезъ окна въ покои митрополита, разбудили Іоасафа, который спасся на Троицкое подворье, но туда за нимъ послали новогородцевъ, дѣтей боярскихъ. Новогородцы осыпали его бранью и едва не убили; митрополиту однако удалось бѣжать въ комнаты государя. Но и это убѣжище не спасло его, самъ отрокъ-государь всю эту ночь провелъ въ смертельномъ страхѣ: Іоасафа схватили въ комнатахъ государя и сослали въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Князя Щенятева выслали въ Ярославль, Хабарова—въ Тверь, а самого кн. Ивана Бѣльскаго — на Бѣлоозеро. Переворотъ этотъ совершенъ былъ 3-го января, а въ началѣ мая того же 1542 года кн. Ив. Бѣльскій былъ убитъ. Объ этомъ убійствѣ лѣтописецъ сообщаетъ слѣдующее: „А на весну, мая мѣсяца, послаша бояре на Бѣлоозеро, князя Ивана Бѣльскаго убити въ тюрмѣ, Петрока Ярцова сына Зайцева, да Митьку Иванова сына Клобукова, да Ивашку Елизарова сына Сергѣева; они же, ѣхавъ тайно, безъ великого князя вѣдома, боярскимъ самовольствомъ князя Ивана Бѣльскаго убили“ [1]). Посмотримъ же, что говоритъ о смерти Бѣльскаго князь Курбскій. Вотъ его слова: „Егда же пріиде къ седьмонадесять лѣту, тогда тѣжъ прегордые сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго; и первѣе убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго стратига и великороднаго, иже былъ съ роду княжатъ Литовскихъ, единоколѣненъ кролеви Польскому Ягайлу, именемъ князь Иванъ Бѣльскій, иже не токмо

[1]) *Карамзинъ*, т. VIII, пр. 116.

былъ мужественъ, но и въ разумѣ многъ, и въ священныхъ писаніяхъ нѣсколько искусенъ". Итакъ, слѣдовательно, Іоанну пошелъ семнадцатый годъ, его подучили синклиты, или сигклиты, какъ пишетъ Курбскій; мало этого, черезъ строку стоятъ слова: „онъ же самъ (то-есть, Іоаннъ) повелѣлъ (по малѣ времени) убити такожде благородное едино княжа, именемъ Андрея Шуйскаго". Пусть читатель самъ сличитъ вышеизложенное дѣло со словами Курбскаго и посудитъ о достовѣрности источниковъ для исторіи Грознаго. Мы же для поясненія дѣла, добавимъ къ этому слѣдующее: Вопервыхъ, Курбскій, у котораго событія эти, конечно, были въ свѣжей памяти, ибо онъ только двумя годами былъ старше Грознаго, говоритъ, что Іоанну пошелъ семнадцатый годъ. Іоанну же еще не исполнилось и двѣнадцати лѣтъ, когда въ маѣ 1542 года убитъ былъ Иванъ Бѣльскій, ибо извѣстно, что Грозный родился 25-го августа 1530 года. Самъ же Курбскій родился около 1528 г. и росъ въ семействѣ, которое близко стояло къ событіямъ того времени. Что̀ сказали бы о людяхъ въ частномъ дѣлѣ, еслибъ они для увеличенія вины отрока прибавили ему лишніе года? Вовторыхъ, зачѣмъ Курбскій вслѣдъ за смертью Бѣльскаго, убитаго боярами, поставилъ казнь Андрея Шуйскаго и окрасилъ столь несходныя между собою дѣла однимъ цвѣтомъ? Втретьихъ, развѣ Курбскій, Андрей Курбскій, человѣкъ, столь близкій къ Іоанну, бояринъ съ огромными связями, не зналъ ничего о враждѣ Бѣльскихъ и Шуйскихъ? Развѣ онъ не зналъ, когда казненъ былъ князь Андрей Шуйскій? Карамзинъ, передавшій правдиво всѣ факты низверженія Бѣльскаго, хотя и безъ настоящаго освѣщенія, говоритъ о его смерти: „три злодѣя умертвили сего несчастнаго князя въ темницѣ; вельможу благодушнаго, воина мужественнаго, христіанина просвѣщеннаго, какъ пишутъ современники", и дѣлаетъ ссылку на Курбскаго. Въ этой ссылкѣ все начало приведеннаго нами мѣста отъ словъ „егда же" выпущено и приводится со слова „убиша" (т. VIII, пр. 117). Для большинства читателей такимъ образомъ скрыта была вся лживость показанія Курбскаго въ столь важномъ дѣлѣ, какъ убійство кн. Ив. Бѣльскаго. Дѣло кн. Бѣльскаго—одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыя освѣщаютъ всю эпоху Грознаго. Лѣтописецъ въ простодушныхъ словахъ даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію послѣдствій этого событія. Онъ говоритъ: „и паки намѣстники превозмогоша".

Итакъ, вся цѣль насильственнаго олигархическаго переворота состояла въ томъ, чтобы дать намѣстникамъ восторжествовать и удержать народъ въ подчиненіи олигархіи.

Послѣ гибели Бѣльскаго всѣ дѣла перешли въ руки Шуйскихъ. Князь Иванъ Шуйскій вскорѣ умеръ, и власть осталась въ рукахъ его родственниковъ, князя Андрея Михайловича Шуйскаго, бывшаго во Псковѣ намѣстникомъ, дѣда царя Василія Ивановича, Андреева брата Ивана и князя Ѳедора Ивановича Скопина-Шуйскаго, дѣда знаменитаго воеводы Михаила Васильевича. По имени первенствующимъ членомъ въ думѣ остался князь Дмитрій Бѣльскій, братъ Ивана, человѣкъ недалекаго ума и безхарактерный. Для полнаго освѣщенія всего этого дѣла слѣдуетъ замѣтить еще два обстоятельства: во-первыхъ, родство Бѣльскихъ съ Грознымъ: князь Иванъ Бѣльскій, въ ночь ареста котораго во дворцѣ, всѣ, начиная съ двѣнадцатилѣтняго царя, дрожали отъ страха, былъ троюроднымъ братомъ Грознаго [1]), что̀ не удержало рукъ убійцъ; во-вторыхъ, то, что Іоаннъ Грозный впослѣдствіи возобновилъ мѣры въ пользу народа, за которыя погибли Бѣльскій и его немногочисленная партія.

Шуйскіе однако не могли долго удержаться во власти, ибо имѣли враговъ во всѣхъ родственникахъ Іоанна и во всѣхъ друзьяхъ Бѣльскихъ. Еще Иванъ Шуйскій успѣлъ при жизни своей посадить Макарія Новогородскаго на митрополичій престолъ, при Андреѣ же Шуйскомъ ничего важнаго не случилось. Власть Шуйскихъ держалась нѣкоторое время только терроромъ и пала, какъ только враги ихъ оправились отъ страха. Побои, нанесенные во дворцѣ царя Ѳедору Семеновичу Воронцову, котораго жизнь пощажена была только благодаря слезному моленію царя, переполнила чашу терпѣнія. Въ паденіи Шуйскихъ замѣчательно то обстоятельство, что оно совершилось внѣ Москвы, на охотѣ, нежданно-негаданно, такъ что Шуйскіе не успѣли и приготовиться къ отпору; имъ подготовленъ былъ такой же неожиданный ударъ, какъ Бѣльскимъ. Тринадцатилѣтній Іоаннъ послѣ грозной рѣчи къ боярамъ [2]), приказалъ схватить Андрея Шуйскаго и отдать псарямъ, которые, на улицѣ Волоколамска, послѣ разныхъ терзаній, умертвили его.

Итакъ, какіе же итоги можно подвести къ событіямъ времени малолѣтства Грознаго? Какіе выводы даютъ ссбытія этого времени?

---

[1]) Іоаннъ III — Его сестра Анна (великая княгиня Рязанская)
| |
Василій III — Дочь ея за Ѳедоромъ Бѣльскимъ
| |
Іоаннъ Грозный — Князья: Дмитрій, Иванъ, Симеонъ, Бѣльскіе.

[2]) Кѣмъ наученъ былъ Іоаннъ и кто внушилъ ему рѣчь, объ этомъ будетъ сказано ниже.

Мы видимъ въ это печальное время: а) олигархическія стремленія сильнѣйшихъ боярскихъ фамилій, во главѣ которыхъ стояли Шуйскіе, потомки Александра Невскаго; б) борьбу за власть между Шуйскими-Рюриковичами и Бѣльскими-Гедиминовичами; в) отстраненіе отъ дѣлъ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ старо-московскихъ боярскихъ фамилій, во главѣ которыхъ стояли Юрьевы-Захарьины; отстраненіе отъ дѣлъ самыхъ ближайшихъ родственниковъ малолѣтняго царя, его дядей со стороны матери, князей Глинскихъ.

Всѣ эти явленія тѣсно связаны между собою, всѣ сводятся къ родословнымъ разчетамъ, на которыхъ въ ту пору держались всѣ отношенія высшихъ слоевъ боярства.

Начнемъ съ Глинскихъ. Глинскіе отстранены были не потому, что у нихъ были размолвки съ Еленой, а потому, что родъ ихъ былъ чужой для всѣхъ слоевъ московской аристократіи. Глинскіе — князья татарскаго происхожденія, предокъ которыхъ пришелъ изъ Орды въ Литву при Витовтѣ, а мы уже видѣли, что даже въ XVII столѣтіи Вяземскій попрекалъ Вельяминовыхъ татарскимъ происхожденіемъ. Въ XVI столѣтіи Шуйскіе и другіе Рюриковичи еще съ бо́льшимъ высокомѣріемъ должны были смотрѣть на Глинскихъ, у которыхъ не было связей ни между Рюриковичами, ни между Гедиминовичами, ни между старыми боярскими фамиліями. По смерти Елены, Глинскіе и остались въ сторонѣ, а власть раздѣлили сначала дружелюбно Рюриковичи-Шуйскіе и Гедиминовичи-Бѣльскіе. Здѣсь позволимъ себѣ отмѣтить особенное положеніе Гедиминовичей въ отношеніяхъ къ дому Калиты.

Съ перваго появленія Гедиминовичей въ Москвѣ, бросается въ глаза замѣчательный фактъ: при Василіи Дмитріевичѣ являются Патрикѣевы, и одного изъ нихъ женятъ на сестрѣ великаго князя; при Іоаннѣ III является Бѣльскій, и его женятъ на племянницѣ великаго князя. Могутъ ли повторяющіеся факты быть случайными? Этого не можетъ допустить здравый смыслъ. Что́ же могутъ значить эти свадьбы при Василіи Темномъ и при Іоаннѣ III? Не хотѣли ли великіе князья противопоставить Гедиминовичей Рюриковичамъ, привязавъ къ себѣ первыхъ ближайшимъ родствомъ? Всѣ послѣдующія притязанія Гедиминовичей основаны были на этомъ родствѣ, притязанія Бѣльскаго на Рязанское княжество и въ Смутную эпоху притязаніе Василія Голицына на престолъ. Гедиминовичи, ставъ высоко по родству съ домомъ Калиты, помогли князьямъ изъ дома Владиміра Святаго, оттереть

еще шагъ назадъ старобоярскія московскія фамиліи, почему этимъ фамиліямъ и пришлось пробиваться чрезъ двойные ряды князей.

По низверженіи Шуйскихъ, власть перешла въ руки Глинскихъ, которые удержаться долго не могли, но рядомъ съ Глинскими получаетъ значеніе ближній дьякъ Іоанна — Захаровъ, котораго Карамзинъ считаетъ какъ бы орудіемъ Глинскихъ. Но Захаровъ остался въ милости царя и послѣ паденія Глинскихъ и былъ болѣе близокъ къ Захарьинымъ-Юрьевымъ, чѣмъ къ Глинскимъ. На первой свадьбѣ царя „въ казнѣ великой княгини (то-есть, Анастасіи Романовны) были и въ хоромахъ сидѣли у платья дьяки Сукинъ и Захаровъ“ [1]).

До 1547 года были слѣдующія опалы и казни, въ которыхъ Захаровъ игралъ видную роль: сосланы князь Ѳедоръ Шуйскій-Скопинъ, князь Юрій Темкинъ, Ѳома Головинъ, князь Ѳ. Кубенскій, князья Петръ Шуйскій и Палецкій. Карамзинъ озаглавливаетъ эти событія такъ: „Жестокость правленія“ и говоритъ: „опалы и жестокость новаго правленія устрашили сердца“, но ни слова не прибавляетъ о томъ, за что̀ означенныя лица подверглись опалѣ. Кубенскаго исторіографъ, слегка упомянувъ, что онъ держался стороны Шуйскаго, даже совершенно оправдываетъ, говоря, что онъ отличался умомъ и тихимъ нравомъ. Но Никоновская лѣтопись говоритъ о князѣ Кубенскомъ иное: „Великому князю не доброхотствовалъ, государству многія неправды чинилъ и великое мздоимство учинилъ“. Это уже не совсѣмъ тихій нравъ. Кубенскій и Палецкій были въ числѣ бояръ, бившихъ Воронцова. Ѳома Головинъ принималъ участіе въ низверженіи Ивана Бѣльскаго, онъ — тотъ самый, который наступилъ на мантію митрополита Іоасафа и разодралъ ее.

Вслѣдъ затѣмъ палъ и Ѳ. Воронцовъ. Бояре по обычаю не возлюбили его за то, что государь приблизилъ его къ себѣ, а дьякъ Захаровъ донесъ, что новгородскіе пищальники оказали вооруженное сопротивленіе по наущенію бояръ—князя Кубенскаго, только что помилованнаго, и двухъ Воронцовыхъ. Всѣ трое были казнены. Имъ объявлено было, что они ужь заслуживали казни и за прежнія дѣянія. Подробности этого дѣла малоизвѣстны; но ясно видно, что Воронцова погубила близость къ Кубенскому. Лѣтописцы говорятъ, что они были оклеветаны Захаровымъ-Гнилевскимъ. Близость же Кубенскаго къ Шуйскимъ и подученіе имъ новгородцевъ, всегда сторонниковъ Шуйскихъ, заставляютъ усомниться въ томъ, дѣйствительно ли

---

[1]) *Карамзинъ*. Исторія Гос. Росс., т. VIII, примѣч. 164.

они были оклеветаны Захаровымъ, которому поручено было слѣдствіе. Насталъ 1547 годъ, знаменательный въ русской исторіи: Іоаннъ Грозный принялъ титулъ, котораго не рѣшились принять ни отецъ, ни дѣдъ его, титулъ царя. Карамзинъ по этому поводу говоритъ: „Хотя титло не придаетъ естественнаго могущества, но дѣйствуетъ на воображеніе людей, напоминая царей ассирійскихъ, египетскихъ, іудейскихъ, наконецъ, православныхъ греческихъ вѣнценосцевъ; оно возвысило въ глазахъ россіянъ достоинство ихъ государей".

Но какимъ же образомъ одинъ звукъ могъ подѣйствовать на воображеніе народа? Дѣло въ томъ, что съ титуломъ этимъ измѣнялось окончательно и понятіе объ объемѣ верховной власти. Великій князь въ понятіяхъ народа все-таки оставался только старшимъ между князьями (своего рода primus inter pares), царь же становился неизмѣримо выше всѣхъ ихъ, и титулъ великаго князя остался только добавленіемъ къ титулу царя, какъ дань старинѣ, привычкѣ. Слово царь народу было знакомо: всѣ славяне называли византійскихъ вѣнценосцевъ, со времени перваго сближенія съ греками, царями. У насъ даже столица Византійскихъ императоровъ называлась Царь-Градъ, то-есть, городъ—всѣмъ городамъ глава. Въ словѣ царь понятіе объ объемѣ власти касалось тогда отношеній къ другимъ народамъ. Царь былъ, по понятіямъ того времени, какъ бы повелителемъ окрестныхъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ титулъ царя перенесенъ былъ на хановъ Золотой Орды и другихъ татарскихъ ордъ. Естественно поэтому, что титулъ царя высоко поднималъ Іоанна надъ князьями.

Вслѣдъ за вѣнчаніемъ на царство, Іоаннъ сочетался бракомъ съ Анастасіей Романовною, дочерью Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, тогда уже умершаго, племянницею боярина Михаила Юрьевича, близкаго человѣка къ кн. Василію. Другой же ея дядя, остававшійся въ живыхъ, Григорій Юрьевичъ, въ малолѣтство Грознаго держалъ себя въ сторонѣ и не принималъ участія въ смутахъ боярскихъ; ея отецъ былъ окольничимъ, а дѣдъ—бояриномъ Іоанна III. Родъ ихъ, отъ самаго Андрея Кобылы, ихъ родоначальника, подъ именемъ Кошкиныхъ, Захарьиныхъ, Юрьевыхъ, игралъ весьма видную роль въ исторіи возвышенія Москвы. Значеніе его особенно ярко выступаетъ въ письмѣ Эдигея къ великому князю Василію Дмитріевичу. Эдигей писалъ, что другія отношенія были къ Ордѣ, когда ближайшимъ совѣтникомъ великаго князя былъ бояринъ Ѳедоръ Кошка, и что эти отношенія измѣнились, когда мѣсто Ѳедора занялъ его сынъ, и совѣтовалъ призвать въ думу бояръ, единомышленныхъ

Ѳедору и, кажется, одного изъ Кошкиныхъ, Ивана Никитича. Эдигей, конечно, не могъ понять, что отношенія къ Ордѣ измѣнились не потому, что мѣсто Ѳедора занялъ его сынъ, а потому, что время и обстоятельства измѣнились. Но для насъ важно, что измѣненіе этой политики приписывалось боярамъ и особенно предкамъ Романовыхъ. Мы уже видѣли, какъ среди наплыва потомковъ удѣльныхъ князей Рюриковичей и Гедиминовичей одинъ только родъ Андрея Кобылы удерживалъ близкое мѣсто къ престолу великихъ князей. Карамзинъ по поводу Іоаннова брака распространяется о добродѣтеляхъ Анастасіи. Костомаровъ интересуется вопросомъ, любилъ или не любилъ Іоаннъ Анастасію, и рѣшаетъ, что не любилъ, и оба не замѣтили весьма важной политической стороны въ этомъ бракѣ. Соловьевъ (т. VI, стр. 47), упомянувъ о дядьяхъ царицы, о близости одного изъ нихъ къ Василію, о неучастіи другаго въ смутахъ, замѣчаетъ: „быть можетъ, и эти отношенія были не безъ вліянія на выборъ“. Мы думаемъ, что не только эти отношенія не были безъ вліянія на выборъ невѣсты, а именно они-то и рѣшили дѣло. Іоаннъ въ рѣчи къ митрополиту и боярамъ, объясняя, почему онъ раздумалъ искать невѣсты между иностранными принцессами, говоритъ: „Во младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойдтись нравомъ съ иноземкою. Желаю найдти невѣсту въ Россіи по волѣ Божьей и твоему благословенію“. Къ чему тутъ упоминаніе о сиротствѣ? Нравомъ же онъ могъ не сойдтись и съ русскою. Не видно ли тутъ сознанія, что ему, одинокому, воспитанному въ сиротствѣ, нужна опора родственная въ семьѣ жены, и какая же семья могла доставить лучшую опору, какъ не семья Романовыхъ? Прошлое этого рода, особенно его соперничество съ Рюриковичами и Гедиминовичами, ручалось за то, что онъ крѣпко станетъ за Іоанна и его семью: будущее закрѣплялось родствомъ, а будущее не могло представляться Іоанну въ розовомъ свѣтѣ.

Имѣя возлѣ себя такихъ знатоковъ дѣлъ, какъ дьякъ Захаровъ, Іоаннъ не могъ питать надежды, что дѣло съ княжескими притязаніями кончено. Будущее однако вскорѣ и послѣ свадьбы представилось ему въ мрачномъ видѣ, ибо въ первый годъ своей женитьбы онъ замѣтилъ разладъ между родственниками матери и жены. Этотъ разладъ оказался по дѣлу о страшномъ пожарѣ, испепелившемъ Москву въ первый годъ вѣнчанія Іоанна царскимъ и брачнымъ вѣнцомъ.

3-го февраля 1547 года Іоаннъ сочетался бракомъ съ Анастасіей,

а 12-го апрѣля того же года Москву посѣтило страшное бѣдствіе— громадный пожаръ. Во время этого пожара является на сценѣ исторіи знаменитый Сильвестръ, протопопъ Благовѣщенскаго собора. По Карамзину выходитъ, что Сильвестръ является какъ-то внезапно, какъ deus ex machina; въ сущности же дѣло было иначе. Соловьевъ (т. VI, стр. 51) указываетъ, на основаніи свидѣтельства Царственной книги, что Сильвестръ былъ очень друженъ съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и его матерью, и что по его старанію они были выпущены изъ заключенія: „свидѣтельство чрезвычайно важное, ибо мы знаемъ, что князь Владиміръ Андреевичъ, заключенный при Еленѣ, освобожденъ изъ заключенія во время правленія кн. Бѣльскаго и митрополита Іоасафа“. Изъ этого извѣстія выходитъ, что 1) протопопъ Сильвестръ давно уже, за долго до пожара 1547 года, былъ переведенъ изъ Новгорода въ Москву; 2) что уже въ малолѣтство Грознаго при Бѣльскомъ онъ былъ человѣкомъ вліятельнымъ и, слѣдовательно, имѣлъ способность и даръ пріобрѣтать вліяніе; 3) что дружба Сильвестра съ Владиміромъ Андреевичемъ была давняя, что̀ значительно объясняетъ поведеніе Сильвестра во время роковой болѣзни Іоанна въ 1553 году; 4) что Сильвестръ имѣлъ связи въ той боярской партіи, во главѣ которой стоялъ Бѣльскій.

Какъ же передаетъ появленіе Сильвестра Курбскій, а за нимъ и Карамзинъ?

Курбскій говоритъ, что Сильвестръ грозилъ Іоанну именемъ грознаго Бога: „еще къ тому и чудеса, и аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ аще истинныя, або такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе“. Итакъ, по свидѣтельству Курбскаго, сторонника Сильвестра, послѣдній, для пріобрѣтенія вліянія надъ Іоанномъ, дозволилъ себѣ пустить въ ходъ ложныя чудеса. Карамзинъ повторяетъ разказъ Курбскаго, съ краснорѣчивыми добавленіями, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: „приблизился къ Іоанну съ подъятымъ угрожающимъ перстомъ, съ видомъ пророка“, или: „требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ и пріялъ оную“.

Что̀ же заставило Грознаго приблизить къ себѣ Сильвестра?

Извѣстно, что пожаръ 1547 года приписали Глинскимъ. Курбскій объ этомъ говоритъ глухо: „Бысть возмущеніе великое всему народу, яко и самому царю утещи отъ града со своимъ дворомъ; и въ томъ возмущеніи убіенъ вуй его, князь Юрій Глинскій отъ всего народа,

и домъ его разграбленъ; другой же вуй его, князь Михаилъ Глинскій, который былъ всему злому начальникъ, утече, и другіе человѣкоугодницы сущіе съ нимъ разбѣгошася“ (Сказанія князя Курбскаго, т. I. Исторія Ивана Вас., стр. 9). Князь Курбскій этими словами засвидѣтельствовалъ только одно—ненависть бояръ и въ особенности Шуйскихъ къ Глинскимъ. Ибо иначе, что̀ же значатъ слова всему злу начальникъ, сказанныя о Михаилѣ Глинскомъ? Не обвинялъ же его Курбскій въ пожарѣ, а въ чемъ-то другомъ, именно въ возбужденіи къ себѣ и своей фамиліи народной ненависти. Но мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что эту ненависть возбудили князь Ѳедоръ Шуйскій-Скопинъ и князь Юрій Темкинъ, бывшіе главными совѣтниками Андрея Шуйскаго, сосланные по смерти его и опять возвращенные въ Москву. Теперь они не могли ворваться во дворецъ и потому дѣйствовали посредствомъ возбужденія черни. Такой фактъ не могъ примирить Іоанна съ боярами, тѣмъ болѣе, что къ нимъ пристали всѣ личные враги Глинскихъ, какъ напримѣръ, протопопъ Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ Барминъ, и главное, Григорій Юрьевичъ Захарьинъ. Вражда Г. Ю. Захарьина съ Глинскими объясняется обычными въ жизни ссорами между родными матери и жены; такъ, во время молодости Петра Великаго, мы видимъ ссоры Нарышкиныхъ съ Лопухиными; но для Іоанна такія отношенія, особенно въ его положеніи, были тяжелы, и потому не мудрено, что онъ охотно сблизился съ Сильвестромъ, который извѣстенъ былъ давно за человѣка умнаго, уважаемаго когда-то Иваномъ Бѣльскимъ, о которомъ Іоаннъ, конечно, сохранилъ хорошую память. Итакъ, по нашему мнѣнію, ссоры родственниковъ жены и матери навели Іоанна на мысль имѣть возлѣ себя совѣтникомъ человѣка близкаго когда-то къ Бѣльскимъ; уваженіе къ памяти Бѣльскаго было главною причиной приближенія Сильвестра. По совѣту Сильвестра, царь оказалъ особенное довѣріе своему ложничему Алексѣю Адашеву.

Вотъ какъ самъ Іоаннъ выражается въ письмѣ къ Курбскому о своемъ сближеніи съ Сильвестромъ: „взялъ его совѣта ради духовнаго“. Объ Адашевѣ выражается также прямо: „Намъ же, такія измѣны отъ вельможъ своихъ видѣвше, и тако взявъ сего отъ гноища и учинихъ съ вельможами, чающе отъ него прямыя службы“. Прямота же служебная заключалась въ удаленіи отъ бояръ, поэтому Іоаннъ и говорилъ Адашеву: „Не бойся сильныхъ и знатныхъ“. Въ этихъ словахъ и въ рѣчахъ Іоанна на Лобномъ мѣстѣ, которыя произнесены были вскорѣ послѣ приближенія къ царю Сильвестра, выражалось настрое-

ніе его и состояніе дѣлъ, не предвѣщавшія продолжительнаго замиренія. Вотъ что̀ говорилъ Іоаннъ: „Родственники о мнѣ небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, азъ же яко глухъ и не слышахъ и не имый въ устахъ своихъ обличенія, по молодости моей и безпомощности, а они властвовали“. Извѣстно, что Бѣльскіе составляли исключеніе изъ хищниковъ. Эту рѣчь Іоаннъ закончилъ многознаменательными словами: „Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего“. Потомъ просилъ народъ забыть прошлое. Напрасно было бы искать разрѣшенія вопроса, кто внушилъ Іоанну эти слова, которыя поставили бояръ между молотомъ и наковальнею. Напрасно было бы приписывать эти слова внушенію Сильвестра и Макарія. Все, что̀ говорилъ Іоаннъ на Лобномъ мѣстѣ въ 1547 году, было имъ говорено и прежде, задолго до Макарія и Сильвестра. Стоитъ только припомнить, что̀ говорилъ Іоаннъ въ 1543 году, передъ казнію Андрея Шуйскаго, когда, по выраженію Карамзина, онъ въ первый разъ явился повелительнымъ, грознымъ (т. VIII, гл. II). Тогда Іоаннъ объявилъ боярамъ, что они, пользуясь его юностію, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю. Рѣчь Іоанна 1547 года на Лобномъ мѣстѣ была только развитіемъ его рѣчи, сказанной въ 1543 году на пиру.

Въ эпоху паденія Андрея Шуйскаго самымъ вліятельнымъ, хотя и незамѣтнымъ человѣкомъ, былъ дьякъ Захаровъ, вліянію котораго приписывали опалы и казни бояръ. Онъ же могъ внушить рѣчь 1543 г., первообразъ рѣчи 1547 г., но съ 1547 г. Сильвестръ сталъ ближайшимъ совѣтникомъ Іоанна, и потому необходимо прослѣдить его дѣятельность, обнаружившую только властолюбивый духъ этого іерея, который, по словамъ Карамзина, повѣствовавшаго со словъ Курбскаго, былъ олицетвореніемъ безкорыстія. „Смиренный іерей“, какъ выражается Карамзинъ,—„не требуя ни высокаго имени, ни чести, ни богатства, сталъ у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго вѣнценосца на пути исправленія“.

Разсмотримъ сначала характеристику дѣятельности Сильвестра, оставленную намъ княземъ Курбскимъ: „Согласныхъ его на зло прежде бывшихъ, овыхъ отдѣляютъ отъ него (яже быша зѣло люты), овыхъ же уздаютъ и воздержатъ страхомъ Бога живаго. И что же еще по семъ придаютъ? Наказуютъ опаснѣ благочестію; молитвамъ же прилежнымъ къ Богу, и постомъ, и воздержанію внимати со

прилежаніемъ завѣщеваетъ оный презвитеръ, и отгоняетъ отъ него оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь, ласкателей и человѣкоугодниковъ“ и пр. Изъ этихъ словъ Курбскаго, не смотря на ихъ хвалебный тонъ, ясно видно, какъ Сильвестръ, пользуясь религіозностью юношески впечатлительнаго Іоанна, овладѣлъ его душою, подчинилъ его крайне суровой духовной дисциплинѣ и своимъ духовнымъ авторитетомъ отстранилъ отъ него людей, которыхъ Курбскій называетъ прелютѣйшими звѣрями и человѣкоугодниками.

Кто же эти люди? Безъ сомнѣнія, люди, преданные Іоанну; въ числѣ ихъ, вѣроятно, находился и дьякъ Захаровъ-Гнилевскій. Со вступленіемъ во власть Сильвестра, имя его надолго или навсегда исчезаетъ. Есть, впрочемъ, одно указаніе, которое свидѣтельствуетъ о появленіи дьяка Захарова на сценѣ исторіи въ 1554 году и въ замѣчательной роли. Князь Щербатовъ, извѣстный нашъ историкъ прошлаго вѣка, говоритъ, что Іоаннъ, по выздоровленіи отъ болѣзни, поручилъ дьяку Захарову изслѣдовать, по чьему наущенію бояре не хотѣли присягать царевичу Димитрію? Карамзинъ (т. VIII, прим. 38) опровергаетъ князя Щербатова на томъ основаніи, что Щербатовъ говоритъ по этому поводу о казни Кубенскаго и Воронцовыхъ, казненныхъ въ 1546 г., и что Щербатовъ введенъ былъ въ заблужденіе спискомъ Царственной книги, въ которой перепутаны были листы. Все это, можетъ быть, и такъ, но указанная неправильность заключается только въ упоминаніи о казни бояръ, прежде казненныхъ, а не въ фактѣ, что Захарову поручено было царемъ изслѣдовать интригу бояръ. Порученіе слѣдствія по дѣлу присяги Захарову-Гнилевскому указываетъ на важное значеніе этого дьяка. Желательно было бы видѣть провѣрку этого факта. Въ этомъ дѣлѣ могутъ помочь только знатоки древней письменности, просмотрѣвъ списки Царственной книги.

Въ дѣлѣ о присягѣ царевичу Димитрію, во время болѣзни Іоанна въ 1553 году, Сильвестръ и Адашевъ оказались на сторонѣ Владиміра Андреевича. Курбскій оправдываетъ себя и всю боярскую партію въ этомъ дѣлѣ, говоря, что они знали неспособность Владиміра Андреевича. Но это весьма плохое оправданіе: вся исторія показываетъ, что аристократическія партіи всегда, по своимъ эгоистическимъ расчетамъ, неспособныхъ предпочитали способнымъ. Въ этомъ дѣлѣ весьма мало значенія даютъ тому обстоятельству, что бояре не хотѣли присягать Димитрію подъ благовиднымъ предлогомъ: не хотимъ-де служить Романовымъ,—чѣмъ глубоко оскорбили Анастасію

Романовну. Она, конечно, хорошо понимала, что планы сторонниковъ Сильвестра и Адашева грозили ей горькою участью, да не только ей, ея сыну и ея роднымъ. Іоаннъ самъ это понималъ и, припоминая, безъ сомнѣнія, участь Телепнева, говорилъ Романовымъ: „Вы будете первые мертвецами отъ бояръ“. Одно это обстоятельство должно было произвести перемѣну въ Іоаннѣ. Іоаннъ оправился и какъ бы забылъ это дѣло, но безъ сомнѣнія, только по видимому забылъ, ибо не естественно предположить, чтобъ Анастасія этого дѣла ему не напоминала, еслибъ онъ самъ и способенъ былъ забыть его. Поэтому, безъ сомнѣнія, смерть Анастасіи и была роковымъ часомъ усиленія опалъ и казней. Грозному, безъ сомнѣнія, казался справедливъ слухъ объ отравленіи его супруги, особенно по воспоминанію объ отравленіи его матери. Курбскій же всю вину разлада сваливаетъ на Вассіана Топоркова, бывшаго Коломенскаго епископа. Вассіанъ Топорковъ нѣкогда довѣренное лицо Василія Іоанновича, жилъ тогда на покоѣ въ монастырѣ Песочнѣ на рѣкѣ Яхромѣ. Люди, говоря въ ожесточеніи ложь, увлекаются гнѣвомъ до такой степени, что плохо разбираютъ смыслъ своихъ словъ; сквозь ложь у нихъ такъ и сквозитъ правда, вопреки ихъ желанію. Курбскій высказываетъ причину своей ненависти къ Топоркову и даетъ намъ возможность понять правду. Топорковъ, по его свидѣтельству,—былъ Осифлянинъ, врагъ Максима Грека, „великій похлѣбникъ, совѣтенъ и угоденъ“ отцу Грознаго; слѣдовательно, человѣкъ враждебнаго лагеря. Но Курбскій избѣгаетъ говорить о взглядѣ этого похлѣбника на политическія дѣла, а прямо говоритъ, что онъ шепталъ Іоанну на ухо діавольскій совѣтъ: „Не держать возлѣ себя совѣтниковъ умнѣе себя. Если будешь имѣть мудрѣйшихъ совѣтниковъ, то будешь имъ послушенъ“. Соловьевъ замѣтилъ, что никто не можетъ знать, что шепчется кому-либо на ухо, и что если шепчутъ на ухо, то не для того, чтобы другіе это слышали. Смыслъ разказа Курбскаго, однако, понятенъ: Іоаннъ, ясно увидѣвъ, что люди, избранные и возвышенные имъ самимъ, измѣнили ему, усиленно сталъ сближаться съ тѣми немногими людьми, близкими къ его отцу, которые оставались еще въ живыхъ и которые, по всей вѣроятности, были передъ нимъ оклеветаны. Эта вѣроятность основывается между прочимъ на томъ, что бывшій Коломенскій епископъ Вассіанъ Топорковъ, пострадавшій вмѣстѣ съ митрополитомъ Даніиломъ во время юности Іоанна, былъ забытъ и оставался на покоѣ. Посѣщеніе такого лица—дѣйствительно важный фактъ въ исторіи Іоанна, но не въ томъ смыслѣ, какъ повѣствуетъ

Курбскій, а въ томъ, что Іоаннъ нашелъ нужнымъ посѣтить человѣка извѣстнаго сильною ненавистью къ боярамъ. Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому оставилъ намъ мастерскую картину дѣятельности Сильвестра и Адашева, вѣрность которой подтверждается и другими свидѣтельствами, какъ укажемъ ниже. Вотъ картина, нарисованная Грознымъ: „Спасенія ради души своея пріяхъ попа Селивестра... а онъ, поправъ священные обѣты,... лукавымъ обычаемъ, сперва убо яко благо нача, послѣдовавше божественному писанію; мнѣ видѣвшу въ божественномъ писаніи, како подобаетъ наставникомъ покарятися безъ всякаго разсужденія, и ему совѣта ради духовнаго повинухся въ колебаніи, въ невидѣніи; онъ же восхитихся властію,... нача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ... Селивестръ и со Алексѣемъ содружился... и вмѣсто духовныхъ мірская начаше совѣтовати... и всѣхъ васъ бояръ начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе,... и честію мало васъ не съ нами равняюще... и васъ почалъ причитати къ вотчинамъ, ко градамъ и селомъ, еже дѣда нашего.... уложеніемъ которыя вотчины у васъ изимали,... и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ не подобно и то дѣда нашего уложеніе разрушилъ. И потомъ единомысленника своего князя Дмитрія Курлятева къ намъ въ сигклитію припустилъ... ни единыя власти не оставиша, идѣже свои угодники не поставиша, и тако во всемъ свое хотѣніе улучиша.... Намъ же, аки младенцемъ пребывающимъ“. Итакъ, Іоаннъ обвиняетъ Сильвестра въ слѣдующемъ: 1) что онъ, воспользовавшись положеніемъ духовнаго отца, восхитился властію и заботился только о томъ, чтобы всячески увеличить ее; 2) что для этой цѣли онъ помогъ боярской партіи поставить всюду единомышленниковъ своихъ; 3) что единомышленникамъ онъ возвратилъ ихъ вотчины, грады и села, которыя у ихъ отцовъ, или у нихъ отняты были еще дѣдомъ и отцемъ Грознаго. „И то дѣда нашего уложеніе разрушилъ, и тѣхъ многихъ людей къ себѣ примирилъ“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ такъ выражается о Сильвестрѣ: „утвердися дружбами (то-есть, дружбою съ боярами) и вся властію во всей своей волѣ имый, ничто же отъ насъ пытая, аки нѣсть насъ, вся

---

[1]) Многоуважаемый К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ 1-мъ выпускѣ II-го тома своей «Исторіи», главу о времени сближенія Сильвестра съ Іоанномъ озаглавилъ такъ: «Новые люди и новые порядки». Но изъ приведенныхъ нами словъ Грознаго видно, что новые люди, разрушая уложеніе дѣда и отца Грознаго, вводили порядки старые, порядки временъ Василія Темнаго.

строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ творяше". Изъ чего Сильвестръ сталъ такъ горячо на сторонѣ боярской партіи? Вопервыхъ, какъ выше было указано, Сильвестръ и прежде принадлежалъ къ боярской партіи; вовторыхъ, мы ничего не знаемъ о закулисныхъ двигателяхъ Сильвестрова сближенія съ Іоанномъ. Кто можетъ сказать, что не боярская партія выдвинула впередъ хитраго и властолюбиваго іерея въ день великаго пожара и страшнаго мятежа, возбужденнаго боярами? Прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ, но та громадная власть, которая захвачена была Сильвестромъ, могла держаться только на двухъ основахъ—на поддержкѣ сильнаго боярскаго сословія и на обманѣ царя. Власть же Сильвестра изображается громадною не только Курбскимъ и Іоанномъ, но и Царственною книгою, въ которой читаемъ слѣдующее: „Сильвестръ былъ у государя въ великомъ жалованьи и совѣтѣ духовномъ и въ думномъ, и бысть яко все мога, и вся его послушаху, и никто же смѣяше ни въ чемъ же противитися ему, ради царскаго жалованья. Указывавше и митрополиту, и владыкамъ, и архимандритомъ, и игуменомъ, и чернецемъ, и попомъ, и бояромъ, и приказнымъ людемъ, и воеводамъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ... и никто же смѣяше ничтожъ рещи, ни сотворити не по его повелѣнію; и всѣми владѣяше, обѣма властьми и святительскими, и царскими, якожъ царь и святитель точію имени и сѣдалища не имѣяше, но поповское имѣяше; но токмо чтимъ добрѣ всѣми и владѣяши всѣмъ съ своими совѣтники" (Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3-е, стр. 293 и 294) [1]).

Есть основаніе думать, что въ пору своего могущества, если не ранѣе, Сильвестръ сблизился и съ фамиліей Шуйскихъ. Около 1556 года онъ написалъ замѣчательное посланіе къ казанскому намѣстнику, князю Александру Борисовичу Горбатому-Шуйскому.

Должно замѣтить, что Іоаннъ, конечно, подъ вліяніемъ Сильвестра во время Стоглаваго собора заставилъ бояръ примириться. Это примиреніе, официально совершенное по приказанію царя, облегчало Сильвестру открытое сношеніе со всѣми боярскими партіями.

---

[1]) Удивительно, что К. Н. Бестужевъ-Рюминъ считаетъ Сильвестра человѣкомъ благоразумнымъ и умѣреннымъ, когда властолюбіе его и самообожаніе не знало границъ. Безъ сомнѣнія, зная его самообожаніе, бояре выдвигали его впередъ и посредствомъ этой черты его характера проводили свои дѣла, уничтожая уложенія дѣда и отца Грознаго.

Такимъ образомъ образовался тѣсный кружокъ людей, съ Сильвестромъ во главѣ, кружокъ, который, управляя всѣмъ и дѣйствуя осторожно, медленно, умѣлъ долго скрывать отъ глазъ царя совершенное имъ разрушеніе уложенія дѣда и отца государя, какъ выражался Іоаннъ. Это скрытіе не трудно было и сдѣлать; передъ Іоанномъ все заслоняла благочестивая фигура іерея Сильвестра.

Разрушеніе дѣла Іоанна III и Василія III, хотя бы и неполное, неминуемо вело къ возобновленію и возстановленію его жестокими мѣрами. Такъ было всюду, и это неизбѣжный историческій законъ въ сословныхъ и всякихъ другихъ столкновеніяхъ. Такъ, напримѣръ, было во Франціи, когда первые короли изъ дома Валуа оставили благоразумную политику Капетинговъ по отношенію къ феодализму и дали послѣднему возможность снова усилиться. Это усиленіе остановлено было кровавыми мѣрами Людовика XI. Иначе и быть не можетъ: противодѣйствіе силѣ, идущей впередъ, ея задержка, а тѣмъ болѣе насильственное возвращеніе ея вспять вызываетъ самыя бурныя страсти и самые энергическіе порывы для завоеванія потерянаго и возобновленія возможности движенія впередъ.

Съ удивленіемъ приходится замѣчать, что историки, писавшіе объ Іоаннѣ, не обратили вниманія на многознаменательныя слова его о разрушеніи уложенія дѣда и отца и на возвращеніе боярамъ многихъ отчинъ. Эти же слова Іоанна могутъ служить къ поясненію не только эпохи Грознаго, но и всѣхъ событій московскаго періода отъ половины XV до конца первой четверти XVII вѣка включительно [1]).

Большая часть историковъ съ легкой руки Карамзина выставляетъ личность Сильвестра высоконравственною и чистою. Такое мнѣніе выдержитъ критику, если нравственность понимать только въ ограниченномъ смыслѣ, въ смыслѣ воздержанія отъ плотскихъ страстей. Но если взглянуть на Сильвестра съ болѣе широкой нравственной точки зрѣнія, съ той точки зрѣнія, которая требуетъ отъ человѣка — правдиваго служенія обществу, отъ человѣка сильнаго защиты слабыхъ и угнетенныхъ, то картина выйдетъ иная.

Результаты государственной дѣятельности Сильвестра вызвали цѣлый рядъ казней и не мало принесли Россіи зла. Іоаннъ, семнадцатилѣтній юноша, ищетъ въ немъ духовнаго руководителя. Что же

---

[1]) Даже К. Н. Бестужевъ-Рюминъ только мимоходомъ, въ примѣчаніи, приводитъ слова Грознаго о разрушеніи уложенія дѣда и отца, не придавая этимъ словамъ той цѣны, какую они имѣютъ по нашему мнѣнію.

дѣлаетъ Сильвестръ? Онъ силою церковнаго авторитета овладѣваетъ довѣренностью Іоанна и, ставъ на сторону бояръ, помогаетъ имъ разрушить дѣло дѣда и отца Іоанна, которое царь, довѣрившійся ему, призванъ продолжать.

Въ дѣлѣ о присягѣ Димитрію Сильвестръ, безъ сомнѣнія, стоялъ въ ряду враговъ сына царя, возвысившаго его. И это дѣлалъ человѣкъ, съ виду смиренный служитель алтаря. Мы видѣли отзывъ Царственной книги о силѣ власти Сильвестра: ему никто не смѣлъ слова сказать. Эту силу онъ почерпалъ отъ царя и въ то же время опирался на бояръ. Кто же могъ ему противиться? Вліяніе родственниковъ Анастасіи съ пожара Москвы 1547 года до болѣзни Іоанна въ 1553 году, видимо, значительно упало, и только поведеніе Сильвестра во время болѣзни Грознаго поколебало къ нему довѣріе царя. Если даже Сильвестръ дѣйствовалъ по убѣжденію въ пользу бояръ, то во всякомъ случаѣ „смиренный іерей“, какъ его назвалъ Карамзинъ, является передъ нами тонкимъ политикомъ, ловко носившимъ маску передъ довѣрчивымъ царемъ [1]).

Прежде чѣмъ приступимъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію главнѣйшихъ событій царствованія Грознаго, касающихся нашего предмета, приведемъ мнѣніе о Грозномъ, высказанное Эверсомъ еще въ 1816 году. Вотъ что̀ онъ говорилъ: „Разумѣется, во всѣхъ дошедшихъ до насъ источникахъ, какъ русскіе, такъ и иностранцы, вполнѣ согласны, что Іоаннъ справедливо заслужилъ имя Грознаго. Но вопросъ въ томъ, былъ ли онъ вслѣдствіе справедливости строгъ до жестокости, или отъ чрезмѣрной склонности къ гнѣву пре-

---

[1]) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, не приписывая Сильвестру большаго вліянія, говоритъ, что все-таки онъ временно благодѣтельно подѣйствовалъ на Іоанна, укротивъ порывы его страстей. Но едва ли и съ этой стороны вліяніе Сильвестра было продолжительно; то, что̀ въ этомъ случаѣ приписывается Сильвестру, должно быть приписано Анастасіи Романовнѣ, которая до конца жизни умѣла удержать за собою привязанность Іоанна. Далѣе весьма справедливо замѣчено г. Бестужевымъ-Рюминымъ, что пріемъ дѣйствовать дѣтскими страшилищами на нервную впечатлительную натуру Грознаго могъ имѣть только временное вліяніе и могъ дѣйствовать только на непродолжительное время, и не свидѣтельствуетъ о большомъ умѣ Сильвестра. Намъ кажется, что объ умѣ Сильвестра можно еще спорить; но о высокой нравственности человѣка, прибѣгавшаго къ выдуманнымъ имъ чудесамъ, для усиленія своего вліянія, спорить трудно. Умъ Сильвестра былъ изъ того рода умовъ, которые въ глубь дѣла не заглядываютъ, а управлять людьми юными и довѣрчивыми, при помощи лицемѣрія, весьма способны.

давался до самозабвенія грубымъ безпутственнымъ жестокостямъ. Послѣднее представляется сомнительнымъ. Извѣстно, что между всѣми государями, понявшими испорченность государственной машины и потребности народа и стремившимися править своимъ государствомъ согласно такому пониманію, этому государю, то-есть, Іоанну, принадлежитъ весьма высокое мѣсто“ (см. въ Beiträge zur Kenntniss Russlands, т. X, предисловіе къ Sendschreiben an Gothard Kettler, Herzog zu Kurland und Semigalien von Taube und Kruse 1572 J.) [1]). Предисловіе Эверса къ изданію письма Таубе и Крузе должно было бы заставить строже разобрать иностранные источники, касающіеся исторіи Грознаго; но этого до сихъ поръ не сдѣлано. То же должно сказать и о русскихъ источникахъ, изъ которыхъ большая часть возникла, можетъ быть, въ ту пору, когда враги Грознаго торжествовали. К. Д. Кавелинъ въ статьѣ своей о юридическомъ бытѣ древней Руси говорилъ, „что все, извѣстное намъ о Грозномъ, дошло отъ его враговъ, а раздавленный боярствомъ народъ, который онъ старался поднять, своего голоса подать не могъ“. Что касается до иностранцевъ, то одни изъ нихъ писали по слухамъ, пущеннымъ боярами, другіе же писали съ католической точки зрѣнія. Не нужно забывать, что XVI вѣкъ былъ вѣкомъ ожесточенной религіозной борьбы въ западной Европѣ. Борьба эта отразилась и въ восточной Европѣ; католицизмъ свои потери на западѣ старался вознаградить на востокѣ. Во время Іоанна, въ 1569 году, совершилось, подъ вліяніемъ московскихъ событій, объединеніе Польши и великаго княжества Литовскаго. Іезуиты стали тогда же подготовлять и церковную унію въ Западной Руси. Мало этого; іезуиты тогда же обратили свое вниманіе и на Московскую Русь. Извѣстно, какъ іезуитъ

---

[1]) Карамзинъ не прислушался къ голосу Эверса, и до появленія въ 1847 году трудовъ Кавелина и Соловьева только нѣсколько разрозненныхъ голосовъ возставало противъ безпримѣрнаго пристрастія IX тома Исторіи Государства Россійскаго. Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія профессоръ Казанскаго университета (воспитанникъ бывшаго профессорскаго института въ Дерптѣ), Н. А. Ивановъ, указывая на произвольныя добавленія Карамзина ради краснорѣчія, говорилъ, что означенный IX томъ сбилъ русскую исторію съ прямаго пути, но пути настоящаго не указалъ (см. примѣчаніе къ статьѣ моей «О смерти царевича Димитрія» въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1873 г. іюнь и іюль). Въ печати въ 30-хъ годахъ на погрѣшности IX тома Карамзина указывалъ Арцыбашевъ. Объ Арцыбашевѣ см. статью *К. Н. Бестужева-Рюмина* въ Энциклопедическомъ Словарѣ русскихъ ученыхъ и литераторовъ.

Поссевинъ, бывши въ Москвѣ, хлопоталъ о соединеніи церквей. Вотъ наглядное изображеніе этихъ безполезныхъ хлопотъ: „Изложеніе спорныхъ пунктовъ о вѣрѣ между греками и латинами послѣ раздѣленія церквей, поданное Московскому царю Іоанну Васильевичу Антоніемъ Поссевиномъ, въ присутствіи бояръ, въ Москвѣ, 3-го марта 1582 г.“. Подлинный документъ, на латинскомъ языкѣ, напечатанъ въ Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ. Въ этомъ актѣ Поссевинъ напоминаетъ, что до раздѣленія церквей нѣкоторые Константинопольскіе патріархи, гонимые императорами, искали защиты у папъ, и что между искавшими защиты былъ Іоаннъ Златоустъ. Тутъ же Поссевинъ напоминаетъ и о Флорентійской уніи. Весь этотъ актъ переведенъ былъ для Іоанна на русскій языкъ по свидѣтельству самого Поссевина. Іоаннъ перехитрилъ іезуита, и не мудрено: Поссевинъ встрѣтилъ въ немъ дальновиднаго и тонкаго политика. Вообще слава тонкости и хитрости іезуитской значительно колеблется въ этомъ дѣлѣ. Неужели Поссевинъ могъ надѣяться подѣйствовать на Іоанна напоминаніемъ, что нѣкоторые патріархи и епископы Константинопольскіе, гонимые императорами, искали защиты у папъ? Или это писано было для митрополита и для бояръ? Но развѣ такая цѣль не должна была вызвать сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны Іоанна? Не мудрено, что католическіе писатели съ яростью говорили о Грозномъ. Во-первыхъ, потому, что его не могли провести даже іезуиты; во-вторыхъ, потому, что онъ ломилъ аристократію, что̀ возбуждало къ нему симпатію въ народныхъ массахъ Западной Россіи, массы же эти іезуиты считали своею вѣрною добычей. Недавно напечатано было [1]) письмо къ Кальвину одного изъ его учениковъ, жившаго въ Ригѣ, въ разгаръ Ливонской войны. Ярый кальвинистъ благосклонно отзывается объ Іоаннѣ и пророчитъ великую будущность Россіи. Это письмо замѣчательно въ томъ отношеніи, что ясно показываетъ, какъ иностранные писатели относились къ Іоанну и къ Россіи, такъ-сказать, субъективно. Католикъ громилъ Іоанна, какъ злодѣя, ибо видѣлъ въ немъ препятствіе къ задумываемой уніи. Кальвинистъ былъ къ нему благосклоненъ, потому что видѣлъ въ немъ врага Риму. Но кромѣ того, должно еще замѣтить, что Іоаннъ былъ благосклоннѣе къ реформатскимъ ученіямъ, чѣмъ къ католикамъ.

Посмотримъ же на иностранцевъ, писавшихъ о Грозномъ съ точки зрѣнія отношеній ихъ къ религіозному вопросу и къ сосѣдямъ Россіи.

---

[1]) *Русская Старина* 1885 г.

Гваньини, италіанецъ по происхожденію, католикъ по вѣрѣ, писалъ явно въ угоду Баторію, у котораго служилъ. Не даромъ Баторій прислалъ Іоанну сочиненіе Гваньини, чтобъ онъ видѣлъ, что̀ о немъ пишутъ въ Европѣ. Баторій же, эта слава Польши, былъ большимъ другомъ іезуитовъ, и если не онъ первый призвалъ ихъ въ Польшу, то внѣ всякаго сомнѣнія, что число ихъ при Баторіи весьма сильно увеличилось. Такого же памфлетнаго характера была и книжечка Одерборна, названная въ нѣмецкомъ переводѣ „Johan Basilides tyrannisches Leben“. Одерборнъ, хотя и протестантъ, но, подобно Гваньини, большой поклонникъ Баторія и, конечно, писалъ съ такою же цѣлью, какъ и Гваньини, то-есть, съ цѣлію вооружить общественное мнѣніе въ Европѣ противъ врага Польскаго короля. Онъ писалъ, также подобно Гваньини, по слухамъ и сообщаетъ эти слухи безъ всякаго разбора; Россіи онъ совсѣмъ не зналъ: рѣку Волховъ смѣшиваетъ съ Волгою; говоря о новгородскомъ погромѣ разказываетъ, что 700 женщинъ съ ихъ дѣтьми были утоплены въ Волгѣ. Разказываетъ, что Іоаннъ Грозный въ день св. Иліи Пророка собирался самъ служить литургію. Сцены, происходившія въ Александровской слободѣ, могли подать отдаленный поводъ къ слухамъ о совершеніи Грознымъ литургіи; но слухъ этотъ былъ пущенъ въ ходъ, конечно, не даромъ: онъ долженъ былъ внушить западно-русскимъ православнымъ мысль, до какой степени въ православной церкви допущенъ былъ произволъ свѣтской власти, невозможный въ Римской церкви, гдѣ никогда ни одному государю и въ голову не могло-де придти посягнуть на совершеніе литургіи. Такъ какъ время, когда писали Гваньини и Одерборнъ, было временемъ усиленной дѣятельности іезуитовъ для созданія уніи, то историкъ и не долженъ забывать это обстоятельство. Далѣе, изъ наиболѣе выдающихся или чаще упоминаемыхъ иностранцевъ слѣдуютъ Таубе съ Крузе и Флетчеръ. О Таубе и Крузе привожу мнѣніе Эверса изъ его вышеупомянутаго предисловія къ ихъ письму къ Кетлеру. Вотъ что̀ говоритъ этотъ ученый и безпристрастный изслѣдователь русской исторіи: „Въ 1567 г. они вступили на службу къ царю и старались подвинуть сословія и города ихъ отечества къ признанію верховнаго владычества (Oberherrschaft) Россіи, за что̀ и награждены были царемъ почестями и богатствомъ. Когда же Готгардъ Кетлеръ не согласился на ихъ планы, тогда, въ 1570 году, они внушили царю мысль провозгласить Ливонскимъ королемъ герцога Магнуса Голштинскаго и въ свитѣ его играли весьма важную роль, пока не усомнились въ прочности его

владычества; усомнившись же въ силѣ царя, и честь, и долгъ принесли въ жертву своему эгоизму, продавъ себя королю Сигизмунду. Въ 1571 году, услышавъ, что царь Іоаннъ на голову разбитъ татарами, и что могущество его уничтожено ими навсегда (für immer besiegt schien), они безсовѣстнѣйшимъ образомъ тому же Сигизмунду предали Дерптъ". Далѣе Эверсъ говоритъ прямо, что, желая извинить себя, или и совсѣмъ оправдаться въ глазахъ Кетлера, они грѣхами царя, которому измѣнили, старались прикрыть свой собственный позоръ.

Другой характеръ имѣютъ извѣстія Флетчера. Его свѣдѣнія точно также основаны на слухахъ, но важно то, что эти слухи онъ собиралъ въ Москвѣ безъ всякой задней мысли. Флетчеръ, однако, тоже черпалъ свои свѣдѣнія изъ среды боярской партіи, ибо, какъ англичанинъ, онъ смѣрилъ нашу боярскую аристократію англійскимъ аршиномъ и склонился на ея сторону. Поэтому его свѣдѣнія важны, какъ отголоски боярской партіи, на что̀ и указывалъ уже Кавелинъ. Вмѣстѣ со свѣдѣніями цѣнными, Флетчеръ сообщаетъ иногда факты, свидѣтельствующіе о его великомъ легковѣріи. Ему, напримѣръ, много наговорили о вымышленныхъ мучительствахъ, посредствомъ которыхъ Грозный добывалъ деньги отъ народа, и между прочимъ разказали слѣдующую сказку, которую онъ записалъ, какъ достовѣрный фактъ Однажды Иванъ Васильевичъ послалъ въ Москву добыть ему мѣру живыхъ блохъ для лѣкарства. Ему отвѣчали, что этого нельзя исполнить и еслибы даже удалось наловить столько блохъ, то ими нельзя наполнить мѣру, оттого что онѣ распрыгаются. За это царь взыскалъ съ нихъ (то-есть, съ отвѣчавшихъ) штрафъ или выбилъ изъ нихъ правежемъ 7,000 рублей. „Подобною же уловкой", — продолжаетъ Флетчеръ, — „отнялъ онъ у своихъ бояръ 30,000 руб. за то, что, отправившись на охоту за зайцами, не изловилъ ничего, какъ будто бояре вытравили и перебили всѣхъ зайцевъ, а они (то-есть, бояре) по обыкновенію обратили этотъ правежъ на мужиковъ или простой народъ. Какъ ни страннымъ можетъ казаться такой забавный способъ грабить бѣдныхъ подданныхъ безъ всякаго основательнаго повода, но онъ совершенно согласенъ со свойствами тамошнихъ царей и съ жалкимъ рабствомъ этого несчастнаго государства. Такіе-то и подобные способы употребляютъ цари для обогащенія казны своей". Таковы факты, сообщаемые Флетчеромъ. Одно ли легковѣріе его и его вѣка играло тутъ роль? Очень можетъ быть, что бояре, ненавидѣвшіе Грознаго и не менѣе его ненавидѣвшіе Бориса Годунова, правившаго, во время бытности Флетчера въ Москвѣ, государ-

ствомъ отъ имени царя Ѳедора Іоанновича, замѣтили легковѣріе иностранца и разказывали ему одну нелѣпость за другою. Изъ этихъ нелѣпостей выдается слѣдующая: „Чтобы показать власть свою надъ жизнью подданныхъ, покойный царь Иванъ Васильевичъ во время прогулокъ или поѣздокъ приказывалъ рубить головы тѣмъ, которые попадались ему на встрѣчу, если ихъ лица ему не нравились, или когда кто-нибудь неосторожно на него смотрѣлъ. Приказъ исполнялся немедленно, и головы падали къ ногамъ его".

Видимо, что Флетчеръ на лету схватывалъ слухи, немедленно записывалъ, не всегда толково вникая въ то, что̀ ему разказывали, Вотъ, напримѣръ, какую нелѣпость разказываетъ онъ объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества: „Такимъ образомъ царь, вмѣстѣ со своею думой и важнѣйшими лицами изъ духовенства, составивъ соборъ въ Москвѣ, положили митрополита Московскаго переименовать въ патріархи всей Греческой церкви съ тою же властію и юрисдикціей, которая принадлежала Константинопольскому или Сіонскому патріарху". Вотъ какой видъ подъ перомъ Флетчера принялъ фактъ учрежденія патріаршества въ Москвѣ. Весь фактъ искаженъ или собственнымъ воображеніемъ, или свѣдѣніями, почерпнутыми уже внѣ Москвы. Вѣрнаго въ этомъ фактѣ осталось только учрежденіе патріаршества въ Москвѣ. Весьма вѣроятно, что Флетчеръ многія свои свѣдѣнія, почерпнутыя въ Москвѣ по тамошнимъ слухамъ, добавлялъ свѣдѣніями, ходившими о тѣхъ же событіяхъ въ сосѣднихъ государствахъ.

И у такого писателя Карамзинъ беретъ иногда безъ повѣрки даже числовыя данныя въ весьма важныхъ фактахъ. Онъ беретъ у Флетчера свѣдѣніе о числѣ погибшихъ въ Московскомъ пожарѣ 1571 г., именно 800 тысячъ. Онъ не взялъ во вниманіе невозможность этой даты, ибо тогда не только въ Москвѣ, но и въ предѣлахъ нынѣшней Московской губерніи, такого числа жителей не было; поэтому если массы окрестныхъ жителей и стеклись въ Москву, то такое громадное количество все-таки трудно было набрать. Конечно, тогда много людей сгорѣло и въ домахъ; но Флетчеръ, по обыкновенію своему, доводитъ картину гибели до невѣроятныхъ размѣровъ. Онъ говоритъ, что еще болѣе погибло изъ тѣхъ людей, которые хотѣли пройдти въ самыя дальнія отъ непріятеля ворота, гдѣ, собравшись отовсюду въ огромную толпу и перебивая другъ у друга дорогу, такъ стѣснились въ воротахъ и прилежащихъ къ нимъ улицахъ, что въ три ряда шли одинъ по головамъ другаго, и верхніе давили тѣхъ, которые были подъ ними.

„Такимъ образомъ въ одно и то же время отъ огня и давки погибло, какъ сказываютъ, 800 тысячъ человѣкъ и болѣе“. Флетчеръ прибавилъ „какъ сказываютъ“, а Карамзинъ уже положительно говоритъ: всѣхъ погибло около 800 тысячъ. Въ числѣ этихъ 800 тысячъ онъ насчитывалъ 120 тысячъ воиновъ. Исторіографъ, однако, не рѣшился помѣстить въ текстѣ картину, какъ жители среди огня въ три ряда ходили другъ у друга на головахъ; ради вѣроятности онъ долженъ былъ опустить такую эффектную картину и отослать читателя къ англійскому тексту въ примѣчаніи.

Тѣмъ не менѣе все дѣло нашествія Крымскаго хана въ 1571 г. изображено у Карамзина болѣе чѣмъ опрометчиво. Измѣна бѣлевскихъ дѣтей боярскихъ, Кудеяра Тишинкова, да Окула Семенова, да калужанъ Юдниковыхъ, каширянина Лихарёва, серпуховца Русина, которые подвели хана, не только не получила настоящаго освѣщенія, но даже какъ будто она такъ мало значила, что только черезъ нѣсколько страницъ прибавлено: „Сею измѣною Іоаннъ могъ изъяснять успѣхъ непріятеля“.

Іоаннъ былъ и правъ: только этою измѣной и можно объяснить, хотя преувеличенный, но во всякомъ случаѣ страшный пожаръ Москвы въ 1571 г. Весь разказъ Карамзина объ этомъ событіи мало соотвѣтствуетъ важности факта. Сказавъ, какъ ханъ обошелъ воеводъ и устремился къ Серпухову, гдѣ Іоаннъ стоялъ съ малочисленною дружиной, Карамзинъ продолжаетъ: „Требовалось рѣшительности, великодушія: Царь бѣжалъ!... въ Коломну, оттуда въ Слободу, мимо несчастной Москвы: изъ слободы къ Ярославлю, чтобы спастися отъ непріятеля, спастися отъ измѣнниковъ, ибо ему казалось, что и воеводы, и Россія выдаютъ его татарамъ!“ Гораздо спокойнѣе, проще и, внѣ всякаго сомнѣнія, гораздо правдивѣе передаетъ это дѣло Соловьевъ. Вотъ его разказъ: „Іоаннъ, отрѣзанный отъ главнаго войска, поспѣшилъ отступить изъ Серпухова въ Бронницы, оттуда въ Александровскую Слободу и изъ Слободы въ Ростовъ, какъ то дѣлывали въ подобныхъ случаяхъ и предшественники его Димитрій Донской, Василій Димитріевичъ; говорилъ, что бояре подослали къ хану дѣтей боярскихъ провести его безпрепятственно черезъ Оку“.

Итакъ, Іоаннъ сдѣлалъ то, что̀ сдѣлали Димитрій Донской, Василій Дмитріевичъ; сдѣлалъ то, что̀ въ данныхъ обстоятельствахъ и слѣдовало сдѣлать. Какой рѣшительности, какого великодушія требовалъ отъ царя Карамзинъ? Неужели Карамзинъ, одинъ изъ умнѣй-

шихъ людей своего времени, могъ въ самомъ дѣлѣ думать, что Іоаннъ Грозный съ пятью или шестьютысячнымъ отрядомъ долженъ былъ вступить въ битву съ ханомъ, у котораго на лицо было до ста-двадцати тысячъ конныхъ воиновъ? „Требовалось рѣшительности и велокодушія“... Но со стороны Іоанна было бы безуміемъ съ горстью людей, отрѣзанныхъ отъ главныхъ силъ, броситься на всю Крымскую орду! И эти слова говоритъ Карамзинъ, восхвалявшій Іоанна III за осторожное поведеніе на р. Угрѣ, между тѣмъ тутъ было за что̀ порицать: Іоаннъ III своимъ малодушнымъ поведеніемъ на р. Угрѣ заслужилъ справедливый упрекъ отъ Ростовскаго епископа Вассіана, который, изъ горячей любви къ Русской землѣ, исполнился такого негодованія на поведеніе великаго князя, что назвалъ его въ глаза бѣгуномъ [1]). Итакъ, когда Іоаннъ велъ себя по примѣру Димитрія Донскаго и Василія Дмитріевича, что̀ же дѣлали воеводы? Воеводы дозволили хану обойдти себя и открыли ему дорогу къ Серпухову, гдѣ онъ, имѣя болѣе ста тысячъ воиновъ, въ буквальномъ смыслѣ могъ раздавить шеститысячный отрядъ Грознаго или захватить царя въ плѣнъ. Сдѣланы ли были Іоанномъ какія-либо распоряженія или нѣтъ—не извѣстно; но дальнѣйшія дѣйствія воеводъ еще болѣе подтверждаютъ подозрѣнія Грознаго.

Воеводы успѣли на столько предупредить хана подъ Москвою, что могли сдѣлать свои, болѣе чѣмъ странныя распоряженія; успѣть же сдѣлать эти распоряженія они могли подъ однимъ условіемъ — полученія извѣстія о движеніи хана. Отъ кого же они его получили? Какъ распорядились съ Москвой? Тутъ даже самъ Карамзинъ до нѣкоторой степени возмущался: „Вмѣсто того“, говоритъ онъ,—„чтобы

---

[1]) Позволимъ себѣ для сравненія сужденій Карамзина о двухъ Іоаннахъ напомнить дѣло Іоанна III на р. Угрѣ въ 1480 г. Іоаннъ III и ханъ Ахматъ стояли другъ противъ друга, одинъ—на правомъ, другой—на лѣвомъ берегу Угры. Проходитъ лѣто, настаютъ заморозки, все стоятъ; русскіе жаждутъ битвы: Іоаннъ III приказываетъ отступать къ Боровску; войскомъ, вѣроятно—вслѣдствіе слуховъ, что татары заходятъ въ тылъ, овладѣваетъ паническій страхъ, отступленіе превращается въ бѣгство. Татары съ изумленіемъ видѣли это бѣгство, и, получивъ въ это время извѣстіе, что князь Ноздроватый и крымскій царевичъ Нордоулатъ вторглись въ улусы Золотой Орды, вообразили, что русскіе заманиваютъ ихъ въ засаду и въ свою очередь пустились бѣжать въ другую сторону! Это дѣло затемнено и превознесено Карамзинымъ, какъ актъ государственной мудрости. Объясненіе этого событія принадлежитъ покойному профессору Казанскаго университета Н. А. Иванову.

отразить хана въ полѣ, заняли предмѣстія московскія, наполненныя безчисленнымъ (?) множествомъ бѣглецовъ изъ деревень окрестныхъ, хотѣли обороняться между тѣсными, бренными зданіями (sic). Князь Иванъ Бѣльскій и Морозовъ съ большимъ полкомъ стали на Варламовской улицѣ; Мстиславскій и Шереметевъ съ правою рукою— по Якимовской; Воротынскій и Тишевъ—на Таганскомъ лугу противъ Крутицъ; Темкинъ съ дружиною опричниковъ — за Неглинною". Неужели всѣ эти воеводы были такъ недогадливы, что считали удобнѣе защищаться среди бренныхъ, по выраженію Карамзина, зданій Москвы, по просту деревянныхъ избъ, чѣмъ окопаться подъ Москвою? Развѣ воеводы не знали, какъ горѣла Москва въ 1383 г.? Воеводы, запрудивъ Кремль и улицы предмѣстій народомъ, рѣшились защищаться среди этихъ бренныхъ улицъ. Безуміе этого распоряженія бросается въ глаза всякому. Поэтому Іоаннъ имѣлъ основаніе говорить, что бояре подослали дѣтей боярскихъ навести хана на Москву. Въ дѣлахъ крымскихъ (см. IX т. И. Г. Р. Карамзина, прим. 352) актъ измѣны вышеназванныхъ боярскихъ дѣтей изображается ясно и положительно: „И Кудеяръ съ товарищи царю (то-есть, хану) говорили, что на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ московскихъ по два года была меженина (голодъ) великая и моръ.... Многіе люди вымерли, а иныхъ многихъ людей государь въ своей опалѣ побилъ, а достальные воинскіе люди и татарове всѣ въ нѣмцѣхъ; а государя-де чаютъ въ Серпуховѣ съ опришниною; а людей-де съ нимъ мало, и ты-де поди прямо къ Москвѣ, а вожъ-де тебѣ черезъ Оку и до Москвы язъ; а будетъ-де тебѣ до Москвы будетъ встрѣча, и ты-де вели меня казнить". Итакъ, боярскій сынъ Кудеяръ Тишинковъ, котораго Грозный впослѣдствіи иначе и не называлъ, какъ разбойникомъ, зналъ, равно какъ и его товарищи, что хану на походѣ къ Москвѣ препятствія не будетъ. Откуда же они могли знать? Всякій догадается, что только воеводы могли дать хану такое ручательство. Не должно при этомъ забывать, что князь Мстиславскій признался послѣ, что онъ навелъ хана (Сол. т. VI, стр. 263).

Замѣтимъ еще въ заключеніе, что въ числѣ бояръ-воеводъ былъ въ сторожевомъ полку князь Иванъ Андреевичъ Шуйскій, сынъ того Андрея, котораго Грозный казнилъ въ Волоколамскѣ, что̀ очень знаменательно. Его однако и его родственника, Ивана Петровича Шуйскаго, въ Москвѣ не было. Въ то время, когда политическія страсти дошли до такого ожесточенія, что люди потеряли всякую нравственную сдержку, нельзя не обратить вниманія на то, что въ

сторожевомъ полку начальникомъ былъ сынъ князя Андрея, растерзаннаго псарями. Нельзя не вспомнить и того, что и въ 1383 г., благодаря предкамъ князей Шуйскихъ, Нижегородскимъ князьямъ Василію и Симеону, Москва сожжена была татарами; Василій и Симеонъ дали тогда жителямъ Москвы клятву, что татары не сдѣлаютъ вреда городу; простодушные жители повѣрили клятвѣ и жестоко поплатились за свою довѣрчивость. Флетчеръ говоритъ, что Іоаннъ не смѣлъ вступить въ битву, потому что сомнѣвался въ своемъ дворянствѣ и военачальникахъ; потомъ разказываетъ, что Крымскій ханъ, прославъ Грозному ножъ, совѣтовалъ зарѣзать себя послѣ такой потери и въ такомъ отчаяніи. Все это буквально повторяетъ Карамзинъ; слова же Флетчера, какъ сказано выше, имѣютъ цѣну относительную.

Карамзинъ вслѣдъ за Курбскимъ много говоритъ объ униженіи Грознаго. Мы привели выше слова Курбскаго (см. гл. I) о бѣгствѣ Грознаго отъ татаръ: „въ бѣгство плещъ царскихъ, прежде храбрыхъ бывшихъ, обращеніи, яко нѣцыи намъ повѣдаютъ“. Конечно, эти же нѣцыи, то-есть, бояре, повѣдали и Флетчеру о присылкѣ ножа Іоанну. Въ самомъ же дѣлѣ было такъ: ханъ началъ переговоры, требуя возстановленія независимости Казани и Астрахани; Іоаннъ всячески тянулъ переговоры, опасаясь повторенія въ томъ же году крымскаго вторженія, и дѣйствительно, ханъ не въ этомъ только, а въ слѣдующемъ году, замѣтивъ, что его провели, сдѣлалъ вторженіе, но встрѣча была уже готова, и онъ былъ разбитъ въ 1572 году на берегахъ рѣки Лопасни, въ 50 верстахъ отъ Москвы.

Вторженіе Крымскаго хана и сожженіе Москвы въ 1571 году повело, какъ выражается Карамзинъ, къ шестой эпохѣ казней, и потому, не входя въ мелочныя подробности, мы постараемся на нѣкоторыхъ извѣстіяхъ объ этихъ казняхъ показать, какъ однѣ изъ нихъ вымышлены, другія же преувеличены, и ни разу настоящей причины той или другой казни не указано.

Въ числѣ жертвъ первыхъ казней упоминается князь Димитрій Оболенскій-Овчина. Карамзинъ, на основаніи свидѣтельства Гваньини, повѣствуетъ, что этотъ князь казненъ по жалобѣ молодаго Басманова, которому онъ, будто бы, сказалъ: „Мы служимъ государю дѣлами полезными, а ты — гнусными дѣлами содомскими“. Князь Курбскій ничего не говоритъ о ссорѣ Овчины съ Басмановымъ, о чемъ онъ, съ охотою выставляющій всякій развратъ Московскихъ князей, не упустилъ бы случая сказать. Карамзинъ напрасно въ дан-

номъ случаѣ пренебрегъ извѣстіемъ Одерборна, который сообщаетъ, что Овчина казненъ за противорѣчіе Іоаннову намѣренію ввести въ Россію нѣмецкіе обычаи. Въ такомъ же пристрастіи къ нѣмцамъ и въ желаніи ввести нѣмецкіе обычаи обвиняли и Бориса Годунова, бывшаго всегда любимцемъ Грознаго. Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи замѣчаніе Одерборна о самомъ Іоаннѣ: есть свидѣтельство, будто Іоаннъ говаривалъ, что ученіе Лютера ближе къ правдѣ, чѣмъ ученіе католиковъ. Самъ Одерборнъ, или его нѣмецкій переводчикъ, нашелъ это извѣстіе въ Elucidario Сакрануса. Та же причина вызвала, вѣроятно, и казнь Рѣпнина, если только казнь его не выдумка. Извѣстно, съ какимъ суевѣрнымъ ужасомъ долго смотрѣли у насъ на маски въ среднемъ и высшемъ классѣ общества, откуда и произошелъ обычай, еще недавно державшійся, рядившимся на святкахъ купаться въ іорданской проруби. При Іоаннѣ же вошелъ обычай маскироваться. Князь Рѣпнинъ отказался надѣть маску, опасаясь совершить грѣхъ, и вотъ тутъ онъ, вѣроятно, и нагрубилъ Іоанну также за то, что царь вводилъ нѣмецкіе обычаи, если только все это не басня. Къ тому же времени, къ 1561 году, относятъ и казни Никиты Шереметева, князя Кашина и пр.; но большая часть этихъ казней подлежитъ еще крайнему сомнѣнію.

Въ послужномъ спискѣ старыхъ бояръ (Сказанія кн. Курбскаго, примѣч. 123) сказано, что въ 7073, то-есть, 1565 г. по Р. Х., умерли бояре князь Димитрій Ивановичъ Оболенскій-Овчина, князь Юрій Ивановичъ Кашинъ, Никита Васильевичъ Шереметевъ, князь Михайло Петровичъ Рѣпнинъ, князь Василій Михайловичъ Глинскій. Офиціальный актъ въ подобномъ показаніи важнѣе, чѣмъ слова людей, писавшихъ вдали отъ событій и по слухамъ. Если эти люди умерли въ 1565 году, то не могли они быть казнены въ 1561 году. На какомъ же основаніи это офиціальное извѣстіе оставлено историками безъ вниманія? Только на томъ, что имена Кашина, Шереметева, Рѣпнина записаны въ синодикѣ, слѣдовательно, по умозаключенію Устрялова, убиты (см. то же примѣч. 123 къ Курбскому). Синодикъ или поминанье по опальнымъ прислано Грознымъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь за годъ до его кончины. Но что же въ заглавіи этого синодика сказано? „Царь и государь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи прислалъ в Кириловъ монастырь сіе поминаніе и велѣлъ поминати на литіяхъ и на литоргіяхъ, и на панихидахъ“. Въ другомъ экземплярѣ сказано: „Помяни Господи души усопшихъ рабъ своихъ и рабынь, прежде почившихъ отъ Адама и

до сего дня". Объ убіенныхъ нѣтъ ни слова, и все довѣріе къ синодикамъ основано на слѣдующемъ умозаключеніи: какъ въ первомъ, такъ и во второмъ экземплярѣ, означены лица, которыя по другимъ достовѣрнымъ (?) свидѣтельствамъ погибли въ несчастное время Грознаго. Кто же далъ право заключить, что если тутъ и есть убитые, то и всѣ поминаемые убиты? Въ большой вкладной книгѣ Кириллова монастыря сказано только „царь, государь и великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ по опальныхъ людяхъ девятьсотъ рублей. Имена ихъ въ синодикѣ писаны". И опять ни слова о томъ, что всѣ писанные суть убитые. Устряловъ въ предисловіи къ синодикамъ говоритъ, что поясненія между строками (то-есть, кто убитъ), писаны, по всей вѣроятности, по приказанію самого Іоанна, но ни слова не говоритъ, что̀ это за вѣроятность, на чемъ она основана. Неужели Грозный былъ такъ ограниченъ, что считалъ нужнымъ сообщить Богу, кто убитъ, кто умеръ своею смертью. Мы знаемъ, напротивъ, что взглядъ Грознаго на религію былъ ясный и свѣтлый, что̀ видно изъ его мнѣнія о томъ, какова должна быть дѣятельность монаховъ. Вотъ его слова: „Туне есть черницевъ ангеломъ подобными именовати: нѣсть бо имъ сравненія, ни подобія никоего же; а подобитися апостоломъ, ихъ же Господь посла учити и крестити... И се долгъ вашъ учити; учити же младенцы не только читати и писати, но читаемое право разумѣти... О Боже, коль бы счастлива Руская земля была, коли бы вси владыки таци были, яко преосвященный Макарій и ты, и Діонисій, и толико о семъ пеклися, а не о богатствѣ, покоѣ, веселіи и лакомствѣ (не говорю иное).... Мнозіи бо болѣе церковь разоряютъ на свои роды и роскоши, а нищихъ не питаютъ.. Не вопроситъ Господь на судищи Своемъ, какъ долго молистеся, како много постистеся, како чиновнѣ въ храмѣ соспѣваете, аще и вся сія добра: а спроситъ, колико бѣднымъ милости явисте и колико научисте" (Карамз., т. IX, прим. 815). Или, можетъ быть, Грозный эти междустрочныя надписи въ синодикѣ велѣлъ сдѣлать для свѣдѣнія монаховъ и даже потомства? Отчего же онъ не велѣлъ написать или даже переписать, какъ пишутъ обыкновенно: помяни Господи такихъ-то вѣчно почившихъ, такихъ-то убіенныхъ? Зачѣмъ было ему приказывать дѣлать междустрочныя надписи, безъ сомнѣнія, затруднявшія чтеніе? Намъ кажется, что этимъ синодикамъ и особенно ихъ надстрочнымъ надписямъ оказано излишнее довѣріе.

Предубѣжденія Карамзина и Устрялова относительно Грознаго

изумительны, равно какъ и довѣрчивость ихъ ко всякому извѣстію, гдѣ говорится о казняхъ и невинности боляръ.

До какой степени доходила довѣрчивость Карамзина даже къ такимъ людямъ, какъ Таубе и Крузе, показываетъ лучше всего 3-я глава IX тома, въ которой описывается казнь князя Владиміра Андреевича. Карамзинъ цѣликомъ беретъ свое описаніе изъ письма ихъ, не провѣривъ нисколько показанія этихъ господъ. Таубе и Крузе сочинили объ этой казни такую басню: Владиміръ Андреевичъ съ войскомъ стоялъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1567 году; Іоаннъ рѣшился погубить его и, подъ предлогомъ закупки рыбы, послалъ своего повара въ Нижній. Этотъ заранѣе наученный поваръ, возвратившись, сказалъ, что князь Владиміръ Андреевичъ далъ ему ядъ и 50 рублей денегъ, чтобъ отравить царя. Іоаннъ вызвалъ Владиміра въ Александровскую слободу съ семействомъ, приказавъ остановиться на послѣдней станціи. Получивъ извѣстіе, что Владиміръ Андреевичъ въ назначенное мѣсто прибылъ. Іоаннъ является туда самъ, и тутъ слѣдуетъ мелодраматическая сцена отравленія Владиміра Андреевича, его жены, сыновей и дочерей. Еще при жизни Карамзина, въ 1821 г., въ Вѣстникѣ Европы Каченовскаго одинъ изъ знатоковъ русской исторіи, Арцыбашевъ, разобралъ это дѣло довольно обстоятельно въ статьѣ, озаглавленной: „Явная выдумка“. Вслѣдствіе ли непріятнаго заглавія, или по какимъ другимъ соображеніямъ, на эту статью не возражали. Вообще Арцыбашеву не везло. Простаго казанскаго, Цивильскаго уѣзда, помѣщика официальные ученые того времени третировали свысока, и только уже С. М. Соловьевъ оцѣнилъ его „Повѣствованіе о Россіи“ и въ первые годы своего профессорства не уходилъ, по свидѣтельству его слушателей, на лекцію, не просмотрѣвъ „Повѣствованія“, этого умнаго и дѣльнаго лѣтописнаго свода. Потомъ Арцыбашеву отдалъ дань справедливости К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ вышеупомянутой статьѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“. Во время же Карамзина только Каченовскій давалъ пріютъ статьямъ Арцыбашева въ Вѣстникѣ Европы. Тогда только нѣкто Руссовъ написалъ на статьи Арцыбашева отвѣтъ, состоящій болѣе изъ упрековъ въ неуваженіи къ Карамзину, чѣмъ изъ дѣльныхъ возраженій. Все это свидѣтельствуетъ не въ пользу научныхъ пріемовъ сего Руссова, да и выраженіе „научный пріемъ“ для такихъ возраженій не идетъ. Арцыбашевъ сдѣлалъ справку, непріятную для Карамзина. По этой справкѣ оказалось, что старшая дочь Владиміра Андреевича, Евѳимія, была помолвлена за Магнуса, но умерла въ 1570 году, то-есть, черезъ три

года послѣ ея мнимаго отравленія, а въ 1573 году ея сестра, Марія, вышла замужъ за жениха умершей сестры; сынъ же Владиміра Андреевича, князь Василій Владиміровичъ, былъ на свадьбѣ сестры своей въ 1573 году, слѣдовательно, черезъ шесть лѣтъ послѣ мнимой казни его сестеръ и его самого, послѣ казни, сочиненной Таубе и Крузе. Устряловъ, въ примѣчаніи 140 къ Сказаніямъ Курбскаго, принимаетъ все показаніе Таубе и Крузе, за исключеніемъ отравленія двухъ дочерей, при чемъ ни слова не говоритъ о сынѣ Василіѣ и не упоминаетъ даже имени Арцыбашева, какъ будто статьи „Явная выдумка“ не существовало. Что касается смерти самого князя Владиміра Андреевича, то казнь его есть несомнѣнный историческій фактъ, ибо Грозный называетъ его ничтожнымъ, неблагодарнымъ человѣкомъ, котораго онъ вытащилъ изъ темницы; но какъ онъ былъ казненъ—не извѣстно. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ извѣстіи о казни его матери, которую Грозный ненавидѣлъ за ея происки въ дѣлѣ присяги царевичу Дмитрію въ 1553 году. Грозный считалъ ее центромъ всѣхъ интригъ. Ничтожный же сынъ ея важенъ былъ не самъ по себѣ; онъ служилъ только опаснымъ орудіемъ въ рукахъ бояръ. Такъ на него смотрѣлъ Іоаннъ и едва ли ошибался.

Намъ нельзя идти далѣе, не сказавъ ни слова о перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ.

Историкъ, приступая къ изслѣдованію какого-либо факта, долженъ быть далекъ отъ предвзятой мысли; онъ не долженъ, онъ не можетъ знать, если онъ объективенъ, къ какому результату поведетъ его изслѣдованіе, какъ слѣдователь не можетъ и не долженъ знать свой выводъ изъ дѣла, не разсмотрѣвъ этого дѣла со всѣхъ сторонъ. Двѣ опасности предстоятъ для изслѣдователя всякаго историческаго факта: первая и самая большая—это взглядъ на дѣла давно минувшія съ точки зрѣнія настоящаго времени, вторая заключается въ томъ, чтобъ историкъ-изслѣдователь не увлекся въ пользу или во вредъ одной какой-либо стороны. Историкъ-изслѣдователь долженъ быть равно далекъ, какъ отъ роли прокурора, такъ и отъ роли адвоката. Предупреждая опасность впасть въ первое заблужденіе, мы не должны судить бояръ съ точки зрѣнія нынѣшнихъ понятій, тогда не существовавшихъ. Это повело бы къ величайшей исторической неправдѣ. Будемъ говорить прямо и съ возможною точностію.

Мы видѣли, что князья-бояре не разъ наводили Крымскаго хана на Москву. Откуда же такой злодѣйскій пріемъ? Личная ли это безнравственность наводившихъ, или что̀ другое? Именно, нѣчто дру-

гое, и нѣчто весьма важное. Стоитъ только вдуматься въ исторію такъ-называемаго удѣльнаго періода, въ дѣйствія князей Рюриковичей. Развѣ Ольговичи не призывали половцевъ на Русь въ своей борьбѣ съ Мономаховичами? Развѣ братья и сыновья Александра Невскаго не замѣнили половцевъ татарами? Развѣ въ своихъ распряхъ они не призывали татаръ на помощь и не опустошали съ ними Русской земли? Князья въ междоусобныхъ спорахъ привыкли свое личное я ставить выше всего, и тщетно князья, подобные Мономаху, напоминали имъ объ общемъ интересѣ Русской земли.

Такой-то взглядъ и такія-то привычки потомки удѣльныхъ князей принесли съ юга въ Москву, все еще смотря на великаго князя, какъ на старшаго въ родѣ. На югѣ же гетманъ Дорошенко въ XVII вѣкѣ вспомнилъ обычай князей призывать бусурманъ на помощь. Онъ писалъ Самойловичу въ отвѣтъ на упрекъ за союзъ съ турками, что вѣдь и давніе князья Россійскіе противъ своихъ недруговъ призывали бусурманскія силы (Костомаровъ, Руина, въ XV томѣ Монографій, стр. 492). Іоаннъ III и Василій III даютъ понять, что времена перемѣнились. Іоаннъ Грозный, принимая титулъ царя, даетъ знать, что онъ уже выше, чѣмъ старшій въ родѣ. Отсюда ожесточенность борьбы съ обѣихъ сторонъ и стародавніе пріемы князей въ этой борьбѣ.

Князья, какъ увидимъ ниже изъ переписки Курбскаго, не переставали смотрѣть на себя, какъ на единый родъ, а на великаго князя—какъ на старшаго въ родѣ. Но такъ какъ потомки удѣльныхъ князей стали въ ряды московской дружины, то къ своимъ родовымъ и княжескимъ понятіямъ они присоединили и понятія дружинныя. Дружинникъ, человѣкъ, по добровольному договору вступавшій на службу князя, считалъ право свободнаго перехода со службы одного князя къ другому неотъемлемымъ своимъ достояніемъ. Понятіе о свободной службѣ было нераздѣльно съ представленіемъ о дружинникѣ. По мѣрѣ возвышенія Москвы, это право сначала не практиковалось или мало практиковалось, вслѣдствіе того, что у Московскаго князя выгоднѣе было служить, чѣмъ у другихъ князей. Но когда дружинники замѣтили, что забвеніе этого права изъ вольнаго господствующаго класса превращало ихъ въ классъ зависимый, явился протестъ, и началась борьба, усложнившаяся съ свою очередь вступленіемъ потомства удѣльныхъ князей въ ряды дружины.

Великіе князья съ Іоанна III то и дѣло берутъ записи съ князей и бояръ о неотъѣздѣ къ такому-то и такому-то князю. Обы-

чаемъ однако установилось, что дружинникъ могъ отъѣзжать отъ русскаго князя только къ русскому же; но наконецъ въ восточной Руси остался только одинъ князь—Московскій. Куда же было отъѣзжать? Былъ еще великій князь Литовскій, который—говоритъ Соловьевъ—не безъ основанія носилъ названіе Русскаго; ибо громадное большинство его владѣній населено было русскимъ племенемъ [1]). Но такъ какъ Литовскіе князья приняли потомъ католицизмъ, а литовское племя было чуждое, то великіе князья Московскіе выставляли отъѣзды въ Литву, какъ измѣну православію и Русской землѣ. Потомки же удѣльныхъ князей и сильныхъ дружинниковъ считали такой взглядъ Московскихъ князей на отъѣзды насиліемъ, ибо свои понятія о правѣ отъѣзда потомки удѣльныхъ князей и бояръ усвоивали съ молокомъ матери; поэтому и Курбскій съ товарищами отъѣздъ свой не считалъ преступленіемъ. Съ молокомъ матери усвоивали они и презрительный взглядъ на народъ, и въ такомъ взглядѣ сходились и потомки удѣльныхъ князей, и потомки вольныхъ дружинниковъ съ искони вѣковъ. Мстиславъ Владиміровичъ послѣ побѣды надъ братомъ своимъ при Лиственѣ, въ 1024 году, говоритъ, обозрѣвая поле битвы: „Кто сему не радъ? се лежитъ сѣверянинъ, а се Варягъ, а своя дружина цѣла“. Что ему за дѣло было, что много сѣверянъ убито, когда „своя дружина цѣла“? На этомъ презрѣніи къ народу потомство удѣльныхъ князей и бояръ столкнулось съ Грознымъ и поймано было имъ въ такую сѣть, изъ которой оно выбиться не могло, и чѣмъ болѣе выбивалось, тѣмъ болѣе запутывалось.

Князь Андрей Курбскій, другъ Сильвестра, одинъ изъ выдающихся людей боярской партіи, враждебный Іоанну и дому Калиты, опасаясь опалы, въ 1564 году бѣжалъ въ Литву и оттуда послалъ

---

[1]) Н. А. Полевой, по словамъ покойнаго Костомарова, заглавіемъ своего труда—„Исторія русскаго народа“—навелъ Устрялова на счастливую мысль: что исторія Литовско-Русскаго княжества, по населенію своему, должна всецѣло войдти въ общую исторію русскаго народа. Литва, въ собственномъ смыслѣ, занимала въ Литовско-Русскомъ княжествѣ, въ предѣлы котораго входили нынѣшнія губерніи: Ковенская, Виленская, Витебская, Гродненская, Могилевская, Минская, Кіевская, Волынская, только полторы губерніи, именно Ковенскую всю и половину Виленской; остальныя же населены были русскимъ племенемъ, которое населяло и Подолію съ Галиціей, причислявшихся къ коронѣ польской. До соединенія съ Польшею князья Литовскіе, посредствомъ браковъ съ русскими княжнами, въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ вполнѣ обрусѣли... Потомъ съ Ягелло начали ополячиваться.

къ Іоанну письмо, которое повело къ любопытной перепискѣ. Хотя эту переписку и не разъ разбирали историки, но въ ней или не замѣчены, или не выставлены ясно вины бояръ. Въ первомъ своемъ посланіи князь Курбскій осыпаетъ упреками Іоанна за избіеніе „сильныхъ во Израилю“, исчисляетъ свои и своихъ друзей подвиги„—прегордыхъ царствъ“ разореніе, „претвердыхъ германскихъ градовъ покореніе“. Новыхъ совѣтниковъ Іоанна онъ называетъ губителями его души, которые подвигаютъ его на афродитскія дѣла, и заканчиваетъ письмо упрекомъ одному совѣтнику Грознаго, отъ блуда зачатаго значитъ, зачатаго до выхода его матери замужъ за его отца, по закону, слѣдовательно, все-таки законнорожденнаго. „Въ законѣ Господнѣ... писано“, говоритъ Курбскій,—„Моавитинъ и Аммонитинъ и выблядокъ до десяти родовъ въ церковь Божію да не входитъ“. Этотъ послѣдній упрекъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, до какихъ пошлыхъ и гнусныхъ сплетень доходили враги Грознаго и окружающихъ его людей, и каково было ожесточеніе бояръ, хватавшихся за всякое орудіе борьбы, какое только подъ руку попадало. Іоаннъ въ отвѣтѣ Курбскому рѣзко нападаетъ на господство поповъ, доказывая, что отъ того господства царства падали. Но гораздо важнѣе слѣдующіе пункты отвѣта: 1) Грозный указываетъ на наслѣдственную вражду бояръ къ его предшественникамъ. Онъ говоритъ: „Извыкосте отъ прародителей своихъ измѣну чинити,—яко же дѣдъ твой, князь Михайло Карамышъ, со княземъ Андреемъ Углецкимъ на дѣда нашего, великаго государя Ивана, умышлялъ измѣнные обычаи; такоже и отецъ твой князь Михайло съ великимъ княземъ Дмитріемъ внукомъ на отца нашего, блаженныя памяти великаго государя Василія, многи пагубныя смерти умышляли, тако же и мати твоея дѣдъ Василій и Иванъ Туч: о многая поносная и укоризненная словеса дѣду нашему великому государю Ивану износили“. Мы уже выше указали, какъ Курбскій въ своей Исторіи относился враждебно къ роду Московскихъ князей; Іоаннъ, слѣдовательно, и самъ хорошо зналъ исторію этой вражды. 2) На похвальбу Курбскаго военными подвигами его и другихъ бояръ Іоаннъ даетъ отвѣтъ, который все время, отъ 1547 года до разрыва съ Сильвестромъ, рисуетъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ оно живописуется у Карамзина. Іоаннъ замѣчаетъ, что такіе храбрые стратеги въ его малолѣтство, въ продолженіе 13-ти лѣтъ, не могли защитить христіанъ отъ Крыма и Казани. „И егда“, продолжаетъ Грозный,—„начало воспріяхомъ, егда первое посылахомъ на Казанскую землю вое-

воду своего, князя Семена Ивановича Микулинскаго съ товарищи, како вы глаголали? Се, яко мы въ опалѣ своей ихъ послали, казнить ихъ хотя, а не своего для дѣла! Ино, се ли храбрость, еже служба ставити во опалу? И тако ли покоряти прегордыя царства?... Сколько хожденія не бывало въ Казанскую землю, когда не съ понужденіемъ, съ хотѣніемъ ходисте?... И тако ли прегордыя царства разоряете, еже народъ безумными глаголами наущати и отъ брани отвращати?“

Историки наши не замѣтили, что на эти категорическіе упреки князь Курбскій не далъ прямаго же категорическаго отвѣта. Не далъ онъ отвѣта и на слѣдующій упрекъ: „И повсегда не хотѣсте во многопребываніи надобна (то-есть, нужнаго, удобнаго) времени ждати, ниже главъ своихъ щадяще, ниже бранныя побѣды смотряюще, точію (и только) или побѣдивъ, наискорѣйши побѣжденнымъ бывшимъ, скорѣйши во своя возвратитися. Та же и войны многоподобныя, возвращенія ради скораго, остависте, еже послѣди отъ сего много пролитія крови христіанскія бысть“. Къ этимъ жестокимъ и безпощаднымъ упрекамъ Грозный прибавляетъ вопросы: „Како... егда запасы истопиша (подъ Казанью въ 1552 году, бурею), како три дня стоявъ, хотѣсте во своя возвратитися!... Како, еже убо и въ самое взятіе города, аще бы не удержахъ васъ, како напрасно хотѣсте погубити православное воинство, не въ подобно время брань начати?... Понеже“, заключаетъ Грозный, — „вся, яко раби, съ понужденіемъ сотворили есте, а не хотѣніемъ, а паче съ роптаніемъ“. Еще рѣзче выражается Іоаннъ о похвальбѣ Курбскаго сокрушеніемъ твердынь германскихъ, съ негодованіемъ говоритъ: все ложь! Напоминаетъ, какъ Сильвестръ и друзья его огорчали его по поводу этой войны, припоминаетъ, какъ онъ семь разъ напоминалъ князю Петру Ивановичу Шуйскому о выступленіи въ походъ и проч., и ни на одинъ изъ этихъ тяжкихъ упрековъ Курбскій не отвѣчалъ.

Въ то же время, когда бояринъ, князь Курбскій, писалъ къ царю, дѣти боярскіе, Тимоѳей Тетеринъ, да Марко Саразинъ, прислали къ Дерптскому воеводѣ Морозову протестъ въ видѣ письма. Они выговариваютъ Морозову, что онъ ихъ назвалъ измѣнниками, смѣются надъ его намѣстничествомъ въ Дерптѣ, за которое онъ ничего не получаетъ отъ государя, и говорятъ: „Есть у великаго князя новые вѣрники—дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ емлютъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами вашими

торгуютъ“ (прим. 220-е къ Сказ. Курбскаго). Слова Тетерина—драгоцѣнное свидѣтельство о сильномъ возвышеніи дьяковъ въ эту пору, которое боярамъ, разумѣется, было еще болѣе не по сердцу, чѣмъ дѣтямъ боярскимъ. Такимъ образомъ слухами, протестами въ видѣ писемъ со всѣхъ сторонъ волновалось русское общество того времени.

Что же отвѣчалъ Курбскій на это широковѣщательное, какъ онъ назвалъ, письмо? Ни единаго слова не сказалъ онъ на категорическія, прямо поставленныя обвиненія Іоанна и только тоскливо восклицаетъ: „Да будетъ о семъ Богъ тебѣ судьею! И еще грызти кусательнѣ за очи неповиннаго мя мужа, отъ юности, нѣкогда бывшаго слугу твоего! И уже не разумѣю, чего уже у насъ хощеши? Уже не токмо единоплемянныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра, различными смертьми поморилъ еси, и движимыя стяжанія, и недвижимыя, чего еще былъ дѣдъ твой и отецъ не разграбилъ, но и послѣднихъ срачицъ, могу рещи со дерзновеніемъ по евангельскому словеси, твоему прегордому и царскому величеству не возбранихомъ“. Итакъ, Курбскій, кромѣ вѣчнаго припѣва о княжатахъ, влекомыхъ отъ племени великаго Владиміра, ничего дѣльнаго не сказалъ и не отвѣтилъ даже по поводу своего предка, святаго князя Ѳедора Ростиславича, котораго онъ выставлялъ въ первомъ письмѣ. Іоаннъ писалъ ему, что святой, хотя и предокъ Курбскаго былъ, но какъ святой, лучше видѣлъ, что онъ Іоаннъ правъ. По поводу этого святаго предка Курбскаго Іоаннъ напомнилъ ему слова Писанія: „Не вси бо, изшедшіе изъ Авраама, сѣмя Авраамле причитаются; но живущіе въ вѣрѣ Авраамовѣ: сіи суть сѣмя Авраамле“. Многознаменательныя въ устахъ Грознаго слова, обращенныя къ человѣку, который то и дѣло напоминалъ о своихъ предкахъ.

Второе посланіе Іоанна къ князю Курбскому и короче, и менѣе содержательно. Въ этомъ письмѣ на упреки въ Кроновыхъ жертвахъ Іоаннъ говоритъ: „А и съ женою меня вы по что разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моея: ино бы Кроновы жертвы не было“. Потомъ спрашиваетъ: „Князя Володиміра на царство для чего есте хотѣли посадити?... Отъ четвертаго удѣльнаго родился. Что его достоинство къ государству? Которое его поколѣнье? Развѣе вашея измѣны къ нему, да его дурости? Что вина моя передъ нимъ? Что ваши жъ дяди и господа отца его уморили въ тюрмѣ, а его и съ матерью также держали въ тюрмѣ. И я его и матерь отъ того свободи и держалъ въ чести и въ дружествѣ; а онъ было отъ того и отшелъ. И язъ такія досады стерпѣти не могъ: за себя есми сталъ“. Отвѣтъ Курбскаго на

второе послaніе Іоанна также безсодержателенъ, какъ его письма и его первый отвѣтъ. То же голословное восхваленіе стратеговъ, не названныхъ по имени, да еще несправедливый упрекъ Іоанну, что Москву сожгли крымцы отъ его трусости, о чемъ рѣчь была выше, въ разборѣ Флетчера. И опять напоминаніе о своихъ предкахъ, о святомъ князѣ Смоленскомъ Ѳедорѣ Ростиславичѣ. „Тое племницы княжата“, говоритъ Курбскій,—„не обыкли тѣла своего ясти и крове братіи своея пити, яко есть нѣкоторымъ издавно обычай, яко первѣе дерзнулъ Юрій Московскій въ Ордѣ на святаго великаго князя Михайла Тверскаго, а потомъ и прочіе, сущіе аще во свѣжей еще памяти и предъ очима, что Углицкимъ (князьямъ) учинено и Ярославичемъ и прочимъ единыя крови“. А черезъ нѣсколько строкъ весь родъ Данилы Московскаго называется „издавна кровопивственнымъ родомъ“.

Это мѣсто изъ отвѣта Курбскаго, не замѣчательное и слабое, какъ отраженіе ударовъ Грознаго, въ высокой степени важно для пониманія событій московскаго отдѣла русской исторіи, особенно съ Ивана III по конецъ Смутнаго времени. Мы останавливаемъ вниманіе читателя на той энергіи, съ которою князь Курбскій во второй половинѣ XVI вѣка вспоминаетъ событія изъ княжескихъ отношеній начала XIV вѣка [1]). Къ этому мѣсту мы еще возвратимся, когда придется говорить о вступленіи Шуйскаго на русскій престолъ.

Конецъ 1564 года, въ который бѣжалъ князь Курбскій,—весьма замѣчательное время въ исторіи русскаго народа и русскаго самодержавія, имъ созданнаго. Грозный готовился сдѣлать рѣшительный шагъ. „Онъ“, говоритъ Соловьевъ,—„сталъ готовиться къ борьбѣ;

---

[1]) Князь Курбскій написалъ еще одно посланіе къ Іоанну изъ Полоцка, взятаго тогда поляками. Въ этомъ посланіи есть одно мѣсто, на которое мы хотимъ указать людямъ, занимающимся бытовою исторіей. Вотъ оно: „Вмѣсто богодухновенныхъ книгъ и молитвъ священныхъ, ими же душа твоя безсмертная наслаждалася, и слухи твои царскіе освящалися, скомороховъ съ различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣсньми, ко осквернeнію и затворенію слуха входу ко ѳеологіи“. Здѣсь Курбскій прямо говоритъ, что богоненавистныя бѣсовскія пѣсни скомороховъ препятствовали ко входу въ ѳеологію, то-есть, отвлекали отъ нея. Должно замѣтить, что въ эпоху Грознаго скоморохи наводили ужасъ и на церковныя, и на гражданскія власти: на первыхъ потому, что ихъ циническія пѣсни и такія же насмѣшки надъ церковью и надъ служителями ея смущали благочестивыхъ людей и, можетъ быть, многихъ отвращали отъ церкви; на вторыхъ—потому, что они бродили часто цѣлыми артелями и нападали даже на города. Кто въ масляничныхъ дѣдахъ со льняными бородами можетъ узнать преемниковъ страшныхъ скомороховъ?

прежде всего ему нужно было испытать силы противниковъ, найдутъ ли защиту въ народѣ, или народъ предастъ ихъ“ (И. Р. съ древн. вр., т. VI, стр. 193). 3-го декабря 1564 года, Грозный удалился въ Александровскую слободу и оттуда, 3-го января 1565 года, прислалъ въ Москву двѣ грамоты: первая грамота была грозна, сурова и гнѣвна, Іоаннъ громилъ въ ней бояръ, дѣтей боярскихъ, даже дьяковъ за расхищеніе земель, за угнетеніе народа и духовенство за потворство. „И царь, и государь и великій князь отъ великія жалости сердца, не хотя ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти, оставилъ свое государство и поѣхалъ, гдѣ вселитись, идѣ же его, государя Богъ наставитъ“. Другая грамота исполнена была милости и привѣта къ гостямъ, купцамъ и ко всѣмъ обывателямъ города Москвы; въ этой грамотѣ царь увѣрялъ, что опала ихъ не касается. Ударъ для бояръ и служилыхъ людей былъ неожиданъ и ужасенъ по впечатлѣнію, которое произвели на Москву грамоты царя. Впечатлѣніе же было такъ сильно, что была минута когда, казалось, вся Москва замерла: суды, приказы, лавки, караульни опустѣли. Что̀ могли сказать народу бояре, когда дьяки Путило Михайловъ и Андрей Васильевъ на площадяхъ, среди народныхъ массъ, громогласно читали грамоты Іоанна, въ которыхъ исчислялись ихъ дѣянія, какъ они расхищали государственную собственность, раздавая ее своимъ друзьямъ и роднымъ, а о государствѣ и о народѣ не радѣли, отъ недруговъ его не обороняли, а напротивъ сами притѣсняли? Въ этотъ страшный, судный день для боярства не могли же бояре на всѣ обличенія отвѣчать народу повѣствованіемъ о славѣ предковъ. Курбскій, между прочимъ, писалъ царю: „Пусть я и худой человѣкъ, да отъ благородныхъ родителей рожденъ“. Съ подобнымъ отвѣтомъ нельзя было 3-го января 1565 года обратиться къ народу, который, очнувшись отъ изумленія, заявилъ царю, чтобы государь государства не оставлялъ и ихъ волкамъ на расхищеніе не давалъ, да избавилъ бы ихъ отъ руки сильныхъ людей, а за государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ они не стоятъ, и только пусть государь ихъ укажетъ, сами ихъ истребятъ.

Боярамъ, дѣтямъ боярскимъ ничего болѣе и не оставалось, какъ вмѣстѣ съ митрополитомъ просить царя о возвращеніи и предать себя въ полную его волю. Этотъ день подтвердилъ всѣ обвиненія противъ бояръ объ ихъ хищеніяхъ и о пренебреженіи защитою государства; какъ представитель ихъ, Курбскій, не могъ слова отвѣтить Іоанну на его категорическія обвиненія въ этомъ пунктѣ, такъ

безмолвны остались и уста его друзей въ день 3-го января 1565 г. Развѣ народъ не видѣлъ ихъ хищеній? Развѣ ратники не замѣчали, какъ воеводы спѣшили наскоро кончать дѣла, лишь бы отбыть данную работу? Іоаннъ, какъ извѣстно, согласился снова принять бразды правленія на жестокихъ условіяхъ. Карамзинъ по этому поводу говоритъ слѣдующее: „Условія состояли въ томъ, чтобы Іоанну невозбранно казнить измѣнниковъ опалою, смертію, лишеніемъ достоянія безъ всякаго стуженія, безъ всякихъ претительныхъ докукъ со стороны духовенства. Въ сихъ десяти словахъ Іоаннъ изрекъ гибель многимъ боярамъ, которые передъ нимъ стояли". Это правда; но далѣе у Карамзина идутъ бездоказательныя, сентиментальныя рѣчи о томъ, что никто изъ бояръ не думалъ о своей жизни, а только и думали, какъ бы возвратить царству царя. Что̀ думали бояре, о томъ никто не знаетъ, но что̀ они дѣлали даже черезъ шесть лѣтъ послѣ этого событія, мы видѣли выше (см. разборъ Флетчера и нашествіе хана въ 1571 г.).

Судя по ходу дѣлъ и по жестоко-энергическому характеру Іоанна, едва ли онъ радъ былъ такому внезапному смиренію. Какъ бы то ни было, оно спасло бояръ отъ кровавой бани, въ родѣ стокгольмской при Христіанѣ III, въ которой большинство боярства могло погибнуть разомъ. Бояре, конечно, хорошо понимали, какъ понималъ и самъ Іоаннъ, что возвращеніе послѣдовало бы и безъ боярской просьбы, и что въ такомъ случаѣ боярство было бы, согласно волѣ Іоанна, раздавлено руками народа, ибо народъ безусловно вѣрилъ въ него и не могъ не вѣрить, во очію столько разъ видѣвъ своекорыстіе и хищничество бояръ, какъ замѣчено выше. Столкновеніе и борьба князей Рюриковичей и Гедиминовичей съ старо-московскимъ дружиннымъ боярствомъ имѣли вредное вліяніе на тотъ и другой слой боярства. Родовитое старо-московское боярство, занятое съ Василія Темнаго одною мыслію — не дать себя заѣхать окончательно массѣ князей, утратившихъ удѣлы и все болѣе и болѣе усиливавшихся въ Москвѣ, какъ бы потеряло нить своихъ политическихъ преданій. Потомство же удѣльныхъ князей больше всего думало, какъ бы покойнѣе устроиться на новомъ мѣстѣ, занять первые ряды среди боярства. Вслѣдствіе того въ тотъ и другой слой все болѣе и болѣе проникали узкіе фамильные разчеты. При такихъ отношеніяхъ сложился тотъ опасный для государства строй, по которому царь долженъ былъ сына князя Андрея Шуйскаго, этого свирѣпаго олигарха, предпочесть болѣе талантливымъ и вѣрнымъ слугамъ Русской земли.

Гдѣ былъ выходъ изъ такого тяжелаго положенія? Іоаннъ нашелъ этотъ выходъ въ опричинѣ.

Карамзинъ во второй главѣ IX тома своей Исторіи начинаетъ повѣствованіе объ учрежденіи опричины такъ: „Исчисливъ снова вины бояръ и подтвердивъ согласіе остаться царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ о должности вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе державы, брать всѣ нужныя для того мѣры, говорилъ о кратковременности жизни, о необходимости видѣть далѣе гроба и предложилъ установленіе опричины: имя дотолѣ неизвѣстное!“ Въ увлеченіи своего поучительнаго краснорѣчія Карамзинъ забылъ, что это неслыханное имя не разъ уже встрѣчалось на страницахъ его Исторіи въ томахъ V и VI, какъ увидимъ далѣе. Но даже подъ перомъ Карамзина въ только что приведенныхъ здѣсь словахъ его видно, что Іоаннъ на сто лѣтъ стоялъ цѣлою головою выше бояръ: въ то время, когда боярство все болѣе и болѣе проникалось узкими фамильными интересами, не думая объ интересахъ земли Русской, Іоаннъ напомнилъ ему о необходимости видѣть далѣе гроба, то-есть, напомнилъ, что съ нами не все кончается, что за нами слѣдуютъ новыя поколѣнія, о которыхъ нужно подумать. Первый человѣкъ, который пытался серьезно отнестись къ вопросу объ опричинѣ, былъ К. Д. Кавелинъ. Въ своей статьѣ „Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси“ онъ говоритъ слѣдующее: „Это учрежденіе, оклеветанное современниками и не понятое потомствомъ, не внушено Іоанну, какъ думаютъ нѣкоторые, желаніемъ отдѣлиться отъ Русской земли, противопоставить себя ей: кто знаетъ любовь Іоанна къ простому народу, угнетенному и раздавленному въ то время вельможами, кому извѣстна заботливость, съ которою онъ старался облегчить его участь, тотъ этого не скажетъ... Опричина“—по мнѣнію Кавелина—„была первою попыткой создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество, на мѣсто рода, кровнаго начала, поставить въ государственномъ управленіи начало личнаго достоинства: мысль, которая подъ другими формами осуществлена была потомъ Петромъ Великимъ. Если эта попытка была безуспѣшна и надѣлала много зла, не принеся никакой пользы, не станемъ винить Іоанна: онъ жилъ въ несчастное время, когда никакая реформа не могла улучшить нашего быта“. Цитуемая статья Кавелина написана имъ въ молодости и не чужда лирическихъ увлеченій, въ чемъ онъ и самъ послѣ сознавался; но тѣмъ не менѣе основная мысль ея справедлива, то-есть, что Грозный хотѣлъ родовое боярство (а не вельможество) замѣнить

служебнымъ дворянствомъ, что̀ сдѣлалъ Петръ Великій посредствомъ табели о рангахъ. Однако у Кавелина не вполнѣ опредѣляется значеніе опричины. Для полнаго уясненія этого учрежденія необходимо обратить вниманіе на вопросъ — что̀ значила опричина до Грознаго? Опричинами назывались отдѣльныя владѣнія, которыя давались великимъ княгинямъ, и которыми онѣ могли располагать по произволу, дарить ихъ въ свою очередь или продавать (Соловьевъ, т. IV, стр. 142). Въ этомъ смыслѣ слово опричина упоминается и у Карамзина: Василій Дмитріевичъ въ завѣщаніи говоритъ: „даю моей княгинѣ два села въ опришнину“. Сіе имя, прибавляетъ Карамзинъ, — сдѣлается ужасно при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. А въ т. IX его Исторіи это имя или слово является у него неслыханнымъ. Слово опришнина употреблялось и въ дипломатическомъ языкѣ. Такъ Ногайскій князь Ивакъ, въ грамотѣ къ Іоанну III, въ 1481 году говоритъ: „отецъ мой стоитъ съ твоимъ юртомъ въ опришнину—и другъ и братъ былъ“ (см. прим. 240 къ VI т. Ист. Гос. Росс.). Здѣсь слово опришнина употреблено въ смыслѣ особенныхъ тѣсныхъ, дружественныхъ отношеній, почти личныхъ. Итакъ, слово опричина существовало и даже имѣло опредѣленное значеніе.

Карамзинъ самъ (пр. 406 къ IX тому) предполагаетъ, что Іоаннъ, уничтоживъ названіе опричины, назвалъ города и волости, входившіе, конечно, въ ея составъ, царскою отчиной. Если выраженіе царская отчина мы сопоставимъ съ значеніемъ слова опричина въ смыслѣ личныхъ владѣній великихъ княгинь, то и смыслъ опричины Грознаго уясняется и дополняется. Ясно становится, что онъ отдѣлилъ имущество царской семьи отъ имущества государственнаго, какъ говорятъ нынѣ, откуда и раздѣленіе на опричину и земщину. Раздѣленіе это, плохо понятое современниками, и принято было за отдѣленіе отъ государства. Отъ опричины имущественной слѣдуетъ отдѣлить дружину опричниковъ, какъ личныхъ тѣлохранителей царя. Намъ нѣтъ нужды защищать дурную репутацію опричниковъ. Репутація эта, конечно, вполнѣ заслуженная, хотя, можетъ быть, нѣсколько и украшена враждой и ненавистію. Опричники, взятые изъ всѣхъ слоевъ общества, пригрѣтые милостью Іоанна, конечно, дозволяли себѣ жестокое и надменное обращеніе со всѣмъ, что̀ принадлежало къ земщинѣ.

Для уясненія дѣла намъ слѣдуетъ разсмотрѣть два вопроса —

зачѣмъ во главѣ земщины поставленъ былъ бывшій татарскій царь и случайно ли Іоаннъ отобралъ тѣ или другіе города въ опричину?

Поставленіе татарина Симеона, бывшаго Касимовскаго царя, сдѣлано было Іоанномъ съ обыкновеннымъ его расчетомъ. Іоаннъ, столь суровый съ боярствомъ, не только не относился враждебно къ мѣстничеству старѣйшихъ бояръ (ограничивъ мѣстничество въ младшихъ чинахъ), но всячески поддерживалъ его. Онъ понималъ, что мѣстническіе споры—весьма сильное препятствіе къ сплоченію высшаго боярства въ единую массу. Гордость такихъ фамилій, какъ Шуйскіе, Курбскіе, не могла, конечно, помириться съ такимъ сплоченіемъ, хотя съ Шуйскими едва ли многіе рѣшались вступать въ мѣстническіе споры. Нечего и говорить, что сплоченіе усилило бы боярство, а усиленіе его было не въ видахъ Грознаго. Поставленіе во главѣ земства кого-либо изъ Шуйскихъ, Мстиславскихъ или иныхъ потомковъ удѣльныхъ князей, было для Іоанна, конечно, не возможно, особенно изъ отважныхъ, неразборчивыхъ на средства, Шуйскихъ. Въ то же время нельзя было во главѣ земства поставить человѣка незначительнаго по родословію: это значило бы на нѣкоторое время сплотить боярство, которое не преминуло бы дойдти до крайняго озлобленія. Бывшій же Касимовскій царь Симеонъ представлялъ собою удобное лицо въ качествѣ главы земскихъ бояръ. Какъ бывшій царь, онъ, по дружиннымъ понятіямъ, заѣхалъ прочихъ бояръ, сталъ выше ихъ, а какъ татаринъ, онъ былъ далекъ отъ родословныхъ счетовъ потомковъ княжескихъ и старо-московскихъ фамилій. Онъ былъ къ этимъ расчетамъ совершенно равнодушенъ, и особенно онъ пригодился Грозному въ дѣлѣ уменьшенія монастырскихъ вотчинъ, какъ увидимъ ниже.

Теперь о городахъ, которые Грозный взялъ въ опричину. Въ челобитьѣ Грозному со стороны архіепископовъ и епископовъ, сказано: „а учинити у себя государю въ опришнинѣ князей и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ 1000, и помѣстья имъ подавалъ въ тѣхъ городѣхъ съ одново, которые городы поималъ въ опришнину. А вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опришнинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести“ (Карамзинъ, т. IX, пр. 137). Въ числѣ городовъ, взятыхъ въ опричину, находятся Суздаль съ Шуею, Балахна. Этими городами владѣли предки Шуйскихъ, и переводъ новыхъ помѣщиковъ въ ихъ волости, вмѣсто старыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, наносилъ

тяжкій ударъ Шуйскимъ, ибо въ старыхъ вотчинникахъ и помѣщикахъ Шуйскіе имѣли большую опору. Потомъ взятъ Галичъ со всѣми пригороды, съ Чухломою, съ Унжею, и съ Коряковымъ, и съ Бѣлгородьемъ. Лѣсной Галицкій край, сравнительно недавно удѣльное княжество, боролся при прадѣдѣ Грознаго съ Москвою; мѣстные вотчинники, потерявшіе значеніе съ присоединеніемъ къ Москвѣ, не могли еще забыть старины, сравнительно недавней, когда потомки удѣльныхъ князей и среди двора не забывали еще отдаленнѣйшей старины. Изъ городовъ, принадлежавшихъ Великому Новгороду, въ опричину взяты г. Устюгъ со всѣми волостями, Двина, Каргополье, Вага, Порогъ Ладожскій, Тотьма и другіе. Изъ нихъ, само собою разумѣется, старые помѣщики и вотчинники взяты и замѣнены новыми. Другіе города взяты по экономическимъ, можетъ быть, соображеніямъ. Не мудрено, что въ провинціальномъ русскомъ дворянствѣ всѣ преданія русской исторіи до временъ Грознаго исчезли.

Профессоръ Ключевскій, обративъ преимущественно свое вниманіе на крупное боярство, говоритъ, что вотчинныхъ перемѣщеній при Грозномъ было немного. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, на основаніи Флетчера, говоритъ о промѣнѣ княженецкихъ вотчинъ на помѣстья, считая княженецкія вотчины остатками удѣловъ, и сближаетъ мѣры Іоанна во время опричины съ постановленіемъ 1562 года, которымъ ограничивались права княжатъ на эти вотчины. Конечно, это весьма важное сближеніе; оно показываетъ, какъ Іоаннъ твердо шелъ къ цѣли и какъ послѣдовательно велъ дѣло; но правъ и проф. Ключевскій, говоря, что вотчинныхъ перемѣщеній было немного, правъ, имѣя въ виду только княжеское боярство. Дѣло только въ томъ, что во время опричины Іоаннъ, какъ указано выше, переводилъ гуртомъ мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ изъ земщины въ опричину и на оборотъ, и переводя гуртомъ, перетасовывалъ переводимыхъ, какъ колоду картъ, то-есть, что шуйскіе или галицкіе вотчинники и помѣщики разселялись въ разные края земщины, а не скучивались въ одномъ мѣстѣ.

Иначе и быть не могло, еслибъ изъ шуйской или галицкой волости вотчинники и помѣщики были бы переведены въ одну кучу, въ одно мѣсто, то вліяніе князей Шуйскихъ было бы только перенесено изъ одного мѣста въ другое. Точно также, перенеси Іоаннъ только княжескія вотчины изъ одного мѣста въ другое и оставь прежнихъ вотчинниковъ на старыхъ мѣстахъ, осталось бы все по старому, традиціи и связи не были бы разорваны, хотя бы Шуйскіе

жили въ Рязани или въ другомъ мѣстѣ. Мѣра же Іоанна съ корнемъ вырвала все прошлое.

Изъ грозной эпохи опричины два дѣла оставили по себѣ особенно глубокій слѣдъ: низверженіе митрополита Филиппа, и въ связи съ нимъ—разгромъ Великаго Новгорода съ Тверскою областью.

Политическая сторона перваго дѣла не можетъ быть понята, если не обратить вниманія на среду, въ которой воспитался, и изъ которой вышелъ Филиппъ. Филиппъ происходилъ изъ рода бояръ Колычевыхъ, враждебныхъ еще матери Грознаго. Въ дѣлѣ удѣльнаго князя Андрея замѣшано было двое Колычевыхъ, и оба были повѣшены въ числѣ дѣтей боярскихъ Великаго Новгорода. Гибель членовъ семейства Колычевыхъ, о которой говоритъ Курбскій, преувеличенная въ числѣ жертвъ, имѣетъ въ основѣ весьма значительную долю правды. Это событіе, въ связи со всѣми прежними отношеніями Колычевыхъ, даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію политической стороны дѣла митрополита Филиппа. Вступивъ въ монастырь въ ранніе годы юности, Филиппъ безсознательно унесъ съ собою изъ міра впечатлѣнія дѣтства и политическія воззрѣнія среды, въ которой вырось. Будучи игуменомъ Соловецкаго монастыря, Филиппъ съ особенною симпатіей встрѣчаетъ Сильвестра и окружаетъ большимъ почетомъ этого слугу боярской партіи. Бесѣды Сильвестра съ Филиппомъ должны были сильно дѣйствовать на послѣдняго.

Дѣятельность Сильвестра соотвѣтствовала тому складу политическихъ понятій, который Филиппъ Колычевъ вынесъ изъ боярской среды, и поэтому естественно, что и рѣчи Сильвестра нравились соловецкому игумну. Подъ впечатлѣніемъ его рѣчей, подкрѣпившихъ отроческія воспоминанія самого Филиппа, послѣдній вступилъ на митрополичій престолъ въ бурную эпоху опричины. Нравственная чистота помысловъ Филиппа внѣ всякаго сомнѣнія; но время, въ которое онъ вступилъ на митрополичій престолъ, было неблагопріятно для его нравственнаго вліянія. Текущія событія того времени прежде всего предлагали запросъ на иныя политическія понятія и на твердый характеръ въ человѣкѣ. Филиппъ всегда готовъ былъ принести себя въ жертву своему убѣжденію и тутъ онъ былъ твердъ, какъ скала; но у него не было смѣлаго духа иниціативы, онъ не могъ разомъ рѣшать, какъ ему надобно было поступать въ случаяхъ, для него сомнительныхъ. Такъ, Филиппъ заявилъ царю, что онъ не согласится принять митрополичій престолъ, если не будетъ уничтожена опричина. Іоаннъ вскипѣлъ гнѣвомъ, но сдержался. Всѣ думали, что

Филиппу митрополитомъ не быть, что, подобно Герману архіепископу Казанскому, и онъ будетъ удаленъ. Германъ не колебался, открыто заявилъ себя противъ опричины, не шелъ ни на какія уступки, а потому и не былъ избранъ въ митрополиты. Филиппъ же дозволилъ архіепископамъ Пимену Новгородскому и Филоѳею Рязанскому поколебать его рѣшимость своими убѣжденіями. Филиппъ, склоненный имъ, принялъ митрополію и далъ запись „въ опришину ему и въ царскій домовой обиходъ не вступаться, за опришину и за царскій домовой обиходъ митрополіи не оставлять“. Соловьевъ (т. VI, стр. 199) говоритъ, что, отказавшись отъ вмѣшательства въ опричину, Филиппъ не отказывался отъ права „печаловаться“. Но это замѣчаніе—не болѣе, не менѣе, какъ игра словъ. Въ данномъ случаѣ „печалованіе“ и обозначало вмѣшательство въ дѣла опричины. Филиппъ далъ запись не вступать не только въ опричину, но и въ домашній обиходъ царя, и не выдержалъ. Его публичное обличеніе Іоанна въ церкви, можетъ быть, и высоконравственный подвигъ, но какъ политическій актъ—большая и грустная ошибка при томъ возбужденномъ состояніи общества, въ которомъ оно тогда находилось. Петръ Великій и при менѣе щекотливыхъ условіяхъ замѣтилъ Стефану Яворскому, что если обличать, то сначала слѣдуетъ обличать наединѣ, а потомъ уже при всѣхъ. Для Іоанна Филиппъ явился нарушителемъ торжественно-даннаго обѣщанія, которое должно было связать его. Паденіе Филиппа было естественнымъ слѣдствіемъ противорѣчія, въ которое онъ впалъ. Низверженіе Филиппа имѣло огромное значеніе въ послѣдующей нашей исторіи. Ударъ, нанесенный Іоанномъ вмѣшательству церковной іерархіи въ свѣтскія дѣла, былъ такъ силенъ, что его не могли поправить ни учрежденіе патріаршества, ни значеніе Гермогена въ Смутную эпоху, ни патріаршество Филарета, отца Михаила Ѳедоровича, ни вліяніе Никона. Послѣдній, въ поученіе царю Алексѣю Михайловичу и его потомству, перенесъ мощи Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Никонъ понималъ значеніе дѣла, совершеннаго Грознымъ, и хотѣлъ поправить его во что бы ни стало. Подъ его вліяніемъ царь Алексѣй Михайловичъ написалъ посланіе къ мощамъ св. митрополита Филиппа въ Соловецкій монастырь, отправленное съ Никономъ, бывшимъ тогда митрополитомъ Новгородскимъ, и съ княземъ Иваномъ Хованскимъ. Это посланіе написано въ мартѣ 1652 года. Царь Алексѣй въ этомъ посланіи проситъ прощенія царю Іоанну: „И сего ради“, говорится въ посланіи,—„преклоняю санъ свой царскій за онаго,

иже въ тя согрѣшившаго, да оставиши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ". (Посланіе читано передъ гробомъ Филиппа всенародно). „Честь моего царства", говорится въ посланіи далѣе,— „твоимъ преклоняю честнымъ мощемъ: пришедъ, простити, иже тя оскорби по напрасту" (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. III, № 147, стр. 470—471).

Но относительно легкое сверженіе самого Никона съ патріаршаго престола и заключеніе его въ Ѳерапонтовъ монастырь, отмѣна Петромъ Великимъ патріаршаго сана и учрежденіе духовнаго коллегіума свидѣтельствуютъ, что прошлое никакими средствами не возвращается, хотя и задерживается развитіе новаго. Въ житіи Филиппа, откуда перешло извѣстіе и въ другіе источники, сказано, что Филиппъ былъ умерщвленъ Малютою Скуратовымъ. Малюта, знавшій только волю Іоанна, которая замѣняла ему и совѣсть, и личное убѣжденіе, по характеру своему, могъ совершить подобное преступленіе, но совершилъ ли онъ его, это еще вопросъ. Уже Карамзинъ (т. IX, пр. 174) замѣтилъ, что историческіе факты въ житіи Филиппа переданы весьма невѣрно. Такъ, въ житіи говорится, что царь учреждалъ опричину, когда Филиппъ былъ уже митрополитомъ, и что послѣдній былъ противъ нововведенія, между тѣмъ какъ извѣстно, что опричина установлена была еще въ 1565 году, да и въ грамотѣ, въ которой Филиппъ давалъ слово не вступаться въ опричину, о ней говорится, какъ объ учрежденіи существующемъ. Эти замѣчанія однако не помѣшали Карамзину брать изъ житія Филиппа тѣ факты, которые ему нравились, безъ всякой критики. Когда Малюта былъ въ келіи Филиппа, тамъ, кромѣ нихъ, никого не было, и навѣрное никто не могъ знать, какъ было дѣло. Слѣдствія, конечно, не производилось, и ни Грознаго, ни Малюту, вѣроятно, никто не смѣлъ спросить, что̀ говорилось и что̀ дѣлалось въ келіи. Историку только и оставалось сказать: „Говорятъ, что дѣло было такъ-то".

Іоаннъ готовился совершить въ церковной сферѣ еще и другое дѣло, которое потомъ подвинуто было къ рѣшенію Петромъ Великимъ, а окончательно совершено императрицей Екатериною II. Дѣло это — отобраніе монастырскихъ населенныхъ имуществъ. Назначивъ Касимовскиго царя Симеона главою земскихъ бояръ, онъ повелѣлъ ему отобрать у монастырей и церквей духовныя завѣщанія и дарственныя записи на поземельныя имущества. Царь Симеонъ въ точности исполнилъ данное ему повелѣніе. Царь Симеонъ не имѣлъ никакихъ связей съ монастырскими вотчинами,

его предки-магометане не могли приносить въ даръ монастырямъ имѣнія,—поэтому-то онъ и былъ подходящимъ для этого дѣла человѣкомъ. Впослѣдствіи Іоаннъ возвратилъ монастырямъ большую часть ихъ имущества, но значительную долю все-таки удержалъ за собою.

Для того, чтобы понять погромъ Новгорода, нужно перенестись за рубежъ московскаго періода, къ періоду владимірскому, когда на сцену исторіи выступила борьба пригородовъ со старыми вѣчниками; слѣдуетъ вспомнить, какъ возвысились князья при помощи пригородовъ, какъ дружинники въ началѣ исторіи Москвы безпощадно разрушали вѣчевыя учрежденія въ Великомъ Ростовѣ. Участь Великаго Ростова не внушила Великому Новгороду и Пскову никакого опасенія за ихъ будущее и не могла внушить: Москва была тогда такимъ ничтожнымъ городкомъ. То, что̀ испыталъ Ростовъ Великій въ первой половинѣ XIV вѣка, пришлось въ неизмѣримо большемъ размѣрѣ испытать Новгороду во второй половинѣ XVI вѣка. Размѣръ, конечно, опредѣлялся и бо̀льшимъ размѣромъ силъ Москвы сравнительно съ ея силами въ XIV вѣкѣ, и бо̀льшимъ размѣромъ силы и значенія Новгорода [1]). Уже выше было замѣчено, что дѣло Филиппа и разгромы Тверской волости и Новгорода имѣютъ между собою какую-то тѣсную связь, для насъ, пока, недостаточно уяснимую. Безъ сомнѣнія, у опальнаго митрополита были большія связи въ Новгородской землѣ, ибо его мать, Варвара, владѣла тамъ обширными вотчинами. Мы видѣли, что при Еленѣ двое Колычевыхъ повѣшены были по дѣлу удѣльнаго князя Андрея, въ числѣ новгородскихъ дѣтей боярскихъ. Связи Шуйскихъ съ Новгородомъ были Іоанну извѣстны. Разныя мелкія событія царствованія Грознаго, въ родѣ дѣла новгородскихъ

---

[1]) Ненависть южно-русскихъ дружинъ къ Кіеву, пытавшемуся воскресить свое вѣче, вполнѣ обнаружилась въ 1169 г., при разореніи Кіева дружинами Андрея Боголюбскаго, а что эти дружины были южно-русскія, это видно изъ того, что сыновья и внуки Андрея всегда окружены были дружинами съ юга. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1176 г. читаемъ: „сѣдящема Ростиславичема в княженьи земля Ростовьскыя роздаяла бяста по городомъ посадничьство *русьскымъ дѣтьцкимъ*, они же многу тяготу людемъ симъ сотвориша продажами и вирами“. Эти *русьскыи дѣтьцкіи* весьма замѣчательны на нашъ взглядъ. Извѣстно, что Русью первоначально называлась кіевская волость, и въ этомъ мѣстѣ лѣтописецъ противополагаетъ Русскую землю Ростовской; поэтому, припоминая сказанное въ первой главѣ этого изслѣдованія о притокѣ южныхъ дружинниковъ въ Москву, не въ правѣ ли мы сдѣлать догадку, что земля славянъ ростовско-суздальскихъ получила имя отъ южныхъ дружинъ?

пищальниковъ въ его юности, постоянно питали его подозрѣніе противъ Великаго Новгорода.

Трудность объясненія новгородскаго погрома увеличивается потерею главнаго источника — слѣдственнаго дѣла о винахъ архіепископа Пимена и другихъ. Поэтому свѣдѣнія о новгородскомъ погромѣ нужно собирать по крупицамъ.

Но сначала посмотримъ, что̀ объ этомъ дѣлѣ говорятъ наши историки.

Карамзинъ дѣлаетъ догадку (т. IX гл. III), что страшные разгромы Тверской и Новгородской земель въ 1569—1570 гг. внушены были Іоанну подозрѣніемъ, что жители этихъ земель—тайные враги московскому самодержавію. „Думая, вѣроятно“, говоритъ историографъ про Тверскую область,—„что всѣ жители сей области, покоренной его дѣдомъ, тайные враги московскаго самодержавія, Іоаннъ велѣлъ смертоносному легіону своему начать войну, убійство, грабежъ тамъ, гдѣ никто не мыслилъ о непріятелѣ, никто не зналъ вины за собою и проч.“ О Новгородѣ и Псковѣ Карамзинъ выражается болѣе опредѣленно: „Новгородъ, Псковъ“, говоритъ онъ, — „нѣкогда свободныя державы, смиренныя самовластіемъ, лишенныя своихъ древнихъ правъ и знатнѣйшихъ гражданъ, населенные отчасти иными жителями, уже измѣнились въ духѣ народномъ, но сохраняли еще какую-то величавость, основанную на воспоминаніяхъ старины и на нѣкоторыхъ остаткахъ ея въ ихъ бытіи гражданскомъ. Новгородъ именовался Великимъ и заключалъ договоры съ королями Шведскими, избирая, равно какъ и Псковъ, своихъ судныхъ цѣловальниковъ или присяжныхъ. Дѣти отъ родителей наслѣдовали и тайную нелюбовь къ Москвѣ: еще разказывали въ Новгородѣ о битвѣ Шелонской; еще могли быть очевидцы послѣдняго народнаго вѣча во Псковѣ. Забыли бѣдствія вольности, не забыли ея выгодъ. Сіе расположеніе тамошняго гражданства, хотя уже и не опасное для могущественнаго самодержавія, безпокоило, гнѣвило царя, такъ что весною 1569 года онъ вывелъ изъ Пскова 500 семействъ въ Москву, слѣдуя примѣру своего отца и дѣда“.

Костомаровъ говоритъ: „Въ декабрѣ 1569 года предпринялъ Иванъ Васильевичъ походъ на сѣверъ. Съ нимъ были всѣ опричники и множество дѣтей боярскихъ. Онъ шелъ, какъ на войну: то была не только странная, но и сумасбродная война съ прошлыми вѣками, дикая месть живымъ за умершихъ“ (Русск. исторія въ жизнеописаніяхъ, т. I, стр. 499).

Соловьевъ, часто столь проницательный, не замѣчаетъ даже связи новгородскаго погрома съ тверскимъ и въ своей обширной Исторіи только въ двухъ-трехъ строкахъ (въ VI томѣ) упоминаетъ о тверскомъ погромѣ.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, подобно Соловьеву, бѣгло проходитъ новгородскій погромъ. Онъ говоритъ: „Не безъ связи съ дѣломъ Владиміра стоитъ новгородскій погромъ“. Это мнѣніе, конечно, имѣетъ большое основаніе; но, въ прим. 299 къ IX т. Карамзина, на которое г. Бестужевъ-Рюминъ ссылается, кромѣ обвиненія архіепископа Пимена въ намѣреніи возвести на престолъ князя Владиміра Андреевича, есть и еще обвиненіе противъ Пимена—именно, что онъ хотѣлъ предать Новгородъ и Псковъ Польскому королю. Всѣ эти толки, положимъ, были только предположенія новгородскихъ недовольныхъ, и самъ князь Владиміръ Андреевичъ, какъ личность ничтожная, не могъ играть важной роли, но по нашему мнѣнію, не новгородскій погромъ связанъ былъ съ дѣломъ Владиміра Андреевича, а дѣло или имя Владиміра припутывалось ко всякимъ дѣламъ съ 1553 года, припутывалось по собственной его безхарактерности и по интригамъ матери.

Какъ ни тяжелъ новгородскій погромъ по производимому имъ впечатлѣнію, но постараемся отнестись къ нему объективнѣе и посмотримъ, что̀ его подготовило, какія обстоятельства ему предшествовали.

1) Выводъ 500 семействъ изъ Пскова и 150 изъ Новгорода весною 1569 года можетъ служить доказательствомъ тому, что недовѣріе къ старымъ вѣчевымъ городамъ или не исчезло со времени паденія ихъ свободы, или снова воскресло.

2) Въ Великомъ Новгородѣ и вообще на сѣверѣ, вслѣдствіе всѣхъ событій пяти лѣтъ съ 1565 по 1570 годъ, броженіе умовъ, безъ сомнѣнія, было велико, и среди этого броженія что-то затѣвалось. Флетчеръ, какъ вѣрное отраженіе слуховъ и толковъ боярскихъ, говоритъ о неминуемомъ возстаніи въ Россіи. Флетчеръ былъ въ Россіи уже при Ѳедорѣ Іоанновичѣ; но толки, которые у него вызвали это предсказаніе, родились, конечно, не въ день его пріѣзда въ Россію. Зачатки смуты и смутнаго времени лежали уже въ самой борьбѣ Грознаго съ боярствомъ. Тотъ же Флетчеръ говоритъ, что народъ былъ привязанъ къ потомству удѣльныхъ князей, и что этотъ народъ готовъ со временемъ возстановить ихъ снова. Такое вѣрованіе не могло родиться при Ѳедорѣ Іоанновичѣ; надежды потомства удѣльныхъ князей, ненавидѣвшихъ родъ Калиты, никогда не умирали.

Припомнимъ, какъ относились предки этихъ князей къ Новгороду и въ періодъ борьбы за старшинство, и въ періодъ удѣловъ. Извѣстно, напримѣръ, что Ростиславъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава Великаго, былъ строгій блюститель старшинства княжескаго и тѣсно съ нимъ связаннаго старшинства городовъ. Поэтому потомки этого блюстителя старины, сынъ его Мстиславъ Храбрый и внукъ Мстиславъ Удалой, являются защитниками и новгородской старины. Князь Константинъ Всеволодовичъ, устраненный отцомъ отъ старшаго стола, возвращаетъ его себѣ при помощи Мстислава Удалаго и новгородцевъ. Эти же князья являются и врагами пригородовъ, которые осмѣливаются тягаться со старыми городами. „Не бывать Торжку Великимъ Новгородомъ“—многознаменательное слово. Тѣ же чувства и понятія сохранялись и у потомства удѣльныхъ князей. Въ періодъ удѣловъ, когда развивалась территоріальная обособленность княжествъ и шла борьба то Суздальскихъ, то Тверскихъ князей съ Московскими за Владиміръ и за титулъ великаго князя, побѣжденный князь всегда искалъ опоры въ Новгородѣ противъ счастливаго соперника, добывшаго себѣ ярлыкъ на великое княженіе. Такъ и князья Шуйскіе, потомки Андрея Александровича, старшаго брата Даніила Александровича, и великаго князя Дмитрія Константиновича, старшаго, по родословію, Дмитрія Донского, находились въ постоянной связи съ Великимъ Новгородомъ.

Мы видѣли въ первой главѣ нашего изслѣдованія, какъ живучи были даже въ XVII вѣкѣ преданія старины въ княжескихъ линіяхъ дома Владиміра Святаго. Іоаннъ зналъ это, и потому изъ опричниковъ имѣлъ значеніе только одинъ князь изъ дома Владиміра, князь Аѳанасій Вяземскій. Родъ Вяземскихъ не попалъ въ число первоклассныхъ боярскихъ родовъ, и развѣ только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, что мы находимъ князя Аѳанасія въ числѣ опричниковъ съ значеніемъ. Князь Аѳанасій Вяземскій былъ человѣкъ большаго ума и сильнаго характера. Первое доказывается тѣмъ, что онъ шесть лѣтъ былъ главнымъ совѣтникомъ Грознаго, который самъ былъ человѣкъ большаго ума и людей понималъ [1]). Онъ зналъ, слѣдовательно, и всѣ намѣренія Іоанна; зналъ, конечно, и намѣреніе казнить Новгородъ,

---

[1]) Извѣстно, что Грозный въ Александровской слободѣ изъ отборныхъ опричниковъ учредилъ монастырь, въ которомъ Грозный назывался игуменомъ, Вяземскій—келаремъ, а Малюта—пономаремъ. Не напоминаетъ ли это соборъ Петра, въ которомъ Зотовъ нарицался папою?

походъ на который обставленъ былъ большою тайной, а между тѣмъ есть одно обстоятельство, которое доказываетъ, что въ Новгородѣ были предупреждены о грозѣ.

Кто же могъ предупредить? Пытки, которымъ князь Аѳанасій подверженъ былъ Грознымъ, и которыя онъ мужественно перенесъ, и его казнь даютъ поводъ сдѣлать вопросъ: не было ли сдѣлано предупрежденія со стороны его или его сотоварищей по дѣлу объ измѣнѣ Пимена? Мы позволяемъ себѣ предложить этотъ вопросъ и догадку на слѣдующемъ основаніи: Вяземскіе вели свой родъ отъ Владиміра Мономаха. Мудрено ли, что, при живучести традицій въ княжескихъ семьяхъ, потомокъ внука Мономахова, Ростислава Мстиславича, этого оберегателя княжеской старины и сына послѣдняго, великаго князя Рюрика Ростиславича, брата Мстислава Храбраго, вспомнилъ про Новгородъ? Линія его дома была въ старину еще ближе къ Новгороду, чѣмъ линія Шуйскихъ. Не случайно ли онъ попалъ въ исторію новгородскаго дѣла? Можетъ быть—да, а скорѣе—нѣтъ, и вотъ почему: казни Грознаго только кажутся внезапными,—онъ внезапно поражалъ, но розыски и допросы были продолжительны. Нельзя пропустить безъ вниманія и то обстоятельство, что въ бѣду былъ увлеченъ и тесть Вяземскаго, Фуниковъ.

Предположеніе, что новгородцы были предупреждены, доказывается бѣгствомъ множества людей изъ Новгорода передъ разгромомъ Грознаго. Карамзинъ приводитъ свидѣтельство рукописнаго Устюжскаго лѣтописца объ этомъ бѣгствѣ. Въ лѣтописи Устюжской говорится, что „когда грозный царь Иванъ Васильевичъ казнилъ Новогородцевъ, тогда нѣціи отъ гражданъ совѣщавшеся усовѣтовали тайно избѣжати изъ Новгорода и вселитися въ пустѣ мѣстѣ, идѣ же Богъ наставитъ“. Далѣе говорится, что они поселились на рѣкѣ Лалѣ, въ 80-ти верстахъ отъ Устюга, стали называться лалечане, нынѣ имѣютъ тамъ пространное селеніе—Лальскій погостъ, а посадскіе люди имѣютъ тамъ села и деревни. Въ Лальскомъ погостѣ во времена лѣтописца было четыре церкви: „соборная... и три приходскія, да по край города Архангельская пустыня, все каменнаго строенія“. (Кар., т. IX, примѣч. 294). Къ сожалѣнію, Карамзинъ, не придавая значенія этому драгоцѣнному факту, не опредѣляетъ времени, къ которому относится Устюжская лѣтопись; но во всякомъ случаѣ устюжскій лѣтописецъ жилъ не ранѣе, какъ лѣтъ черезъ сто послѣ событія ибо нужно было довольно времени, чтобъ эти „нѣціи“, если ихъ было мало, увеличились въ числѣ на столько, чтобы выстроить по-

гостъ съ четырьмя каменными церквами, да еще села и деревни. Вѣроятнѣе же всего, что бѣглецовъ было довольно много; но какъ скоро ихъ было довольно много, то они могли бѣжать только ранѣе вступленія дружинъ Іоанна въ Новгородъ, оцѣпившихъ его со всѣхъ сторонъ. Во время самыхъ казней бѣгство было не возможно. Въ словахъ устюжскаго лѣтописца есть и еще одно обстоятельство, на которое нельзя не обратить вниманія. Основанъ былъ погостъ, а посадскіе люди—говоритъ онъ—имѣютъ села и деревни. Если посадскіе основали села и деревни, то кто же основалъ погостъ? Безъ всякаго сомнѣнія, попы, монахи, купцы, дѣти боярскіе и бояре Великаго Новгорода, надъ которыми преимущественно разразилась гроза погрома. Тайный походъ Іоанна свидѣтельствуетъ, что онъ именно боялся бѣгства людей, особенно почему-либо подозрительныхъ; нареченные же лалечане бѣжали въ край, и нынѣ мало населенный, а тогда совсѣмъ пустынный.

Въ новгородскомъ погромѣ для нашей задачи важенъ вопросъ: на какую среду палъ этотъ погромъ? Лѣтописи прямо говорятъ, что ударъ прежде всего разразился надъ духовенствомъ. Вотъ что̀ находимъ въ одной изъ нихъ: „Собравше отъ всѣхъ церквей поповъ и діаконовъ, поставиша ихъ на правежъ; раздѣляху ихъ по десяти человѣкъ по приставомъ и повелѣваху держати во узѣхъ крѣпкихъ; и повелѣ государь ихъ на всякъ день отъ утра и до вечера до искупа бити на правежѣ нещадно, а доправити на нихъ по 20 рублевъ ноугородскою“. Потомъ, какъ извѣстно, гроза разразилась надъ Владыкою, то-есть, архіепископомъ, и надъ владычными боярами. Уже покончивъ съ духовенствомъ, Грозный велѣлъ приводить на судъ дѣтей боярскихъ, гостей и всякихъ городскихъ и приказныхъ людей. Не ясно ли, что въ умѣ Іоанна сложилось убѣжденіе, что центръ всякаго недовольства въ Новгородѣ—духовенство?

Очень вѣроятно, что оно такъ и было, что въ новгородскомъ духовенствѣ болѣе, чѣмъ въ другомъ сословіи, сохранились преданія о вѣчевой старинѣ, сохранились чувства, враждебныя къ Москвѣ. Это предположеніе доказывается и тѣмъ, что разгромъ не ограничился одними людьми; онъ коснулся и священныхъ предметовъ, съ которыми были связаны какія-либо воспоминанія старины. Изъ Софійскаго собора, изъ монастырей брали сосуды, иконы, колокола. Такое вытравленіе церковныхъ преданій старины и замѣна ихъ новыми бывало и въ другихъ христіанскихъ государствахъ. Вильгельмъ Завоеватель, во второй половинѣ XI вѣка, покоривъ Англію, прежде

всего постарался о замѣнѣ англо-саксонскаго духовенства духовенствомъ нормандскимъ и праздники англо-саксонскихъ святыхъ замѣнилъ праздниками святыхъ французскихъ.

Нѣтъ возможности утверждать, что погромъ Великаго Новгорода случился безъ всякой причины, какъ нѣтъ возможности признать Грознаго человѣкомъ, который дѣйствовалъ на-обумъ. Въ Новгородѣ и вообще на сѣверѣ готовилось какое-то движеніе. Поща да Пскова Грознымъ лучше всего показываетъ, какъ традиціонно дѣйствовали старые вѣчевые города. Граждане Пскова, вѣроятно, или совсѣмъ не участвовали въ замыслахъ новгородскихъ, или, какъ во времена Іоанна III, выжидали событій и по нуждѣ покорялись. Должно замѣтить и еще одно обстоятельство: на сколько фамилія Шуйскихъ была любезна Новгороду, на столько же она была ненавистна Пскову. Подобное обстоятельство одно само по себѣ ничего не значило бы, но взятое въ связи съ другими обстоятельствами, нами приведенными, оно получаетъ весьма важное значеніе и до нѣкоторой степени освѣщаетъ темное новгородское дѣло. Если къ этому присоединить еще упоминаніе о старомъ, издревле существовавшемъ разладѣ между духовенствомъ Великаго Новгорода и Пскова, то событія 1570 года дѣлаются еще яснѣе. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что недовольные, какъ изъ среды духовенства, такъ особенно изъ среды боярства, пользовались опалою митрополита Филиппа, чтобы возбудить въ народѣ неудовольствіе. Въ Новгородѣ митрополитъ Филиппъ, по своему новгородскому происхожденію, по дружбѣ съ новгородцемъ Сильвестромъ, особенно же по славѣ о святости его жизни, пользовался, безъ всякаго сомнѣнія, особеннымъ сочувствіемъ, какъ противникъ Грознаго. Поэтому и есть достаточное основаніе предположить, что имя Филиппа, конечно—противъ воли послѣдняго, сдѣлалось знаменемъ всякаго рода недовольства [1]). Впослѣдствіи при Алексѣѣ Михайловичѣ его, кажется, хотѣли

---

[1]) Для объясненія участія религіознаго элемента въ исторіи Новгорода и Пскова, замѣтимъ слѣдующее: Костомаровъ говоритъ, что Великій Новгородъ и Псковъ сознавали свой союзъ не столько подъ юридическою формой, сколько подъ религіозною. Храмы, особенно чтимыя иконы, святые мѣстные служили какъ бы символомъ самостоятельности этихъ городовъ. Новгородъ былъ городомъ св. Софіи, Псковъ—св. Троицы; пригороды слѣдовали этому примѣру: Торжокъ былъ городомъ св. Спаса, Изборскъ—домомъ св. Николы. Вотъ что говорится въ одномъ житіи: „Кіевъ блажитъ св. Антонія и Ѳеодосія печерскихъ чудотворцевъ, Московское царство блажитъ Петра, Алексѣя, Іону, Псковъ же

обратить въ патрона боярства и духовенства, какъ нѣкогда польская шляхта обратила Станислава, епископа Краковскаго, убитаго Болеславомъ Смѣлымъ, въ шляхетскаго и клерикальнаго патрона, подъ громкимъ именемъ патрона Польши.

Костомаровъ причину ненависти народа къ Новгороду видѣлъ въ какой-то враждѣ москвичей, народа великорусскаго племени, къ новгородцамъ. Извѣстна его теорія, что новгородцы, потомки кривичей, составляли отдѣльную отрасль русско-славянскаго племени, отличную отъ великоруссовъ. Но что̀ такое великоруссы? Думаютъ, что въ отдаленнѣйшей древности славяне на востокѣ занимали гораздо болѣе пространства, чѣмъ обозначено въ нашей первонача́льной лѣтописи. Остатки этого племени до татаръ населяли часть Камской Болгаріи. Но потомъ, было ли оно отодвинуто на западъ, или просто связь между племенами была разорвана ходомъ движенія племенъ—не извѣстно. Въ историческое время Ростовско-Суздальская земля большею частію населена была славянскимъ племенемъ, а финскія названія урочищъ показываютъ, что до прихода славянъ здѣсь жили финны. Вятичи, родственное племя радимичамъ, занимали нынѣшнія губерніи Орловскую и Калужскую. Вѣроятно, что они и двигались на сѣверъ въ Ростовско-Суздальскую землю; на встрѣчу имъ, вѣроятно, шли кривичи. Изъ этой смѣси и образовалась великорусская вѣтвь русскаго племени. Высшій классъ—дружинники, тѣ, какъ уже говорено было, шли изъ Кіевской Руси. Жители Москвы были помѣсью всѣхъ русскихъ племенъ, съ прибавкою финскаго элемента. Слѣдовательно, о племенной враждѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Въ Костомаровѣ весьма часто поэтъ-художникъ бралъ перевѣсъ надъ историкомъ, этотъ поэтическій элементъ онъ вносилъ и въ этнографію, столь имъ любимую. Поэтому въ своемъ увлеченіи онъ видѣлъ этнографическую борьбу тамъ, гдѣ шла сословная распря. Къ тому, что̀ мы говорили объ отношеніи дружинъ къ вѣчевымъ городамъ и вообще къ народу, добавимъ еще слѣдующее: въ 1304 году

и В. Новгородъ блажатъ Варлаама и Михаила юродиваго Христа ради; Смоленскъ блажитъ князя Ѳеодора; Ростовъ блажитъ Леонтія, Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема; Вологда блажитъ преподобнаго Димитрія. Каждая область своихъ блажитъ, и мы устюжане блажимъ Прокопія Устюжскаго, имѣемъ его стражемъ и хранителемъ отчизны нашей — Устюга“ (см. *Правосл. Собесѣдникъ*, 1863 г., январь). Этимъ автономическимъ значеніемъ святынь и объясняется церковный погромъ Новгорода при Грозномъ. Не забудемъ, что и въ Новгородѣ долго не хотѣли чтить св. Сергія, покровителя Москвы.

дружина избита была народомъ въ Костромѣ, въ 1305 году—въ Нижнемъ-Новгородѣ; князья звали на помощь, по своему обыкновенію татаръ: какая тутъ этнографія? А для объясненія ненависти москвичей къ Новгороду, вмѣсто этнографіи лучше всего обратиться къ борьбѣ мизенныхъ городовъ съ старыми вѣчевыми городами, о чемъ мы уже говорили и еще разъ будемъ говорить въ третьей главѣ.

Какое впечатлѣніе произвелъ погромъ на новгородцевъ, всего лучше—говоритъ С. М. Соловьевъ—видно изъ слѣдующаго извѣстія. 25-го мая 1571 года, въ церкви св. Параскевы на торговой сторонѣ у обѣдни было много народа. Когда послѣ службы стали звонить въ колокола, то вдругъ на всѣхъ напалъ ужасъ, всѣ побѣжали въ разныя стороны. Мужчины, женщины толкали другъ друга, не зная, куда бѣгутъ. Купцы покидали лавки, отдавали товары первому попавшемуся. Точно такое же извѣстіе о переполохѣ встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1234 г. послѣ Батыева погрома. Если это извѣстіе справедливо, то причина посѣщенія Іоанномъ Новгорода зимою того же 1571 года, дѣлается понятна. Онъ хотѣлъ успокоить новгородцевъ, къ которымъ напередъ прислалъ грамоту, чтобъ они ничего не боялись. 24-го декабря онъ прибылъ въ Новгородъ, гдѣ оставался 26 дней; возстановилъ къ удовольствію жителей—говоритъ Карамзинъ—старинный обычай судныхъ поединковъ. Передъ вторымъ пріѣздомъ Іоанна въ Новгородъ тамъ свирѣпствовалъ моръ, къ прекращенію котораго, по тому времени, были приняты страшныя мѣры: священниковъ, которые хоронили мертвыхъ не въ указанномъ мѣстѣ, велѣно было жечь живыми. Моръ къ пріѣзду Іоанна былъ прекращенъ [1]).

Царствованіе Грознаго составляетъ тотъ центръ нашей исторіи, безъ пониманія и уясненія котораго наша исторія для мыслящаго

---

[1]) Сбивчивая система хронологіи русской исторіи до XVIII вѣка не позволяетъ вдаваться въ объясненіе факта вторичнаго пріѣзда Іоанна въ Новгородъ. До Петра Великаго годы считались отъ сотворенія міра, а каждый годъ начинался съ перваго сентября. Такимъ образомъ, считая годъ съ сентября, Іоаннъ тробылъ въ Новгородѣ конецъ 3-го мѣсяца (декабря) и половину 4-го (января); тогда о переполохѣ и рѣчи быть не можетъ, ибо послѣ пребыванія Грознаго въ Новгородѣ въ декабрѣ и январѣ 1571 г. новгородцамъ нечего было бояться въ маѣ того же года. Но Карамзинъ и Соловьевъ считаютъ начало года по новому, то-есть, съ 1-го января, и тогда выходитъ, что Іоаннъ пробылъ въ Новгородѣ послѣдніе дни 1571 года и половину января 1572 года. Тогда переполохъ могъ случиться въ маѣ 1571 года. Въ сентябрьскомъ году май девятый, а въ январьскомъ—пятый мѣсяцъ.

человѣка остается темна по обѣ стороны этой эпохи. Пониманіе эпохи Грознаго освѣщаетъ намъ и предшествовавшіе вѣка дружинныхъ и вѣчевыхъ порядковъ. Оно же даетъ возможность понять и послѣдующую нашу исторію. Съ авторитетнаго голоса Карамзина у насъ вошло въ обычай утверждать, что реформы Петра Великаго произвели глубокій разрывъ между высшими и низшими классами русскаго общества. Но что̀ значатъ европейскіе костюмы, европейская одежда, введенная при Петрѣ, въ сравненіи съ 3-мъ январемъ 1565 года, когда дьяки на всѣхъ площадяхъ Москвы читали народу извѣщеніе Іоанна, что̀ бояре, дѣти боярскіе, дьяки—измѣнники, а пастыри духовные—потворщики измѣнникамъ? Не этими ли грамотами, благосклонными къ купцамъ и къ простонародью, вызваны были крики: „Пусть царь дѣлаетъ, что̀ хочетъ, а мы готовы, и сами перебьемъ измѣнниковъ!“ Что же касается до стиранья съ лица земли всего прошлаго, то именно въ царствованіе Грознаго оно стерто было почти что до конца, какъ сказано выше. Что̀ значитъ духовный коллегіумъ Петра передъ тѣмъ ударомъ, который Грозный нанесъ іерархіи? Да и самое появленіе на свѣтъ духовнаго коллегіума было бы немыслимо безъ того удара, который нанесъ Грозный притязаніямъ духовной іерархіи.

Такъ-называемая монашеская жизнь Грознаго въ Александровской слободѣ представляется Карамзинымъ по клочкамъ, набраннымъ изъ Таубе и Крузе и нѣкоторыхъ лѣтописей, безо всякой критической повѣрки. Говорится, напримѣръ, въ подробной лѣтописи: „Егда (Іоаннъ) молился, то поклоны до земли челомъ своимъ творилъ и отъ того на челѣ своемъ знакъ имѣлъ часто кровавой“ (Карамзинъ, т. IX, примѣч. 155). Все это и вносится въ текстъ, безъ соображенія со всѣмъ ходомъ дѣла. Прежде всего надобно помнить, что Іоаннъ въ Александровской свободѣ выказывалъ дѣятельность необыкновенную; ни въ опричинѣ, ни въ земщинѣ ни одно дѣло не рѣшалось безъ его личнаго разсмотрѣнія; въ случаѣ пріѣзда пословъ, онъ скакалъ въ Москву, съ опричниками. Онъ былъ вездѣ, гдѣ было дѣло. Грозная дружина опричниковъ внушительно говорила о необходимости скораго исполненія его повелѣній; но эту дружину ему нельзя было опустить изъ виду, ибо царь хорошо понималъ, что подкупъ могъ проникнуть и въ нее. Поэтому лучшихъ, вліятельнѣйшихъ опричниковъ Іоаннъ имѣлъ всегда передъ своими глазами. Все это не достигало цѣли, какъ видно изъ дѣла Вяземскаго и Басмановыхъ; но цѣль видна ясно. Иностранцы и наивные лѣтo-

писцы могли не замѣтить ея; но историку XIX в. непростительно просмотрѣть ее. Времяпрепровожденіе нельзя было наполнить заутренями и обѣднями, и его гораздо больше поглощалось на трапезы: угощалась братія, угощалась и брашномъ, и питіемъ обильно. Отецъ игуменъ (то-есть, Іоаннъ) самъ не раздѣлялъ этой трапезы, обѣдалъ всегда одинъ, и это въ высшей степени замѣчательно. Эти-то трапезы, конечно, и сопровождались тѣми скоморошьими пѣснями, отвлекающими отъ теологіи, о которыхъ говоритъ князь Курбскій. Когда рѣчь идетъ объ Іоаннѣ, то непремѣнно нужно свѣрять показанія его враговъ. Такъ и здѣсь видна ложь. Подробная лѣтопись говоритъ, что Іоаннъ земными поклонами набилъ себѣ кровавый знакъ на лбу, а Курбскій повѣствуетъ о закрытіи слуха къ теологіи скоморошьими пѣснями. Кромѣ того, Курбскій разказываетъ много фактовъ, которые не свидѣтельствуютъ о ханжествѣ Грознаго. Вотъ между прочимъ одинъ изъ такихъ фактовъ. Казариновъ, избѣгая гнѣва Іоанна, постригся въ монастырь и принялъ схиму. Грозный сказалъ: „Схимникъ — ангелъ, подобаетъ ему на небо возлетѣти“. Затѣмъ приказалъ сдѣлать срубъ, подложить подъ него двѣ бочки пороху и взорвать, дабы схимникъ летѣлъ на небо (Сказанія Курбскаго: Ист. Іоанна, гл. VII). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это вымыселъ; но этотъ вымыселъ возникъ не на почвѣ ханжества.

К. Д. Кавелинъ указалъ на связь дѣятельности Грознаго съ дѣятельностью Петра Великаго. На эту связь указывалъ и самъ Петръ, называя себя продолжателемъ дѣлъ Грознаго. Почему же продолжатель дѣлъ Грознаго явился черезъ сто лѣтъ? Царствованіе Грознаго потрясло всѣ основы общественнаго строя Русской земли, которыми она жила до конца XVI в., всѣ „закоснѣнныя прародительствія земли“, по собственному выраженію Іоанна. Но такъ какъ на этихъ закоснѣвныхъ прародительствіяхъ покоилось благосостояніе многочисленнаго и могущественнаго боярства, покоилось въ ущербъ благосостоянію народа, то нарушеніе и подрывъ тѣхъ прародительствій вызвалъ цѣлую бурю Смутнаго времени и затѣмъ чуть не столѣтнюю реакцію. Но ни буря Смутнаго времени, ни продолжительная реакція дѣлу Грознаго не могли сломать и уничтожить всѣ результаты этого дѣла. Мало того, вслѣдствіе слѣпой вражды къ требованіямъ времени, боярство само рыло себѣ могилу. Въ Смутное время оно само, противъ своей воли, конечно, популяризировало имя Грознаго по всей Русской землѣ, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, покойный Кавелинъ замѣтилъ, что все,

что̀ мы знаемъ о Грозномъ, дошло до насъ отъ его враговъ; а письменныхъ голосовъ тѣхъ, для кого онъ трудился (то-есть, народа), до насъ не дошло. Отъ враговъ Грознаго до насъ дошли извѣстія и о его террорѣ. И что же? До сихъ поръ наука русской исторіи не нашла нужнымъ провѣрить эти извѣстія. О причинахъ дѣйствительныхъ казней умалчиваютъ и прибавляютъ къ нимъ казни небывалыя; сомнительныя же дѣла и не думали переизслѣдовать. Укажемъ для примѣра на два такія дѣла. Карамзинъ, Костомаровъ считаютъ обвиненіе бояръ въ отравленіи Анастасіи произведеніемъ больной фантазіи Іоанна. Отвергая отравленіе первыхъ двухъ женъ Іоанна, о третьей—Маѳѣ Собакиной, самъ Карамзинъ говоритъ: „13-го ноября Маѳа скончалась, бывъ или дѣйствительно жертвою злобы, или только несчастною виновницею казни безвинныхъ“. Смерть Маѳы Васильевны Собакиной, черезъ двѣ недѣли послѣ замужества, должна была бы внушить осторожность въ сужденіяхъ и не все приписывать фантазіи Іоанна.

Костомаровъ беретъ извѣстіе о жестокости Іоанна относительно Матвѣя Башкина у Курбскаго (въ житіи Ѳеодорита) и не обращаетъ вниманія, не извѣстно на какомъ основаніи, на слова лѣтописца, который хвалитъ милосердіе и умѣренность царя, митрополита Макарія и всего собора, судившаго Башкина, сосланнаго въ заточеніе, (Карамз. т. VIII, прим. 392). Не слѣдуетъ забывать, что Башкинъ отвергалъ не только дѣянія соборовъ и святость угодниковъ Божіихъ, но таинства вѣры и божественность Іисуса Христа. Въ XVI вѣкѣ за такое отрицаніе жгли и въ католическихъ, и въ протестантскихъ странахъ. Кальвинъ сжегъ друга своего Сервета за отрицаніе Троицы, слѣдовательно, за такое же мнѣніе, за которое въ Россіи осудили Башкина въ ссылку. Для Костомарова такое опрометчивое сужденіе тѣмъ болѣе не извинительно, что онъ былъ большой знатокъ и любитель всякихъ богословскихъ толковъ, среди которыхъ свободно дышалъ и плавалъ, какъ рыба въ водѣ.

Нельзя не остановиться на мнѣніи о Грозномъ К. Н. Бестужева-Рюмина, которое онъ высказалъ во второмъ томѣ своей Русской исторіи. Мы уже замѣтили, что въ этомъ мнѣніи видно какое-то раздвоеніе. Едва ли, говоритъ онъ,—не самою вѣрною характеристикою Грознаго можно считать слѣдующія замѣчательныя слова Ю. Ѳ. Самарина: „Чудно совмѣщались въ немъ живое сознаніе всѣхъ недостатковъ, пороковъ и порчи того вѣка съ какимъ-то безсиліемъ и непостоянствомъ воли. Поэтому его умственное превосходство выражалось отрицательно—разрушеніемъ, ненавистію къ настоящему, ядовитою ироніею

и безсмысленнымъ слѣпымъ злодѣйствомъ. Этотъ разладъ съ современною жизнію, его неудовлетворявшею, повторился въ немъ, какъ въ лицѣ (?), ибо въ самомъ себѣ Іоаннъ сознавалъ всю темную сторону и ненавидѣлъ, презиралъ себя. Никто изъ современниковъ не понималъ его, никто не страдалъ вмѣстѣ съ нимъ отъ глубокаго неудовлетворенія". Въ этомъ мнѣніи Самарина, которому К. Н. Бестужевъ-Рюминъ придаетъ особенное значеніе, проявляется разладъ съ основнымъ закономъ исторіи, съ закономъ развитія, движенія впередъ. Можно ли обвинять человѣка за ненависть къ настоящему, когда онъ сознавалъ его полную несостоятельность? Если общество задержано въ своемъ движеніи, то естественно, въ немъ накопляются такія закоснѣнныя прародительствія земли, которыя мѣшаютъ правильному ходу жизни и возбуждаютъ къ себѣ вражду людей мыслящихъ. Слова „отрицательное разрушеніе" трудно понять; надобно было бы разъяснить, чѣмъ отрицательное разрушеніе отличается отъ положительнаго. Разрушеніе, какъ на него ни смотри, все разрушеніе. Развѣ потому оно названо отрицательнымъ, что Самаринъ не замѣтилъ пораженія боярства, стремившагося къ полновластію въ Русской землѣ, къ подавленію всѣхъ другихъ слоевъ русскаго общества? Самаринъ могъ не понять вполнѣ сложившагося тогда порядка вещей въ Москвѣ, по которому самая безопасность государства и народа зависѣла отъ каприза бояръ, порядка, который принудилъ Іоанна назначить кн. Ивана Андреевича Шуйскаго вождемъ сторожеваго полка, во время нашествія Крымскаго хана, порядка, по которому царь всѣ важнѣйшія дѣла въ государствѣ могъ поручать только лицамъ извѣстныхъ фамилій. Какъ объяснить принятіе К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ такого основнаго взгляда, который противорѣчитъ его нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ? Такъ, онъ видитъ узкость взглядовъ боярской партіи, узкость, которая надѣлала столько бѣдъ Россіи. Какъ же безъ разлада съ настоящимъ, безъ ненависти къ нему, Іоаннъ могъ бы бороться противъ этой узкости? Характеръ же борьбы опредѣлялся уже тѣмъ обстоятельствомъ, что узкость взглядовъ всегда упряма и упорна.

Если принять мнѣніе Самарина о дѣятельности Іоанна Грознаго, то становятся не понятными тѣ упреки, которые К. Н. Бестужевъ-Рюминъ дѣлаетъ Костомарову. Чѣмъ же взглядъ Костомарова отличается отъ взгляда Самарина? Костомаровъ не правъ, но онъ по крайней мѣрѣ видѣлъ въ тѣхъ элементахъ, которые разрушалъ Грозный, начала свободы и всякихъ благъ, начала,

которыхъ въ нихъ не бывало, и на этой ошибкѣ построилъ исторію Грознаго съ великимъ пристрастіемъ. Несправедливо, но по крайней мѣрѣ понятно. Окончивъ выписку изъ Самарина, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ: „Да, глубоко-трагическими являются жизнь и судьба этого человѣка“, то-есть, Грознаго. Но какой же трагизмъ могъ быть у человѣка, который, по выраженію Самарина, страдалъ безсиліемъ и непостоянствомъ воли? Мы уже говорили о несправедливости, съ которою Самаринъ отнесся къ Грозному при сравненіи съ Петромъ. Выше уже было высказано нами, на сколько очищено было Іоанномъ поле для дѣятельности Петра. Здѣсь остановимся еще на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ. „Въ самой обстановкѣ дѣтства ихъ (то-есть, Петра и Грознаго) и первой молодости“, говоритъ г. Бестужевъ-Рюминъ, — „есть черты сходства; разница только въ томъ, что при Грозномъ не стояла любящая мать“. Была, по нашему мнѣнію, и другая разница,—разница въ характерѣ боярства той и другой эпохи. Петръ, во время рѣшительной минуты борьбы съ Софьей Алексѣевной, и спасеніемъ жизни, и престоломъ обязанъ былъ князю Борису Голицыну; около Іоанна такихъ людей изъ князей не было. „Какъ ни страшны казни временъ Петровскихъ“, говоритъ далѣе высокоуважаемый ученый,—„но впечатлѣніе, производимое разказами о новгородскомъ погромѣ еще тяжелѣе“. Едва ли и съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться. На нашъ взглядъ стрѣлецкія казни производятъ болѣе тяжелое впечатлѣніе. При всемъ благоговѣніи къ просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго, должно сознаться, что въ дѣлахъ стрѣлецкихъ онъ дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ дѣтства, которое у него проявилось въ увѣренности, что ростетъ сѣмя Ивана Милославскаго, какъ выражался самъ Петръ. Исторія разложенія дисциплины въ стрѣлецкомъ войскѣ, бунтъ 1682 г., возвращеніе стрѣльцовъ въ Москву съ западной границы показываютъ, что главная вина мятежей была въ своеволіи и хищничествѣ полковниковъ, а не въ сѣмени Милославскаго. Разказы же о новгородскомъ погромѣ, вопервыхъ, требуютъ, большихъ провѣрокъ, вовторыхъ, какъ выше замѣчено, въ Новгородѣ какое-то движеніе подготовлялось. Новгородская вѣчевая община подъ конецъ своего самостоятельнаго существованія превращалась въ олигархію (Иловайскій, Русская Исторія, т. II, стр. 343 и 344). Что же мудренаго, что разсѣянныя по лицу Русской земли олигархическія фамиліи Новгорода осоюзились съ олигархами московскими и вошли въ сношенія съ новгородцами? Неужели новгородскія олигархическія фамиліи въ продолже-

ніе ста лѣтъ забыли прошлое? Причину новгородскаго погрома легче объяснить, чѣмъ великій розыскъ,—отъ того и впечатлѣніе послѣдняго тяжелѣе.

Въ заключеніе этой главы остановимся еще на двухъ вопросахъ, на вопросѣ о земскомъ соборѣ и на сословномъ вопросѣ въ Западной Руси въ эпоху Грознаго.

Профессоръ В. И. Сергѣевичъ считаетъ земскій соборъ какъ бы видоизмѣненною формой вѣча. Профессоръ Загоскинъ (Исторія права Московскаго государства, т. I, стр. 215) думаетъ, что земскій соборъ 1547 и 1548 гг. созванъ былъ Іоанномъ въ видахъ ограниченія притязаній боярства. То и другое мнѣніе другъ другу не противорѣчатъ; но нельзя согласиться съ профессоромъ Загоскинымъ, что послѣ этого собора боярство поняло свою изолированность и отказалось отъ своихъ властолюбивыхъ притязаній. Всѣ дальнѣйшія событія царствованія Грознаго противорѣчатъ такому мнѣнію, что̀ мы и старались доказать въ этой главѣ. Нѣкоторые изслѣдователи мысль о созваніи собора приписывали боярамъ; но это мнѣніе противорѣчитъ всему ходу дѣлъ не только при Грозномъ, но и въ Смутное время, и въ XVII в. Вопросъ о степени участія самого Іоанна въ созваніи перваго земскаго собора возникаетъ на основаніи двухъ источниковъ.

Первый источникъ — разсужденіе инока Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами [1]). Изъ неопредѣленныхъ выраженій Вассіана нельзя выводить заключенія, что среди боярства еще до Грознаго носилась мысль о необходимости участія земства въ дѣлахъ земли Русской. Вотъ сильнѣйшія мѣста изъ разсужденія Вассіана, которыя могутъ смущать изслѣдователей: 1) „А царемъ и великимъ княземъ достоитъ изъ міру всякія доходы своя съ пощадою имати, дѣла дѣлати милосердно со всѣми князи и съ боляры, и съ прочими міряны, а не съ иноки“. 2) „Не съ иноки Господь повелѣлъ царемъ царство и грады съ волостьми держати и власти имѣти со князи, съ боляры и съ прочими съ міряны, а не съ иноки“. 3) „А царемъ съ бояры и съ ближними своими пріятели о всемъ совѣтовати, крѣпко на крѣпко думати“. Это третье мѣсто изъ разсужденія Вассіана очень замѣчательно; оно невольно наводитъ на мысль, что и въ первыхъ двухъ мѣстахъ слово міряне имѣетъ болѣе тѣсное значеніе—ближніе пріятели. Ультрабоярскія тенденціи Голицыныхъ, потомковъ Патрикѣевыхъ, изъ роду которыхъ былъ Вассіанъ, под-

---

[1]) Оно напечатано въ *Чтеніяхъ* Московск. Истор. Общества 1859 г., кн. 3.

тверждаютъ нашу мысль; въ родахъ княжескихъ и боярскихъ у насъ, до нѣкоторой степени, можно прослѣдить ту же наслѣдственность тенденцій, которую исторія замѣчаетъ въ фамиліяхъ британской или римской знати. О тенденціяхъ Голицыныхъ будетъ сказано въ 3-й главѣ настоящаго изслѣдованія; политическія ультрабоярскія тенденціи самого Вассіана ясны изъ дѣла, за которое онъ пострадалъ, и казни стромиловцевъ, все дьяковъ да дѣтей боярскихъ, которыхъ князья Ряполовскіе и Патрикѣевы за то и преслѣдовали, что они осмѣливались оспаривать исключительное право князей-бояръ быть совѣтниками государя. Участіе Патрикѣевыхъ въ этой казни ясно, ибо торжество ихъ сопровождалось казнію стромиловцевъ точно также, какъ торжество сторонниковъ послѣднихъ повело къ казни Ряполовскихъ и къ паденію Патрикѣевыхъ (см. гл. I). Откуда же у Вассіана явилась нѣжность къ земщинѣ?

Второй источникъ—такъ-называемая Бесѣда Валаамскихъ старцевъ. Въ половинѣ XVI в., какъ думаютъ изслѣдователи, неизвѣстный книжникъ изъ Великаго Новгорода вложилъ протесты противъ московскаго владычества въ уста Сергія и Германа, основателей Валаамской обители; въ этомъ апокрифическомъ сказаніи Сергій и Германъ обращаются къ русскимъ самодержцамъ съ наставленіями, которыя проникнуты однимъ духомъ съ идеями инока-князя Вассіана. „Подобаетъ“, говорится въ этомъ наставленіи,—„царемъ съ пощадою изъ міру собирати всякіе доходы и дѣлати дѣла милосердносъ разсужденіемъ, а не гнѣвно и по наносу“ (см. выше 1-й пунктъ мнѣній Вассіана). Слова, прибавленныя къ словамъ инока-князя, дѣйствительно какъ бы относятся ко времени Грознаго, когда наносы, по нынѣшнему доносы, усилились чрезмѣрно. Но далѣе въ апокрифическомъ посланіи Сергія и Германа встрѣчаются идеи, идущія въ разрѣзъ съ исторіей русскаго боярства вообще, и княжескаго его слоя въ особенности. Посланіе совѣтуетъ „святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ и православнымъ благочестивымъ папамъ (sic) и преосвященнымъ митрополитомъ и всѣмъ священноархіепископомъ и епископомъ и преподобнымъ архимандритомъ и игуменомъ и всему священническому и иноческому чину благословити царей и великихъ князей на единомысленный вселенскій совѣтъ и съ радостію царю воздвигнути и отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безъ величества и безъ высокоумныя гордости, со христоподобною смиренною мудростію, безпрестанно всегда держати погодно

при собѣ ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ и добрѣ распросити царю самому... про всякое дѣло міра“...

Все это прекрасно; но всѣ дѣйствія боярства въ Смутную эпоху какъ разъ противорѣчатъ наставленію о единомысленномъ вселенскомъ совѣтѣ. Притомъ же въ одномъ мѣстѣ апокрифическаго сказанія встрѣчается выраженіе валитовымъ разумомъ. Слово валитовой не измѣненное ли польское слово walowity, то-есть, сильный, многочисленный? Не измѣнено ли и не добавлено ли апокрифическое посланіе Сергія и Германа въ XVII в. послѣ Смутнаго времени, подъ польскимъ вліяніемъ? Какъ въ него попали благочестивые православные папы? Кажется, что оно написано не ante hoc, а post hoc, и служитъ выраженіемъ мнѣній какого-нибудь небольшаго литературнаго кружка того времени, если не выраженіемъ личнаго мнѣнія его составителя [1]). Кромѣ того, если подобное мнѣніе можно кому приписать, то развѣ партіи земской, представителемъ которой въ Смутную эпоху былъ дворянинъ Прокопій Ляпуновъ.

Жестокое преслѣдованіе боярства въ Москвѣ въ царствованіе Грознаго сильно повліяло на отношенія между Восточною и Западною Русью. Оно ускорило сліяніе великаго княжества Литовско-Русскаго съ Польшей. Это сліяніе въ свою очередь усилило магнатскій элементъ въ Польшѣ. Усиленіе же этого элемента фактически подавило демократическое равенство шляхты. Равенство осталось только въ одинаковомъ правѣ тѣснить крестьянина. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ объясненіе факта усиленія магнатства въ Польшѣ послѣ Люблинской уніи.

Послѣ присоединенія юго-западной Руси къ Литвѣ удѣльныя княжества еще продолжали существовать; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ продолжали княжить Рюриковичи, отъ которыхъ произошли знаменитыя магнатскія фамиліи: князья Четвертинскіе, Друцкіе-Любецкіе, Острожскіе и др. Отъ Гедиминовичей произошли: князья Чарторыйскіе, Сангушки, Любомірскіе, Вишневецкіе и пр. Радзивилы ведутъ свой родъ отъ древнѣйшихъ до—гедиминовскихъ литовскихъ князей, но княжескій титулъ получили отъ Германо-Римскаго императора. Потомки знатныхъ юго-западныхъ дружинни-

---

[1]) О бесѣдѣ Валаамскихъ старцевъ см. *Православный Собесѣдникъ*, изд. Казанской духовной академіи, часть первая, за 1863 г., статью: Земское (народное и общественное) направленіе русской духовной письменности въ XVI в.

ковъ также заняли видное мѣсто среди польской знати, какъ напримѣръ, Сапѣги, Тышкевичи и др. Польскіе магнаты хорошо понимали, какую силу получатъ они надъ остальною шляхтой вслѣдствіе сліянія съ литовско-русскими князьями и боярами, и потому такъ настойчиво къ нему стремились. Въ 1569 году, въ годъ разгрома Твери и похода Грознаго на Новгородъ, совершилось это сліяніе на Люблинскомъ сеймѣ. Замѣчательно, что на этомъ сеймѣ чисто-литовская аристократія была противъ сліянія, и самый сеймъ въ Люблинѣ, спеціально созванный для этой цѣли, созванъ былъ только тогда, когда умеръ самый ярый противникъ сліянія, князь Николай Радзивилъ Черный. Но и по смерти Николая Радзивила, чисто-литовская аристократія только тогда перестала на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года сопротивляться сліянію съ Польшею, когда увидала, что русская знать не поддерживаетъ ея. Такое поведеніе русской знати Соловьевъ приписываетъ тому обстоятельству, что русскимъ было все равно, быть ли въ соединеніи съ Литвой, или съ Польшею. Могла ли такъ разсуждать западно-русская знать послѣ 1564 года, то-есть, послѣ бѣгства Курбскаго? Могла ли она равнодушно относиться къ тѣмъ ударамъ, которые выносило московское боярство?

Пріемъ, оказанный Курбскому и цѣлому ряду князей, которые бѣжали въ Литву, свидѣтельствуетъ, что западно-русское боярство понимало солидарность своихъ интересовъ съ интересами московскаго боярства. Король и магнаты приняли Курбскаго съ распростертыми объятіями, надѣлили богатыми маетностями, и Курбскій въ средѣ магнатовъ, съ перваго шага въ Литву, становится своимъ человѣкомъ. Вообще до конца XV столѣтія западно-русскіе князья, Рюриковичи и Гедиминовичи, по слѣдамъ южно-русскихъ дружинниковъ, охотно шли на службу къ великому князю Московскому; но со времени паденія Патрикѣевыхъ и казни Ряполовскихъ, только Глинскіе, потомки татарскаго мурзы, вступили на службу великаго князя Московскаго. До конца XV вѣка въ Западной Руси одинаково было сочувствіе князей и народа къ Москвѣ; съ конца XV вѣка сочувствіе народа къ Москвѣ осталось то же, а князья и дружинники потянули къ Польшѣ. Знаменитѣйшіе изъ князей Рюриковичей— Острожскіе, извѣстные ревнители православія, являются самыми заклятыми врагами Москвы. Значеніе Острожскихъ въ Литовско-Русскомъ княжествѣ было громадно. Острожскіе владѣли 24 городами, 10 мѣстечками; въ ихъ владѣніяхъ находилось 600 православныхъ церквей; доходы простирались до 1.800,000 нынѣшнихъ рублей;

гвардія ихъ состояла изъ полутора тысячъ дворянъ; они имѣли своихъ бояръ, маршаломъ двора былъ польскій сенаторъ. Понятно, какъ такія фамиліи, ставъ въ ряды польской аристократіи, усиливали ея значеніе. Эта обстановка относится къ XVI вѣку; но если читатель припомнитъ знаменитаго Родіона Нестеровича, который изъ Волыни пришелъ къ Калитѣ и привелъ съ собою 1700 человѣкъ княжатъ, дѣтей боярскихъ и вообще дружины, то ему станетъ ясно, какъ издревле было многолюдно дружинное сословіе на югѣ Русской земли. Это было наслѣдіе кіевскаго удѣльно-вѣчеваго періода, и оно-то снабдило въ достаточномъ количествѣ сѣверную Русь родоначальниками дворянскихъ фамилій. Наслѣдія оказалось достаточно и на созданіе многочисленной шляхты въ Западной Руси, отошедшей сначала къ Литвѣ, а потомъ къ Польшѣ. Западно-русская шляхта, потомство гридней, отроковъ, дѣтскихъ, вообще младшей дружины, точно также потянула къ Польшѣ, когда въ Москвѣ разыгралась кровавая борьба съ притязаніями боярства. Бѣгство Курбскаго въ 1564 г., грамоты Грознаго отъ 3-го января 1565 г., гроза 1569 г. вполнѣ объясняютъ поведеніе западно-русскаго боярства въ Люблинѣ въ 1569 году, вполнѣ выясняютъ причину торопливости западно-русскаго боярства ускорить унію съ Польшею: западно-русское боярство знало, что казнями бояръ сочувствіе народа къ Москвѣ не только не уменьшилось, а возросло; поэтому, опасаясь притягательной силы Москвы для народа, оно спѣшило укрыться отъ грозы въ уніи съ Польшею. Тогда-то изъ Польши и Литвы посыпались памфлеты противъ Грознаго, и, вѣроятно, тогда же единовременно и въ Москвѣ, и на Волыни ковались зачатки крамолы, которые породили такъ-называемое Смутное время. Россія и Польша съ этой поры пошли различными путями, православные паны западно-русскіе — Сапѣги, князья Рожинскіе и другіе—въ Смутную эпоху приняли дѣятельное участіе въ разрушеніи дѣла Грознаго, но безуспѣшно [1]). Изъ этого бѣглаго очерка положенія потом-

---

1) Усиленіе въ Польшѣ собственно аристократическаго элемента послѣ Люблинской уніи наглядно доказывается тѣмъ очевиднымъ фактомъ, что въ собственной Польшѣ не было ни одной *польской* княжеской фамиліи. Всѣ княжескія фамиліи Польши—литовскаго и русскаго происхожденіи. И это произошло оттого, что въ Польшѣ не осталось князей Пястовъ. A priori можно положительно сказать, что отсутствіе потомства удѣльныхъ князей въ Польшѣ, не разрушая единства дружины, повело къ pacta conventa.

ковъ Владиміра Святаго и Гедимина и потомковъ сильныхъ дружинниковъ и отношеній ихъ къ Москвѣ и къ Польшѣ ясно видно, что историкъ эпохи Грознаго долженъ одновременно внимательно слѣдить за событіями и въ Западной, и въ Восточной Руси. Иначе не можетъ быть вполнѣ понята не только эпоха Грознаго, но и Смутное время, и XVII вѣкъ вообще, обзоръ которыхъ мы сдѣлаемъ въ слѣдующей главѣ.

III.

Русское боярство въ Смутное время и въ концѣ московскаго періода.

Въ предшествующей главѣ мы видѣли доказательства большаго ума Грознаго и его глубокаго пониманія опасныхъ замысловъ олигархіи, его стремленіе прекратить вмѣшательство духовенства въ дѣла государства. Та сторона переписки Грознаго съ Курбскимъ, на которую мы указали, рисуетъ многія дѣла его царствованія въ другомъ видѣ: то, что̀ приписывалось историками боярамъ, оказывается дѣломъ Грознаго; историки надѣлили бояръ мужествомъ, его обвиняли въ трусости; но выше читатель видѣлъ доказательства противнаго. Напрасно—говоритъ Костомаровъ—мы пытались бы создать изъ Грознаго образъ демократическаго государя. Выраженіе демократическій государь неясно и робкихъ людей можетъ напугать призраками. Это выраженіе, кажется, направлено было на Кавелина, по поводу его статьи о юридическомъ бытѣ древней Руси. Слова „демократическій государь“ могутъ быть истолкованы весьма неправильно, въ ущербъ правдѣ и защитникамъ Грознаго. Смѣшно было бы кому-нибудь приписывать мысль, что Грозный былъ демократъ въ вульгарномъ значеніи этого слова; но онъ былъ врагъ олигархіи, государь, который стремился выдвинуть заслугу на мѣсто породы, дабы обезпечить дальнѣйшее развитіе народа, и только въ этомъ смыслѣ онъ, подобно Петру Великому, былъ государь демократическій. Мы видѣли, какъ произвольно высказано было мнѣніе, что люди высшаго сословія въ Московскомъ государствѣ не стояли враждебно къ низшимъ сосло-

віямъ; произвольность этого мнѣнія еще болѣе обнаруживается дѣлами боярства въ такое время, когда оно двигало событіями.

Близость неминуемой смуты по смерти Грознаго была очевидна для современниковъ. Флетчеръ, въ замѣнъ вѣрности фактовъ, даетъ намъ возможность знать, что̀ говорили въ Москвѣ во время его тамъ пребыванія, то-есть, въ царствованіе Ѳедора Іоанновича. По слухамъ, имъ собраннымъ, онъ указываетъ даже исходный пунктъ, отъ котораго пойдетъ смута. Вотъ его слова: „Младшій братъ царя, дитя лѣтъ шести или семи, содержится въ отдаленномъ мѣстѣ отъ Москвы... Но, какъ слышно, жизнь его находится въ опасности отъ покушеній тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя. Кормилица, отвѣдавшая прежде него какого-то кушанья, какъ я слышалъ, умерла сокропостижно“. Ничего подобнаго не бывало, кормилица не умирала: опасность для жизни царевича таилась въ его болѣзненности; но для насъ важно указаніе, что уже тогда, въ виду возможности прекращенія дома Калиты, были люди, простиравшіе свои виды на престолъ. Предвидѣть же прекращеніе дома Калиты было не трудно. Наслѣдникъ Грознаго, царь Ѳедоръ Іоанновичъ, былъ слабъ умомъ и болѣзненъ тѣломъ; царевичъ Димитрій, отъ Маріи Нагой, былъ также болѣзненъ, и не мудрено: его мать, отъ самаго его зачатія до рожденія, находилась въ постоянномъ страхѣ быть сосланною въ монастырь, ибо Іоаннъ въ ту пору сватался за Марію Гастингсъ. Царевичъ уже въ раннемъ дѣтствѣ страдалъ падучею болѣзнью, наслѣдіемъ того страха его матери, въ которомъ она находилась во время беременности имъ.

Поэтому не мудрено, что вскорѣ по смерти Грознаго и объявились будущіе династы, претенденты на престолъ. Это явленіе, неопредѣленно указанное Флетчеромъ, прекрасно выяснено Соловьевымъ (Ист. Росс., т. VII, изд. 3-е, стр. 232, 233 и слѣд.). Претендентами въ Смутную эпоху явились: Рюриковичъ князь В. И. Шуйскій, потомокъ Всеволода III и Александра Невскаго; Гедиминовичъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, по женской линіи потомокъ Донскаго; изъ боярскихъ родовъ кандидатами на престолъ явились родственники Грознаго и его сына—Борисъ Годуновъ и Романовы. Другіе историки не обратили вниманія на эти кандидатуры, и потому для нихъ закрытъ былъ одинъ изъ источниковъ смутъ. Эти же кандидатуры бросаютъ свѣтъ и на взаимныя отношенія членовъ высшаго сословія вслѣдствіе двойственнаго происхожденія его членовъ

отъ мужей дружинныхъ и отъ удѣльныхъ князей и вслѣдствіе новаго раздвоенія потомства послѣднихъ на князей изъ дома Владиміра Святаго и князей изъ дома Гедиминова.

Въ годъ смерти Грознаго, еще на свѣжей могилѣ его, былъ пущенъ въ ходъ слухъ, взволновавшій Москву. Въ этомъ слухѣ предначертанъ былъ уже и дальнѣйшій ходъ смуты. Слухъ, пущенный въ народъ, направленъ былъ на Бориса Годунова изъ среды его сотоварищей въ верховной думѣ. Грозный, зная неспособность Ѳедора, учредилъ верховную думу, родъ регентства, изъ пяти человѣкъ. Членами оной были слѣдующіе бояре: князь Мстиславскій, знатный, но ничтожный человѣкъ; князь В. И. Шуйскій; Никита Романовичъ, братъ царицы Анастасіи; Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ и Богданъ Бѣльскій. Такимъ образомъ Грозный далъ въ думѣ перевѣсъ своимъ родственникамъ по женѣ и невѣсткѣ, ибо Богдана Бѣльскаго, родственника Годунова, можно причислить къ царскимъ родственникамъ. Притомъ же Бѣльскій былъ и близкимъ родственникомъ Малюты Скуратова-Бѣльскаго. Противъ Бѣльскаго и началась интрига, которая думала повалить разомъ Бѣльскаго и Годунова. Распустили слухъ, будто Бѣльскій, отравивъ Грознаго, мыслитъ погубить и Ѳедора, истребить всѣхъ бояръ и возвести на престолъ Годунова. Бѣльскій, по требованію народа, былъ удаленъ изъ Москвы. Никоновская лѣтопись, въ простодушномъ разказѣ своемъ, указываетъ и на виновниковъ слуха: „Діаволъ вложи мнѣніе въ народѣ, яко Бѣльской со своими совѣтники извелъ царя Іоанна Васильевича и царство Московское прочитъ совѣтнику своему, Борису Годунову: начальницы же, глаголютъ, тому (подразумѣвай: слуху) по заводу Шуйскихъ бояръ, были рязанцы Ляпуновы и Кикины“ (Карамзинъ, т. X, пр. 10). Всѣ эти лица, какъ извѣстно, играютъ видную роль въ Смутную эпоху. Ляпуновы долго были на сторонѣ Шуйскаго, пока, по смерти князя М. В. Скопина-Шуйскаго, не перешли на сторону кн. В. В. Голицына. Обозначившіеся династы тогда же стали подбирать себѣ и подходящія партіи. Шуйскіе имѣли большую партію среди бояръ и сословія дѣтей боярскихъ тѣхъ областей, въ которыхъ гроза Іоаннова времени не заглушила мѣстныхъ особенностей и стародавней вражды къ Москвѣ. Поэтому онъ умѣлъ склонить на свою сторону и гордыхъ рязанцевъ.

Голицыны выступаютъ открыто на сцену исторіи Смутнаго времени въ эпоху появленія перваго самозванца. Притязаніе ихъ на престолъ, основываясь на родствѣ съ домомъ Калиты, получало большое значеніе и отъ родства съ королевскимъ домомъ Ягелло-

новъ, по общему происхожденію и Голицыныхъ, и Ягеллоновъ отъ Гедимина. Гедиминовичи не принимали участія въ борьбѣ князей изъ дома Владиміра Святаго съ Грознымъ, и замѣчательно, что въ царствованіе его никто, не только изъ Голицыныхъ, но вообще изъ Гедиминовичей, не пострадалъ, за исключеніемъ пятнадцатилѣтняго князя Михаила Трубецкаго, о казни котораго говоритъ Курбскій. Да и это извѣстіе очень сомнительно; мы видѣли, какъ Курбскій казнь Гедиминовича Бѣльскаго приписалъ Іоанну, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что Бѣльскій былъ замученъ боярами. Князь Курбскій писалъ въ Польшѣ, гдѣ было довольно магнатовъ изъ дома Гедимина, которыхъ негодованіе противъ Грознаго онъ могъ возбудить еще болѣе разказами о казни ихъ единокровныхъ. Однако весь ходъ борьбы Московскихъ князей съ боярами противорѣчитъ словамъ Курбскаго. Самое возвышеніе Гедиминовичей государями изъ дома Калиты было слѣдствіемъ желанія ихъ ослабить значеніе потомства удѣльныхъ князей изъ дома Владиміра Святаго. Только Патрикѣевы при Иванѣ III и при Василіи III, въ лицѣ Вассіана, пострадали въ борьбѣ за боярскія притязанія. Но и тутъ Гедиминовичей щадили, видя въ нихъ соперниковъ князьямъ изъ дома Владиміра Святаго. За что̀ Рюриковичамъ-Ряполовскимъ рубили головы, за то же самое Вассіанъ Патрикѣевъ отдѣлался постриженіемъ въ монахи.

При Грозномъ Гедиминовичи держались въ сторонѣ уже и потому, что вождями боярства стали Рюриковичи Шуйскіе, низвергнувшіе съ первыхъ мѣстъ и погубившіе Гедиминовичей Бѣльскихъ. Но Грозный для умаленія значенія княжескаго титула, какъ Рюриковичей, такъ и Гедиминовичей, прибѣгнулъ къ другой мѣрѣ—къ щедрой раздачѣ княжескихъ титуловъ знатнымъ татарамъ, принимавшимъ крещеніе. Сперва изъ крещеныхъ татаръ титулы князей давались только татарскимъ царевичамъ и ханамъ: мурза Четъ, предокъ Годунова, не получилъ княжескаго титула; но при Грозномъ и его преемникахъ на раздачу этого титула не скупились. За татарскими князьями послѣдовали князья мордовскіе, мещерскіе, калмыцкіе, грузинскіе и проч.

Такой же разладъ, въ самомъ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича обнаружился и въ средѣ ближайшихъ родственниковъ Іоанна Грознаго, между Романовыми и Годуновыми. Случайная смерть Никиты Романовича, брата Анастасіи, старшаго члена фамиліи Романовыхъ, дала перевѣсъ Б. Ѳ. Годунову; но противъ этого перевѣса возстали племянники Анастасіи, сыновья Никиты—„Никитичи“, какъ

ихъ звали въ народѣ [1]). Городское московское простонародье видимо склонялось къ Никитичамъ, ибо это простонародье столько же чтило память Анастасіи, сколько ненавидѣли ее въ боярской средѣ.

Б. Ѳ. Годуновъ, съ своей стороны, сталъ искать опоры въ служиломъ сословіи, въ дѣтяхъ боярскихъ и, какъ все еще продолжаютъ утверждать, ради пріобрѣтенія расположенія этого сословія прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ. Въ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ Годунова обвиняетъ заклятый его врагъ, В. И. Шуйскій; слѣдовательно, обвиненіе это требуетъ тщательнаго просмотра. Дѣло прикрѣпленія крестьянъ объясняется такимъ образомъ: Государство нуждалось въ вооруженной оборонѣ, главную основу которой составляли дворяне и дѣти боярскіе, получавшіе за свою службу помѣстья. За эти помѣстья они обязаны были по первому призыву царя являться на службу „конны, людны и оружны“. Исполненіе такой повинности требовало постоянныхъ доходовъ, которые добыть служилому сословію было трудно, ибо крестьяне, пользуясь правомъ перехода, охотнѣе шли къ большеземельнымъ владѣльцамъ, къ боярамъ, дававшимъ имъ болѣе льготъ. Въ Западной Руси, въ великомъ княжествѣ Литовско-Русскомъ было подобное же явленіе. Тамъ неудобства этого явленія отстранили закономъ, по которому землевладѣлецъ, давшій крестьянамъ болѣе льготъ, чѣмъ другіе землевладѣльцы, подвергался штрафу. Такой порядокъ не только не помѣшалъ, но еще помогъ закрѣпленію крестьянъ въ Западной Руси, сплотивъ земледѣльческій классъ общею выгодою, солидарностію интереса. Въ Московской Руси дѣло совершилось указомъ 1597 года. Закрѣпленіе крестьянъ относятъ за

---

[1]) Никитичами называли ихъ даже въ лѣтописяхъ. Авраамій Палицынъ, въ Сказаніи объ осадѣ Троицкой Лавры, описавъ моръ и голодъ, прибавляетъ, что Богъ казнилъ Годунова „все за сихъ Никитичевъ“. Названія, которыя считаются въ наше время неприличными, не были такими въ то время; напротивъ того, заслужить отъ народа родственно-простодушныя названія „царица Настасья“, „Никитичи“ было, со стороны Романовыхъ, дѣломъ важнымъ. Эти прозвища были первыми ступенями къ престолу. Великіе князья до Грознаго писались Иванами, царицы—Марьями; дочерей княжескихъ, боярскихъ называли въ актахъ дѣвками. Что касается до уменьшительныхъ именъ, то просто смѣшно приписывать ихъ московскому деспотизму. Въ Галицкой Руси уменьшительными именами назывались сановники-палатины и князья, напримѣръ, Перемышльскій палатинъ Грицко Косяковичъ, Львовскій—Бориско Кракула; князь Владиміръ Володаревичъ, отецъ Ярослава Осмомысла, извѣстенъ подъ именемъ Владимірка. Не забудемъ и князя Василька.

нѣсколько лѣтъ до этого указа, на основаніи одной ссылки въ немъ. Съ исторической точки зрѣнія нужно однако замѣтить слѣдующее: указъ 1597 года закрѣплялъ крестьянъ de jure, но de facto попытки закрѣпленія начались давно. Первый примѣръ поданъ былъ монастырями, въ томъ числѣ и Троицкою лаврою, которая между прочимъ еще у Василія Темнаго выпросила себѣ право удерживать на нѣкоторыхъ своихъ земляхъ крестьянъ, нанимавшихся на работу. Такой примѣръ нашелъ себѣ подражателей и въ средѣ мірскихъ людей. Нѣкоторые бояре стали насильно удерживать крестьянъ на своихъ земляхъ. Можно думать—говоритъ Соловьевъ—что подобныя насилія не были рѣдкими случаями. Какъ бы то ни было, формальное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было важнымъ орудіемъ смуты, давъ оружіе врагамъ Бориса. Годуновъ, вступивъ на престолъ и хорошо зная положеніе дѣлъ, старался смягчить указъ 1597 года; но уже было поздно: бояре воспользовались этимъ указомъ, чтобы поселить въ крестьянствѣ недовѣріе къ царю Борису. Въ указѣ царя В. И. Шуйскаго, изданномъ по такому же поводу, говорится, что царь Ѳедоръ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ. Но на слова Шуйскаго вообще полагаться нельзя, а тѣмъ менѣе въ данномъ случаѣ, ибо мы имѣемъ доказательство, что въ началѣ царствованія Ѳедора Іоанновича предлагалась другая мѣра для обезпеченія служилыхъ людей. Именно въ 1584 году на церковномъ соборѣ рѣшено было уничтожить тарханы; но духовенство неохотно согласилось на уничтоженіе тархановъ, которые въ томъ же году и были возстановлены. Соловьевъ (Ист. Р., т. VII, стр. 365), не извѣстно почему, въ этомъ тарханномъ дѣлѣ видитъ приготовительную мѣру къ прикрѣпленію крестьянъ. Отмѣна тархановъ въ 1584 г. и возстановленіе ихъ въ томъ же году нельзя понять, если соборное постановленіе 1584 г., состоявшееся при самомъ воцареніи Ѳеодора Іоанновича, разсматривать безъ связи съ соборнымъ постановленіемъ 1580 г., состоявшимся при Грозномъ. Соборнымъ постановленіемъ 1580 г. за іерархами и за монастырями оставлены вотчины, которыми они владѣли еще до 1580 г., хотя бы эти вотчины и не были утверждены крѣпостями. Но далѣе прибавлено: „А отъ сего дни впередъ, зъ генваря пятого надесять дня, вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не давати, а давати за нихъ въ монастыри денги, которое село чего судитъ; а село имати вотчинникомъ, хотя кто и далеко въ роду: а будетъ у кого роду не

будетъ ни далнего, и та вотчина имать на государя, а денги за нее платити исъ казны“ (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, № 200). Этимъ соборнымъ постановленіемъ предписывалось митрополитамъ, владыкамъ и монастырямъ не покупать земель и закладней не держать, всѣ закладни взяты на государя, и впредь запрещено имѣть княженецкія вотчины, взятыя же впредь княженецкія вотчины велѣно отбирать безденежно. Митрополитамъ, владыкамъ, монастырямъ запрещено прибавливати землю, то-есть, положенъ былъ предѣлъ увеличенію церковныхъ поземельныхъ имуществъ. Соборная приговорная грамота 1584 г. есть не что иное, какъ повтореніе грамоты 1580 г., съ прибавленіемъ отмѣны тархановъ, отъ которыхъ великая тощета воинскимъ людямъ пріиде; но въ той же грамотѣ сдѣлана оговорка, допущенная новымъ правительствомъ и предвѣщавшая скорое возобновленіе вреднаго учрежденія. Эта оговорка сказана въ трехъ словахъ объ отмѣнѣ тархановъ: пока земля поустроитца, то-есть, отмѣнить тарханы на время, пока не устроится земля, не поправится. Поэтому въ данномъ постановленіи слѣдуетъ видѣть никакъ не приготовительную мѣру къ закрѣпленію крестьянъ, а скорѣе желаніе отвратить его; но допущеніе означенной оговорки испортило все дѣло (тамъ же, № 202). Если указъ 1597 года былъ не первый, то по смыслу его первый указъ объ укрѣпленіи крестьянъ былъ не ранѣе 1592 года. А отъ 1584 по 1592 годъ включительно прошло восемь лѣтъ, и въ эти годы исторія не замѣчаетъ усилій Годунова закрѣпить крестьянъ. Очень вѣроятно, что онъ, не видя возможности провести другія мѣры для обезпеченія служилаго сословія, согласился на закрѣпленіе крестьянъ и на изданіе указа 1597 года. Годуновъ-правитель, имѣя множество враговъ среди боярства, не счелъ возможнымъ вооружать противъ себя и духовенство, которое также желало закрѣпленія. Историки, съ предубѣжденіемъ смотрящіе на Б. Ѳ. Годунова, видятъ хитрость въ каждомъ его дѣйствіи. По воцареніи своемъ онъ издалъ указъ, смягчавшій, по его мнѣнію, суровость постановленій 1597 года. Годуновъ, по воцареніи своемъ, дозволилъ снова переходъ крестьянъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ къ мелкимъ же. Это ограниченіе не поправило дѣла, ибо мелкіе землевладѣльцы при переходахъ не давали никакихъ льготъ крестьянамъ. Переходъ для крестьянъ былъ выгоденъ, когда они имѣли право переходить и къ крупнымъ землевладѣльцамъ, имѣвшимъ возможность давать имъ больше льготъ, что̀ побуждало и мелкихъ земледѣльцевъ быть уступчивѣе. Думаютъ,

что этотъ указъ былъ только неудавшеюся хитростію Годунова. Не правильнѣе ли было бы смотрѣть на измѣненія въ указѣ 1597 года, какъ на желаніе поправить ошибку другихъ? Хотя Борисъ Годуновъ при Ѳедорѣ и былъ полновластнымъ правителемъ, но едва ли бы, по вышеизложеннымъ причинамъ, онъ рѣшился выказать свое полновластіе въ дѣлѣ, въ которомъ замѣшался интересъ духовенства. Если Грозному не удалось довести до конца дѣла съ монастырскими имуществами, то какъ могъ рѣшиться вооружить противъ себя духовенство правитель-Годуновъ? Ставъ царемъ, Борисъ проявилъ свой взглядъ на это дѣло нѣсколько рѣшительнѣе. Во всякомъ случаѣ, вина закрѣпленія падаетъ особенно на церковную іерархію, которая не хотѣла отказаться отъ своей привилегіи и облегчить государству устроеніе служилаго сословія, минуя вредную по своимъ послѣдствіямъ мѣру прикрѣпленія крестьянъ къ помѣщичьимъ землямъ. Положить же предѣлъ шатанію крестьянъ, о чемъ яко бы хлопоталъ указъ 1597 года, могли и другія мѣры, кромѣ помѣстнаго закрѣпленія. Бояре же, какъ видно изъ указа Шуйскаго, всю вину закрѣпленія крестьянъ складывали на Годунова. Указъ Шуйскаго высказывалъ официально то, о чемъ давно уже пущены были слухи въ народѣ. Бояре этими слухами, конечно, повредили Годунову, но не менѣе повредили и себѣ, ибо народъ съ Годунова перенесъ вину и на остальное боярство, что̀ и отразилось въ Смутную эпоху.

Бояре, въ лицѣ Шуйскаго, обвиняли Годунова въ указѣ 1597 года; стало быть, они сознавали, что дѣло совершилось нехорошее, незаконное, закабаленіе людей вольныхъ безъ всякаго права съ ихъ стороны и безъ всякой вины со стороны крестьянъ. Зачѣмъ же они не поправили дурнаго дѣла, когда власть перешла къ нимъ въ руки? Обвинивъ Годунова, они еще болѣе усилили тяжелую сторону этого дѣла. Чѣмъ же передъ ними и передъ народомъ провинился правитель и царь Годуновъ? Дальнѣйшія событія выясняютъ все дѣло.

Смутная эпоха имѣетъ весьма важное значеніе для вопроса, насъ занимающаго, ибо сословные интересы и отношенія, естественно, должны были придти въ ближайшее соприкосновеніе въ борьбѣ за престолъ, какъ вслѣдствіе различныхъ взглядовъ представителей кандидатуръ на сословныя отношенія, такъ и вслѣдствіе того, что каждое сословіе, согласно своимъ интересамъ, намѣчало своихъ кандидатовъ.

Рядъ благопріятныхъ обстоятельствъ возвелъ на престолъ Бо-

риса Ѳедоровича Годунова. Большую выгоду онъ имѣлъ передъ другими претендентами, будучи правителемъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, вслѣдствіе чего—думали тогда—передача ему престола могла предохранить Россію отъ междоусобной брани (см. мою статью о смерти царевича Димитрія въ Журн. Мин. Народн. Просв. за іюль и августъ 1873 года). Такъ думалъ патріархъ Іовъ, глава консервативной партіи; такъ думало съ нимъ консервативное большинство; но не могли такъ думать ни Шуйскіе, ни Голицыны, а съ ними всѣ бояре и крестьянство, которому давно выставляли Годунова, какъ виновника уничтоженія права свободнаго перехода крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Могли ли бояре безъ зависти смотрѣть, какъ кравчій царя Ивана Васильевича, зять ненавистнаго имъ Малюты Скуратова, занялъ престолъ? За двадцать лѣтъ до занятія престола, въ 1578 году, Борисъ мѣстничился съ княземъ Сицкимъ, и царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ учинить боярина Б. Ѳ. Годунова многими мѣстами выше князя Василія Андреевича Сицкаго (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. II, стр. 67). Такого приговора не могли забыть потомки удѣльныхъ князей племени Владиміра Святаго. Если потомки Мономаха въ XVII в. ставили себя выше бояръ татарскаго происхожденія, то могли ли эти потомки Мономаха, съ Шуйскими во главѣ, въ концѣ XVI вѣка, равнодушно сносить занятіе престола потомкомъ мурзы Чета? Могли ли, при тогдашнихъ понятіяхъ, остаться равнодушными ко вступленію на простолъ потомка мурзы Шуйскіе, которые даже и домъ Калиты ставили ниже своего рода? [1]) Поэтому-то при враждѣ претендентовъ за престолъ и весьма важенъ вопросъ о самозванцѣ. Соловьевъ (т. VIII, стр. 82 и сл.) довольно подробно останавливается на вопросѣ, кто былъ первый самозванецъ. Онъ начинаетъ съ разбора слуховъ, которые выдавали самозванца за сына Грознаго. Указывая на несообразность такого предположенія, онъ главнымъ образомъ останавливается на слѣдующемъ доказательствѣ нелѣпости этого слуха: „Всѣ извѣстія (о мнимомъ спасеніи царевича Димитрія) согласны въ одномъ, что убійство подмѣненнаго ребенка произошло ночью, тогда какъ намъ достовѣрно извѣстно, что происшествіе случилось днемъ:

---

[1]) О взглядахъ князей племени Владиміра Святаго, кромѣ сказаннаго въ главахъ I и II нашего изслѣдованія, см. еще Русскую Исторію *К. Н. Бестужева-Рюмина*, т. II, стр. 260 и слѣд.

и тѣ показанія, которыя говорятъ, что царевичъ былъ убитъ, и тѣ, которыя утверждаютъ, что онъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни, вполнѣ сходятся въ этомъ обстоятельствѣ; слѣдовательно, не было возможности убійцамъ, потомъ роднымъ царевича и близкимъ къ нему людямъ и углицкимъ гражданамъ обмануться. Если бы даже обманулись сначала, то мертвое тѣло лежало долго передъ глазами всѣхъ, всѣ имѣли возможность увидать свою ошибку". Къ этому неотразимому доказательству нашего историка прибавимъ слова современника, не темнаго лѣтописца, не монаха, далекаго отъ текущей жизни, а государственнаго человѣка, притомъ поляка, для котораго не было нужды, кромѣ потребности правды, указывать на самозванство перваго Лжедмитрія, именно, на канцлера Яна Замойскаго, открыто осмѣявшаго на сеймѣ мнимое спасеніе Димитрія. Тогда всѣ сеймики въ воеводствахъ единодушно порицали Сигизмунда III за поддержку самозванца. Второй вопросъ, который разбираетъ Соловьевъ,—былъ ли самозванецъ сознательнымъ обманщикомъ, или самъ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ сынъ Грознаго. Историкъ приходитъ къ убѣжденію, что самозванецъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе. Въ поведеніи его нельзя, говоритъ Соловьевъ, — не замѣтить убѣжденія въ законности своихъ правъ. Это же мнѣніе раздѣлялъ и Н. И. Костомаровъ; но въ біографическомъ очеркѣ царевны Ксеніи, напечатанномъ за годъ до смерти историка, онъ измѣнилъ это свое мнѣніе и, странно сказать, главнымъ образомъ потому, что Ксенія сдѣлалась жертвою сладострастія самозванца,—какъ будто это былъ новый фактъ для историка, какъ будто онъ этого факта не зналъ, когда писалъ свою диссертацію: „Кто былъ первый Лжедмитрій". Да еще надобно провѣрить, фактъ ли это насиліе, или только слухъ? Что касается до Соловьева, то у него гораздо слабѣе разборъ степени участія поляковъ и іезуитовъ въ этомъ дѣлѣ и разборъ роли Отрепьева. Сначала историкъ какъ бы колеблется признать самозванца Отрепьевымъ, а потомъ все говоритъ объ Отрепьевѣ, какъ о самозванцѣ. На невѣроятность появленія Отрепьева въ роли самозванца въ Москвѣ указалъ уже Московскій митрополитъ Платонъ. Главный источникъ, на которомъ основывалось мнѣніе, что Гришка Отрепьевъ и первый самозванецъ— одно и то же лицо, челобитная монаха Варлаама, очень обстоятельно разобранъ Костомаровымъ. Онъ вполнѣ справедливо называетъ этотъ источникъ мутнымъ и недостовѣрнымъ. Между прочимъ сохранились подписи и Отрепьева, и самозванца. Подпись Отрепьева, совсѣмъ

не сходная съ рукою Лжедмитрія I, сдѣлана на книгѣ Василія Великаго, хранящейся на Волыни въ Загорскомъ монастырѣ (Костомаровъ, Смутное время Московскаго государства, т. II, изд. 1868, стр. 55 и слѣд.). Кромѣ этого, предложимъ сомнѣвающимся одинъ вопросъ: почему бояре, вмѣсто того, чтобы убивать самозванца, не вызвали для его обличенія патріарха Іова, у котораго также служилъ Отрепьевъ? Или зачѣмъ не вызвали они романовскихъ слугъ, товарищей Отрепьева? Если бы самозванца можно было признать за Отрепьева, то нечего и толковать, былъ ли самозванецъ обманщикъ; но Отрепьева, кромѣ Іова, такъ много людей знало въ Москвѣ, что въ роли самозванца онъ туда явиться не могъ. Въ вышеозначенной моей статьѣ „О смерти царевича Димитрія“ я указывалъ на роль, которую, по моему мнѣнію, игралъ Отрепьевъ въ этомъ дѣлѣ; эта роль, сходна съ ролью Молчанова, подготовившаго появленіе втораго самозванца. Что касается до поляковъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, то должно замѣтить, что Сигизмундъ III, ставленникъ іезуитовъ, встрѣтивъ сопротивленіе въ Янѣ Замойскомъ, представителѣ коренныхъ польскихъ магнатовъ, нашелъ пособниковъ главнымъ образомъ въ литовско-русскихъ магнатахъ, въ Сапѣгахъ, Вишневецкихъ; послѣдніе же нашли себѣ хорошее орудіе въ промотавшейся тогда фамиліи, во Мнишкахъ, своихъ родственникахъ, или можетъ быть, правильнѣе будетъ сказать, что промотавшіе и состояніе, и доброе имя Мнишки служили связью между Сигизмундомъ III, литовско-русскими магнатами и Москвою. Борисъ Годуновъ, съ своей стороны, прямо объявилъ московскимъ боярамъ (Соловьевъ, Ист. Росс., т. VIII, стр. 95), что постановка самозванца — ихъ дѣло. Борисъ хорошо понималъ, что самозванецъ былъ единственнымъ страшнымъ орудіемъ въ рукахъ бояръ, что его, Бориса, могли свергнуть съ престола только именемъ сына Грознаго. Итакъ, царь Борисъ понялъ вполнѣ, и откуда шло дѣло, и всю мѣру опасности, которой грозилъ ему призракъ Іоаннова сына. Но, понявъ все это, что̀ показываетъ въ немъ человѣка большаго ума, онъ къ своему несчастію, обнаружилъ невыдержанность характера и некстати прямолинейную откровенность. Сказать боярамъ: „самозванецъ — ваше дѣло“, не имѣя въ рукахъ несомнѣнныхъ уликъ, значило открыть имъ, что для спасенія себя имъ нужно удвоить усилія свергнуть Годунова, что̀ они и сдѣлали. Такая откровенность показала врагамъ Годунова, что ихъ тайна полуоткрыта, а это заставило ихъ вести свои подкопы съ большею сдержанностію, чѣмъ прежде. Тогда-то Борисъ

окончательно потерялъ хладнокровіе, особенно нужное въ его обстоятельствахъ, и на угадъ сталъ наносить удары врагамъ своимъ. Удары эти прежде всего пали на Романовыхъ,—Шуйскіе остались на этотъ разъ въ сторонѣ. Авраамій Палицынъ, говоря, что голодъ, моръ, все послано было Богомъ „за сихъ Никитичевъ“, показываетъ намъ всю мѣру тяжелаго впечатлѣнія, вызваннаго опалою Романовыхъ, и всю мѣру участія къ нимъ. Страшная гибель сына и жены Годунова показываетъ, какую непримиримую ненависть бояре питали къ любимцу Грознаго, къ женѣ его, дочери Малюты Скуратова; но пылъ мщенія прошелъ, жажда мщенія была насыщена, и нужно было подумать, что̀ скажутъ современники и потомки. Отсюда та масса клеветъ, которая обрушилась на Бориса Годунова, какъ бы въ оправданіе страшнаго убійства его сына, царя Ѳедора Борисовича и его матери. А вся вина Бориса состояла въ томъ, что онъ, потомокъ мурзы Чета и зять самаго ужаснаго для бояръ опричника, сѣлъ на престолъ, на который довольно было претендентовъ.

Обманъ слѣдовалъ за обманомъ. Голицыны увлекаютъ войско и вождя его Басманова на сторону самозванца, Шуйскій клянется народу, что названный Димитрій—истинный сынъ Грознаго, В. Голицынъ именемъ самозванца предаетъ жестокой смерти вдову Бориса и его сына. В. И. Шуйскій, производившій слѣдствіе о смерти царевича, видѣвшій его мертвымъ, потомъ клявшійся народу передъ вступленіемъ названнаго Димитрія въ Москву, что это—настоящій сынъ Грознаго, немедленно потомъ составилъ заговоръ противъ этого человѣка, какъ противъ обманщика и плута. Цѣль заговора знали только сообщники Шуйскаго, весьма впрочемъ многочисленные; народъ же поднятъ былъ обманомъ: его увѣрили, что поляки хотятъ убить царя. Народъ, вопреки разнымъ разглагольствованіямъ, любилъ Лжедмитрія. „Многіе“, говоритъ Соловьевъ,—„были за Лжедмитрія, многіе взялись за оружіе при извѣстіи, что поляки бьютъ царя, прибѣжали въ Кремль спасать любимаго государя отъ рукъ враговъ ненавистныхъ, и видятъ его трупъ обезображенный и поруганный, но не поляками, а русскими; слышатъ, что убитый царь былъ обманщикъ, но слышатъ это отъ такихъ людей, которые за минуту передъ тѣмъ обманули ихъ, призвавъ вовсе не на то дѣло, которое хотѣли совершить: обманомъ не бываютъ довольны, его не забываютъ, какъ самую жестокую обиду“. Такимъ-то путемъ обмана и преступленій внукъ ненавистнаго народу олигарха, князя Андрея Шуйскаго, преданнаго

Грознымъ на растерзаніе псарей, сынъ князя Ивана, пропустившаго въ 1570 г. хана, сѣлъ на престолъ царя Іоанна Васильевича. Шуйскіе достигли при благопріятныхъ обстоятельствахъ цѣли, къ которой стремились два вѣка слишкомъ, замѣстили родъ Калиты, выигрывали давно забытое народомъ дѣло великаго князя Димитрія Константиновича. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій въ грамотѣ своей не преминулъ указать на права своей фамиліи. Извѣстно, что Грозный, принявъ царскій титулъ, сталъ выводить свой родъ отъ кесаря Августа. Едва ли могъ онъ вѣрить баснямъ грамотѣевъ, сочинившихъ для него, можетъ быть—и по его желанію, такую родословную. Вѣроятнѣе, что этою баснью онъ хотѣлъ въ глазахъ грамотѣевъ наглядно приравнять себя къ кесарямъ Рима и Византіи. Замѣчательно, что В. И. Шуйскій въ означенной грамотѣ повторилъ эту басню. Вотъ слова В. И. Шуйскаго: „Учинилися есьмя на отчинѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ, егожъ дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего великаго князя Александра Ярославича Невскаго на семъ Россійскомъ государствѣ быша прародители мои, и по семъ на Суздальской удѣлъ раздѣлишась, не отнятіемъ и не отъ неволи, но по родству, якожъ обыкли большая братья на большая мѣста сѣдати“ (Собраніе государственыхъ грамотъ и договоровъ, т. II, № 141).

Послѣднія слова грамоты: „якожъ обыкли большая братья на большая мѣста сѣдати“ даютъ ключъ къ пониманію той роли, какую игралъ родъ Шуйскихъ въ нашей исторіи. Въ нихъ ясно говорится, что предки ихъ сидѣли на суздальскомъ столѣ по праву старшихъ братьевъ, ибо суздальскій столъ считался старшимъ передъ прочими сѣверными столами. Поэтому Суздальскіе князья, по старо-княжескимъ расчетамъ, считали и титулъ великаго князя Владимірскаго своею неотъемлемою собственностью. Мы уже напоминали читателю, что Шуйскіе вели свой родъ отъ Андрея, старшаго сына Невскаго, а Московскіе князья—отъ Данила, младшаго сына Невскаго. Съ этой точки зрѣнія князья и смотрѣли на борьбу Суздальскихъ князей Константина, Димитрія Константиновичей и ихъ потомковъ съ родомъ Калиты. Мы говорили уже, что Шуйскіе не могли забыть правъ своихъ; они видѣли въ князьяхъ дома Калиты узурпаторовъ, которые заняли мѣсто старшихъ братьевъ. Безъ сомнѣнія, преслѣдованіе Шуйскими своихъ цѣлей имѣло громадное вліяніе на весь ходъ борьбы

боярскихъ притязаній съ Грознымъ; эта фамилія вносила въ эту борьбу много энергіи и въ то же время, можетъ быть, давала ей одностороннее направленіе.

Со вступленіемъ В. И. Шуйскаго на престолъ смута усилилась. Изъ боярскихъ палатъ она перешла въ народъ, правленіе Шуйскаго еще болѣе развило смуту. Боярами при составленіи заговора рѣшено было, что Русское царство будетъ управляться общимъ совѣтомъ. Это неопредѣленное выраженіе, довольно іезуитское, и погубило Шуйскаго, наложивъ печать двоедушія на все его царствованіе. Выраженіе „Общій совѣтъ“ могло имѣть двоякое значеніе. Подъ общимъ совѣтомъ можно было разумѣть и земскій соборъ, и общій совѣтъ однихъ бояръ; поэтому въ одномъ случаѣ Шуйскій даетъ клятву ни надъ кѣмъ не дѣлать ничего дурнаго безъ собору, а въ грамотѣ Шуйскаго эти слова замѣнены выраженіемъ: „Не осудя... съ бояры своими“. Вотъ подлинныя слова грамоты: „Мнѣ, великому государю, всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ людей, хоти которой по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъимати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны“ (Собраніе госуд. гр. и дог., т. II, № 141). Но Василію Ивановичу Шуйскому, свергнувшему Бориса посредствомъ самозванца, готовился такой же ударъ и тѣмъ же орудіемъ. Постановка новаго самозванца рѣшена была быстро: 17-го мая, то-есть, въ самый день гибели перваго самозванца, нѣкто Михайло Молчановъ, одинъ изъ убійцъ Ѳедора Годунова и его матери, скрылся изъ Москвы и бѣжалъ въ Литву. На пути въ мѣстахъ, гдѣ его знали, онъ увѣрялъ, что царь Димитрій спасся, что онъ самъ видѣлъ его спасеніе; тамъ же, гдѣ его не знали, онъ намекалъ, что онъ-то и есть спасенный Димитрій. Такъ было подготовлено продолженіе смуты и появленіе втораго самозванца. Безъ сомнѣнія, Молчановъ дѣйствовалъ по примѣру, уже указанному Отрепьевымъ. В. И. Шуйскій думалъ отстранить смуту причисленіемъ царевича Димитрія къ лику святыхъ. Расчетъ оказался ошибочнымъ, и вслѣдъ за канонизаціей пошелъ слухъ по всей землѣ Русской, что Димитрій спасенъ. При появленіи самозванца В. И. Шуйскій продолжалъ дѣйствовать тѣмъ же орудіемъ, то-есть, святостію царевича, но ему не вѣрили.

Такъ, онъ послалъ въ Елецъ икону съ изображеніемъ царевича, но посланный былъ прогнанъ [1]).

Едва царь В. И. Шуйскій сѣлъ на престолъ Грознаго, какъ въ средѣ партіи, которая доставила ему царскій вѣнецъ, произошелъ расколъ. Боярскій царь, какъ называли В. И. Шуйскаго, отъ бояръ и погибъ, ибо даже и онъ не могъ удовлетворить властолюбивымъ притязаніямъ боярства. Крайняя боярская партія, во главѣ которой стояли князья Вас. Вас. Голицынъ и Куракинъ, не могла быть довольна колебаніемъ В. И. Шуйскаго въ рѣшеніи вопроса управлять царствомъ общимъ совѣтомъ или творить судъ только съ боярами своими. Гедиминовичи Голицыны и Куракины стояли во главѣ бояръ, желавшихъ ограничить власть В. И. Шуйскаго; но они хотѣли ограничить эту власть исключительно въ пользу боярства. Они не думали объ управленіи царствомъ при помощи общаго совѣта, подъ именемъ котораго могъ разумѣться и земскій соборъ, имъ ненавистный, какъ доказали послѣдующія событія. Къ тому же они были не изъ такихъ людей, которые дали бы Шуйскому возможность освободиться отъ ихъ стѣснительнаго вліянія, отъ исключительнаго вліянія бояръ, чего хотѣлъ и на что̀ надѣялся хитрый Шуйскій. Ультра-аристократическіе принципы Голицыныхъ сказались ясно въ не-

---

[1]) Тотъ же В. И. Шуйскій и для той же цѣли велѣлъ перенести тѣло Бориса, его супруги Маріи и сына ихъ Ѳеодора изъ бѣдной обители св. Варсонофія въ знаменитую лавру Сергіеву, чтобы произвести—говоритъ нравоучительно Карамзинъ—омерзеніе къ гнуснымъ убійцамъ Ѳеодора и его матери. Но Карамзинъ забылъ, кто былъ главнымъ виновникомъ насильственной смерти царя Ѳеодора Борисовича и его матери. Не Шуйскій ли клялся, что самозванецъ—истинный сынъ Іоанна, и не по его ли клятвѣ народъ оставилъ Годуновыхъ безъ защиты? Народъ, благодаря его клятвѣ, дозволилъ царя Ѳеодора и его родныхъ перевести въ домъ Годуновыхъ. Этотъ переводъ и рѣшилъ все дѣло, и вотъ этотъ виновникъ гибели Годуновыхъ, внукъ тирана Андрея, сынъ измѣнника Ивана, хочетъ внушить отвращеніе къ убійцамъ Годунова! Развѣ В. Голицынъ и его сообщники дѣйствовали безъ его согласія? Можетъ быть, Шуйскій хотѣлъ себя очистить передъ народомъ, сваливъ всю вину на В. Голицына; но въ такомъ случаѣ онъ совсѣмъ не понималъ людей. В. Голицынъ былъ столь же хитеръ и гораздо рѣшительнѣе его. Дѣйствія Шаховскаго, Телятевскаго, Молчанова доказали Шуйскому, что бывшіе союзники его, а теперь враги, также неразборчивы въ средствахъ, какъ и онъ самъ. Появленіе и успѣхи втораго самозванца, поставленнаго этою партіей, показали, что и они ни передъ чѣмъ не остановятся, чтобы достичь своей цѣли и отомстить врагамъ.

нависти къ Б. Годунову, въ старапіи склонить войско Θеодора Борисовича на сторону самозванца, въ непосредственномъ участіи В. Голицына въ погубленіи семейства Годуновыхъ. Голицыны и партія ихъ, подобно Шуйскимъ, не могли выносить мысли, что потомокъ татарина сѣлъ на престолъ. Уступая престолъ Шуйскому, Голицыны и Куракины надѣялись властвовать съ нимъ сообща, имѣть въ немъ своего царя; но Голицынская партія все-таки не питала довѣрія къ Шуйскому и, какъ замѣчено выше, съ перваго часа царствованія послѣдняго приготовилась къ борьбѣ. Вражда В. В. Голицына къ Шуйскому продолжалась во все царствованіе Василія Ивановича, и въ низверженіи его В. В. Голицынъ принималъ самое дѣятельное участіе и руководилъ Ляпуновыми. Постановка втораго самозванца этою партіей до очевидности доказывается фактами. Молчановъ, одинъ изъ убійцъ Θеодора Годунова и его матери, былъ правою рукою кн. В. В. Голицына, и тотъ же Молчановъ сѣетъ плевелы для новой смуты, то выдавая себя за царя Димитрія, то распуская только слухъ, что царь Димитрій живъ. В. И. Шуйскій хотѣлъ перехитрить своихъ враговъ и выслать главныхъ изъ нихъ съ почетомъ изъ Москвы, назначивъ ихъ воеводами по городамъ; но изъ этихъ враговъ князь Шаховской, назначенный воеводою въ Путивль, дѣйствовалъ въ духѣ Молчанова. Молчановъ на другой день по смерти перваго самозванца бѣжалъ изъ Москвы начинать смуту, а Шаховской въ ту же ночь похитилъ изъ дворца государственную печать и, явясь въ Путивль воеводой, объявилъ, что царь Димитрій живъ. Его сторону принялъ черниговскій воевода, кн. Телятевскій. Всѣ они дѣйствовали по одному плану съ Молчановымъ. Все это показываетъ, что паденіе Шуйскаго предначертано было на всякій случай въ день сверженія самозванца, и что дѣлу данъ былъ полный ходъ, когда обнаружилось вышеозначенное колебаніе боярскаго царя.

Дѣло этой партіи облегчалось и слабостію В. И. Шуйскаго, столь хитраго въ веденіи подкоповъ противъ Б. Годунова и Лжедмитрія и такъ растерявшагося по достиженіи цѣли вѣковыхъ стремленій своей фамиліи. Царь В. И. Шуйскій не зналъ, что̀ и дѣлать со своими пособниками того времени, когда онъ былъ бояриномъ. Уже въ самомъ началѣ его царствованія открытъ былъ заговоръ въ пользу кн. Мстиславскаго; но такъ какъ этотъ знатный бояринъ отъ природы былъ простоватъ, какъ и всѣ члены его фамиліи, то естественно, что стали доискиваться главнаго виновника этого заговора и нашли,

что этимъ виновникомъ былъ Петръ Никитичъ Шереметевъ, котораго Шуйскій казнить однако не смѣлъ и удовольствовался высылкою изъ Москвы, назначивъ его воеводою во Псковъ. Всякаго рода попущенія и послабленія боярамъ и безмѣрно строгія наказанія людямъ простымъ — главная характеристическая черта царствованія Шуйскаго, бывшая причиною ненависти къ нему народа. Между тѣмъ Молчановъ, прибывъ въ Самборъ, съ согласія Марининой матери продолжалъ распускать слухъ, что Димитрій живъ. Шаховской звалъ его въ Путивль, но онъ не могъ долѣе играть роль царя, не обнаруживъ явнаго обмана: его легко могли бы узнать пріѣзжіе изъ Москвы, ибо подобно Отрепьеву, онъ тамъ слишкомъ былъ извѣстенъ. Долго не могли найдти человѣка, который согласился бы взять на себя опасную роль втораго самозванца. Однако, такъ или иначе, а надо было начать движеніе, ибо чернь московская волновалась, доискиваясь, по свидѣтельству современниковъ, лучшаго царя. Князья и бояре, ради своихъ узкихъ стремленій, это исканіе поддерживали; но этою поддержкой они укрѣпляли то дѣло Грознаго, разрушить которое стремились. Они хотѣли уничтожить созданное Грознымъ обаяніе, которымъ царь пользовался въ глазахъ народа; но они не только укрѣпили это обаяніе, они еще усилили его и расширили, разнося его по всѣмъ концамъ земли Русской. Для поднятія своего значенія въ средѣ народа они ничего другаго придумать не могли или не хотѣли. Поэтому князья и бояре хорошо понимали, что имъ самимъ не поднять народа, что до пріисканія втораго самозванца для такого дѣла нуженъ человѣкъ изъ народа. Такой человѣкъ былъ найденъ въ лицѣ Ивана Болотникова.

Личность Болотникова — одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей Смутной эпохи, личность, выказавшая разнообразную даровитость простаго русскаго человѣка, когда онъ путемъ грамотности или бывалости выходитъ изъ непосредственнаго состоянія. Болотниковъ, какъ историческая личность, важенъ въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ—какъ типъ искренняго искателя царя, милостиваго къ народу, и вовторыхъ—какъ игрушка безсовѣстнѣйшей интриги, которую проникнуть онъ не могъ. Личность Болотникова непонята или оклеветана нашими историками.

Бутурлинъ въ своей „Исторіи смутнаго времени“ и Карамзинъ въ своей „Исторіи“ слишкомъ высокомѣрно взглянули на Болотникова, не желая понять, что въ движеніи, имъ вызванномъ, находится разгадка

народныхъ желаній, обнаруженныхъ въ Смутную эпоху. Бутурлинъ, по крайней мѣрѣ, отдалъ нѣкоторую дань уваженія талантамъ Болотникова, а Карамзинъ и къ нимъ отнесся съ высокомѣрною снисходительностію. Соловьевъ и Костомаровъ также мало сдѣлали для выясненія этой личности. Ни одинъ изъ нашихъ историковъ не подвергнулъ критикѣ фактовъ, сообщаемыхъ современниками о дѣятельности Болотникова, и не привелъ ихъ въ связь съ общимъ движеніемъ событій Смутнаго времени, съ отношеніями партій и чаяніями народа. Вслѣдствіе того они не замѣтили одной существенной черты въ характерѣ этого человѣка — искренняго и глубокаго убѣжденія, что онъ сражается за сына Іоанна. Пасторъ Беръ такъ передаетъ первоначальную біографію Болотникова: Въ молодости онъ былъ увезенъ татарами, проданъ туркамъ, у которыхъ работалъ на галерахъ, былъ выкупленъ нѣмцами и отправился въ Венецію, гдѣ его поразили слухи о событіяхъ въ Московскомъ царствѣ. Эти слухи произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ отправился въ Россію черезъ Польшу, откуда его и препроводили въ Самборъ. Его представили человѣку, который называлъ себя Димитріемъ, и спросили, хочетъ ли онъ служить царю противъ его измѣнниковъ, своихъ соотечественниковъ. Болотниковъ изъявилъ готовность, и мнимый Димитрій назначилъ его главнымъ воеводою (polschoj woewoda). Въ разказѣ Бера много неяснаго; а главное, почему Болотниковъ обратилъ на себя такое вниманіе? Кто игралъ тутъ роль царя? Молчановъ, или кто другой? Другіе источники также весьма мало даютъ поясненій къ этой исторіи. Нельзя, однако, пропустить безъ вниманія извѣстія нашихъ лѣтописцевъ о томъ, что Болотниковъ былъ холопомъ князя Телятевскаго, одного изъ воротилъ тогдашнихъ темныхъ дѣлъ. Если онъ и не былъ холопомъ Телятевскаго въ буквальномъ смыслѣ, то могъ ему служить въ его домѣ, какъ служилъ у Романовыхъ Отрепьевъ, родомъ изъ галицкихъ дѣтей боярскихъ. Не мудрено, въ такомъ случаѣ, что Телятевскій, знавшій способности Болотникова, обратилъ на него вниманіе и указалъ его Молчанову, какъ человѣка бывалаго и даровитаго. Болотниковъ далъ клятву служить мнимому Димитрію и не измѣнилъ этой клятвѣ въ такое время, когда знатные люди поочереди измѣняли Борису, Лжедмитрію I, Шуйскому и перебѣгали изъ лагеря въ лагерь. Не Болотникова вина, что онъ не зналъ московскихъ событій и служилъ вмѣсто живаго человѣка его призраку, имени, съ которымъ въ то время связано было много завѣтныхъ крестьянскихъ думъ. Болотниковъ никому не измѣнялъ, но ему постоянно измѣ-

няли, и въ заключеніе онъ былъ обманутъ самимъ В. И. Шуйскимъ. Болотниковъ началъ свою дѣятельность въ Путивлѣ, гдѣ князь Шаховской далъ ему подъ начальство отрядъ, принявъ его, какъ царскаго повѣреннаго. Бѣглые холопы, крестьяне, казаки, разбойники, спасавшіеся въ Сѣверской Украйнѣ, стали немедленно подъ знамена царя Димитрія, именемъ котораго дѣйствовалъ Болотниковъ. Крестьяне и холопы убивали господъ своихъ, а женъ и дочерей брали за себя замужъ; на московскихъ улицахъ появились подметныя письма отъ имени царя Димитрія. Боярская партія, не обращая вниманія на гибель мелкаго дворянства, поднимала эту бурю, въ надеждѣ извлечь изъ народнаго движенія свои выгоды, расчитывая потомъ, по укрощеніи буйной толпы, достигнуть своихъ цѣлей. Большинство замысловъ боярской партіи достигнуто не было, но расчеты на закрѣпленіе крестьянъ оказались вѣрны вслѣдствіе компромисса боровшихся аристократическихъ партій. Расчеты эти увидимъ изъ переговоровъ съ Сигизмундомъ. Города волновались, Шуйскій послалъ князей Воротынскаго и Трубецкаго усмирить Елецъ и Кромы; но Болотниковъ подъ Кромами на голову разбилъ Трубецкаго; Воротынскій бѣжалъ изъ-подъ Ельца. Вслѣдствіе этой побѣды Болотникова поднялось и среднее дворянство, партію котораго обыкновенно называютъ земскою. Боярскій сынъ Пашковъ взволновалъ Тулу, Каширу, Веневъ, дворянинъ Прокопій Ляпуновъ—бывшее Рязанское княжество.

Блистательная личность Прокопія Ляпунова слишкомъ извѣстна, чтобъ останавливаться на ея характеристикѣ; нельзя однако пропустить замѣчанія Соловьева, который говоритъ, что Ляпуновъ, вѣроятно, не имѣлъ никакихъ крѣпкихъ убѣжденій относительно Димитрія — подлинный ли онъ тотъ, который спасся. По мнѣнію названнаго историка, Ляпуновъ возсталъ только по своей энергической природѣ, не умѣя ждать и сносить неопредѣленность положенія. Съ этимъ предположеніемъ трудно согласиться. Невѣроятно, чтобы Ляпуновы, имѣвшіе большія связи въ Москвѣ, столь извѣстные Шуйскимъ, не знали московскихъ событій. Могъ этихъ событій не знать Болотниковъ, бывшій въ началѣ смуты внѣ Россіи и не принимавшій никакого участія въ дѣлахъ того времени; но не могли не знать Ляпуновы, которые уже при Ѳедорѣ Іоанновичѣ вели интригу противъ Богдана Бѣльскаго.

Ляпуновъ былъ представителемъ сословія дѣтей боярскихъ и дворянъ и возсталъ, равно какъ и Пашковъ, въ интересахъ этого сословія. Вслѣдствіе того союзъ ихъ съ Болотниковымъ не могъ быть

проченъ уже по тому одному, что это сословіе еще болѣе держалось за укрѣпленіе крестьянъ, чѣмъ само боярство, менѣе нуждавшееся въ такой мѣрѣ. Болотниковъ, подкрѣпленный Ляпуновымъ и Пашковымъ въ 70-ти верстахъ отъ Москвы, при селѣ Коломенскомъ, разбилъ главную царскую рать подъ начальствомъ князя Мстиславскаго, и сейчасъ же послѣ этой побѣды Ляпуновъ и Сунбуловъ перешли на сторону Шуйскаго, при чемъ Ляпуновъ получилъ санъ думнаго дворянина. Здѣсь на предположеніе Соловьева можно сдѣлать вопросъ: санъ думнаго дворянина не разубѣдилъ ли Ляпунова въ истинности Димитрія? Это полученіе сана думнаго дворянина отъ царя В. И. Шуйскаго, въ сверженіи котораго Ляпуновы принимали потомъ самое дѣятельное участіе, лучше всего показываетъ, что сословные интересы вмѣстѣ съ интересами личными стояли у Ляпунова на первомъ планѣ. Онъ испугался торжества Болотникова, оставилъ его, за что̀ и получилъ санъ думнаго дворянина. Шуйскій звалъ къ себѣ Болотникова, обѣщая ему знатный чинъ; но Болотникова знатный чинъ не прельщалъ. Вотъ его отвѣтъ Шуйскому: „Я далъ душу свою Димитрію и сдержу клятву, буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ“. Это не языкъ обманщика, это языкъ человѣка убѣжденнаго, но—обманутаго. При Болотниковѣ, послѣ перехода Ляпунова и Сунбулова на сторону Шуйскаго, оставался еще Истома Пашковъ съ большимъ отрядомъ дѣтей боярскихъ. Въ битвѣ при Котлахъ въ рѣшительную минуту Пашковъ со своими дѣтьми боярскими измѣнилъ Болотникову, вслѣдствіе чего Скопинъ-Шуйскій, племянникъ царя, остался побѣдителемъ. Что же мы видимъ въ этихъ фактахъ? И дворяне играли Болотниковымъ, какъ бояре; онъ побѣждалъ, они достигали своихъ мелкихъ честолюбивыхъ цѣлей и бросали его. Онъ же шелъ съ ними, конечно, думая, что и они сражаются за царя Димитрія. Болотниковъ удалился въ Калугу, героическая оборона которой вызываетъ удивленіе. Видя невозможность ни побѣдить, ни подкупить Болотникова, Шуйскій посылалъ врача Фидлера отравить его [1]). Но

---

[1]) Фидлеръ обязался такою клятвою: «Во имя Пресвятой и Преславной Троицы я даю сію клятву въ томъ, что хочу изгубить ядомъ Ивана Болотникова; если же обману моего государя, то да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ, да оставитъ меня на вѣки Іисусъ Христосъ, да не будетъ подкрѣплять душу мою благодать Св. Духа, да покинутъ меня всѣ ангелы, да овладѣетъ тѣломъ и душею моею дьяволъ. Я сдержу свое слово и этимъ ядомъ погублю Ивана Болотникова, уповая на Божью помощь и св. Евангеліе“. Шуй

и этотъ замыселъ В. И. Шуйскаго не удался. Такая стойкость Болотникова опять свидѣтельствуетъ объ его убѣжденіи, что онъ сражался за истиннаго сына Грознаго, за настоящаго царя. Шелъ уже 1607 годъ, а обѣщанный Димитрій не являлся; Болотниковъ былъ въ затрудненіи. Но князья Шаховской и Телятевскій выручили его. Телятевскій, разбивъ войска Шуйскаго, заставилъ снять осаду Калуги, а Шаховской принялъ новаго самозванца, выдуманнаго казаками, Лже-Петра, мнимаго сына царя Ѳеодора, и объявилъ Лже-Петра намѣстникомъ дяди. Появленіе этого самозванца въ данную минуту и принятіе его Шаховскимъ наводитъ на вопросъ: зачѣмъ онъ былъ нуженъ? Не хотѣли ли посредствомъ Лже-Петра отдѣлаться отъ Болотникова, при жизни котораго неловко было явиться второму самозванцу, если роль Димитрія передъ Болотниковымъ игралъ Молчановъ? И почему же второй самозванецъ долго не являлся? Вѣроятно, по тому же, то-есть, потому, что передъ Болотниковымъ, искренно вѣровавшимъ въ спасеніе царя Димитрія, нельзя было показываться двойному Димитрію, нельзя было показывать ему въ Польшѣ Димитрія съ однимъ лицомъ, а въ Россіи—съ другимъ. Болотниковъ, выйдя изъ Калуги, соединился въ Тулѣ съ Шаховскимъ и Лже-Петромъ. Если Болотниковъ вѣрилъ въ истинность видѣннаго имъ Димитрія, то какъ же онъ соединился съ Лже-Петромъ? Вѣроятно, по убѣжденію Шаховскаго, который могъ ему сказать, что пока такъ нужно, чтобы не раздражать казаковъ. Шуйскій же со всѣми силами

скій далъ Фидлеру лошадь и сто рублей, обѣщая въ случаѣ успѣха дать сто душъ крестьянъ и 300 рублей ежегоднаго жалованья. Но Фидлеръ, пріѣхавъ въ Калугу, открылъ все Болотникову и отдалъ ему самый ядъ (Ист. Росс., *Соловьева*, т. VIII, стр. 187). Этому факту не слѣдуетъ удивляться; изъ Смутной эпохи, изъ эпохи грязи и крови, немногіе вышли чистыми: два патріарха — Іовъ и Гермогенъ, князь Пожарскій, нижегородскій мясникъ Кузьма Мининъ. Холопъ Болотниковъ, если нечистъ отъ крови, то вполнѣ чистъ отъ грязи двоедушія, обмана и продажности. Карамзинъ весьма мягко отзывается о намѣреніи отравить Болотникова. Онъ говоритъ только: тщетно прибѣгали и къ средствамъ менѣе законнымъ. Говоря о защитѣ Калуги, Карамзинъ не могъ не отдать справедливости Болотникову, который, по словамъ исторіографа, „не зналъ и не давалъ успокоенія осаждающимъ, сражался день и ночь, не жалѣлъ ни людей, ни себя, обливался кровію въ битвахъ непрестанныхъ и выходилъ изъ оныхъ побѣдителемъ, доказывая“—прибавляетъ Карамзинъ—„что ожесточеніе злодѣйства можетъ иногда уподобляться геройству добродѣтели“ (т. XII, гл. 1). Отчего же „ожесточеніе злодѣйства, а не вѣрность призраку Димитрія со стороны обманутыхъ людей?

государства осадилъ Тулу въ ту пору, когда прошелъ слухъ о скоромъ выступленіи на сцену втораго Лже-Димитрія.

Долгое непоявленіе на сцену втораго самозванца поколебало, конечно, и Болотникова, и когда Тула была стѣснена и затоплена, Болотниковъ сдалъ городъ на условіи помилованія. Шуйскій обѣщалъ. Болотниковъ, явясь къ Шуйскому, говорилъ: „Я исполнилъ свое обѣщаніе, служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ—справедливо, или нѣтъ, не знаю, потому что самъ я прежде никогда не видывалъ царя. Я не измѣнилъ своей клятвѣ; но онъ выдалъ меня, теперь я въ твоей власти: если хочешь головы моей, то вели ее отсѣчь этою саблею; но если оставишь мнѣ жизнь, то буду служить тебѣ также вѣрно, какъ и тому, который выдалъ меня“. Даже Соловьевъ, не благосклонный къ Болотникову, принужденъ былъ сказать: „Въ страшное время всеобщаго колебанія, человѣкъ, подобный Болотникову, не имѣвшій средствъ узнать истины касательно событій, могъ въ самомъ дѣлѣ думать, что исполнилъ свой долгъ, если до послѣдней крайности вѣрно служилъ тому, кому началъ служить съ перваго раза“ (т. VIII, стр. 192). Повторимъ, что Болотниковъ не только могъ думать, что онъ исполнилъ свой долгъ по отношенію къ человѣку, которому онъ присягалъ; онъ былъ убѣжденъ, что этотъ человѣкъ — настоящій Димитрій, сынъ Грознаго. Какъ ни странно, но Болотниковъ, въ это печальное время всякаго рода измѣнъ, былъ изъ того весьма малаго числа людей, которое крѣпко держало свое слово. Болотниковъ, мощный, но простоватый представитель Микулы Селяниновича, былъ жестоко и постоянно обманываемъ. Обманомъ его и погубили. Шуйскій, обѣщавшій ему прощеніе, сослалъ его въ Каргополь и велѣлъ утопить. Погубленіе Болотникова, однако, не было въ интересахъ В. И. Шуйскаго; онъ былъ бы страшнымъ обличителемъ втораго самозванца. Не догадался объ этомъ Шуйскій, или боялся бо̀льшихъ раскрытій? Обвинить В. И. Шуйскаго, искусившагося въ тяжелой борьбѣ, въ недогадливости трудно. Вѣроятнѣе всего, что онъ боялся бо̀льшихъ раскрытій, за которыми послѣдовало бы еще большее противъ него ожесточеніе. Казнь Болотникова была въ интересѣ людей, руководившихъ смутою. Болотниковъ поднялъ для нихъ народъ и болѣе не былъ имъ нуженъ. Участь Болотникова наглядно изображаетъ участь самого народа: и народъ сначала взволновали, потомъ предали. Положеніе дѣлъ было весьма печально, ибо вся сила находилась, съ одной стороны, въ рукахъ боярства, которое думало только о себѣ, съ другой — въ ру-

кахъ слѣпой и неразумной массы, которая всегда и всюду руководится однимъ инстинктомъ. Во время дальнѣйшей смуты при Тушинскомъ Ворѣ пробудились страсти, по видимому, уже давно уснувшія: въ бывшихъ вѣчевыхъ городахъ воскресла борьба партій, въ иныхъ мѣстахъ между городами, бывшими когда-то вѣчевыми, и между бывшими ихъ пригородами воскресла вражда, убившая ихъ во времена отдаленной старины. Во Псковѣ, какъ въ старину, началась вражда между старшими и младшими людьми. Жители Переяславля свирѣпствовали въ Ростовѣ, въ который они ворвались вмѣстѣ съ литовскими людьми и съ казаками. Русскія свидѣтельства говорятъ, что свирѣпствовали не литовскіе люди, а свои переяславцы. Такое поведеніе переяславцевъ—говоритъ Соловьевъ—нельзя объяснить иначе, какъ историческою враждою пригорода Переяславлякъ вѣчнику Ростову. Вообще свои въ это время свирѣпствовали больше, чѣмъ иноземцы. „Когда поляки, слуги Тушинскаго Вора, брали въ плѣнъ сторонниковъ В. И. Шуйскаго, то обходились съ ними милостиво, старались спасти имъ жизнь; когда же подобный плѣнникъ попадалъ въ руки русскимъ тушинцамъ, то былъ немедленно умерщвляемъ самымъ варварскимъ образомъ, такъ что иноземцы съ ужасомъ смотрѣли на такое ожесточеніе и, приписывая его природной жестокости народа, говорили: „если русскіе другъ съ другомъ такъ поступаютъ, то что же будетъ намъ отъ нихъ?“ (Соловьевъ, т. VIII, стр. 253).

При тогдашнихъ обстоятельствахъ ожесточеніе русскихъ людей другъ противъ друга, доходившее до звѣрства, только и можно объяснить себѣ взаимною враждою элементовъ, изъ которыхъ сложилось русское общество. Воскресали ненависти давнія. Вражда партій въ бывшихъ вѣчевыхъ городахъ и пригородахъ, казалось, угомонилась подъ суровою рукою Московскихъ князей; казалось, она была давно забыта; но подъ пепломъ таился еще огонь, который порывами вѣтра Смутнаго времени раздутъ былъ до страшнаго пожара. Пришли въ движеніе всѣ элементы русскаго общества. Одни изъ нихъ, какъ боярство и бывшіе вѣчевые города, хотѣли возвратиться къ закоснѣлымъ прародительствіямъ земли: боярство—къ исключительному господству надо всѣмъ, что стояло ниже его; вѣчевые города — къ господству надъ пригородами. Ростовцы вспомнили, что они когда-то не только переяславцевъ, но и владимірцевъ называли своими холопами. Съ другой стороны, другіе элементы старались добить эти закоснѣлыя прародительствія земли. Дѣти боярскія и дворяне хотѣли

стать на ряду съ боярами; ихъ вождь Прокопій Ляпуновъ не выносилъ и тѣни боярской гордыни, нарочито оскорбляя ее при всякомъ случаѣ. Крестьяне желали воли, которая, безъ сомнѣнія, и тогда соединялась съ мыслью объ обладаніи землею, ибо только по безземелію крестьянство попало тогда въ зависимость боярства, дѣтей боярскихъ и дворянъ. Отношенія еще больше усложнялись тѣмъ, что вражда, такъ-сказать, дробилась: боярство, враждебное крестьянству, враждебно было и дѣтямъ боярскимъ; дѣти боярскія относились враждебно и къ крестьянамъ, и къ боярамъ; только крестьянство питало одинаковыя чувства и къ боярству, и къ дѣтямъ боярскимъ. Казалось, огонь палилъ внутренность Русской земли; ожесточеніе все росло и росло.

Среди всеобщаго ожесточенія Шуйскому уже въ февралѣ 1609 г. грозило низложеніе. Сумбуловъ, князь Романъ Гагаринъ, Тимоѳей Грязной и другія дѣти боярскія обратились къ боярамъ съ требованіемъ низвести В. И. Шуйскаго съ престола. Но бояре разбѣжались и не явились на площадь, явился только одинъ князь В. В. Голицынъ. Можетъ быть, онъ ждалъ, что и его выкрикнутъ царемъ, какъ выкрикнули Шуйскаго въ 1604 году. Заговорщики буквально притащили на площадь и патріарха Гермогена, ибо его тащили насильно, подталкивая сзади, его осыпали пескомъ, соромъ, нѣкоторые схватывали за грудь и крѣпко трясли. Народъ оставался равнодушенъ; онъ не выразилъ согласія свергнуть Шуйскаго, но и не показалъ ревности къ защитѣ его. Рѣчь Гермогена едва ли бы подѣйствовала на заговорщиковъ, еслибы бояре были рѣшительны въ своемъ замыслѣ. Но при всемъ томъ паденіе Шуйскаго отсрочено было судьбою только на годъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Безсиліе его обнаружилось вполнѣ: изъ дѣтей боярскихъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, оскорблявшихъ Гермогена, никто не былъ и потревоженъ. Они бѣжали въ Тушино, а князь В. В. Голицынъ, въ ожиданіи престола, остался въ Москвѣ съ прежнимъ значеніемъ. Въ промежуткѣ между этимъ дѣломъ и низверженіемъ Шуйскаго открытъ былъ еще заговоръ Колычева, родственника почившаго митрополита Филиппа. Соучастники Колычева намѣревались убить Шуйскаго; подкопы подъ его престолъ шли съ разныхъ сторонъ. Въ концѣ января 1610 г. русскіе тушинцы, бросивъ втораго Лжедмитрія, вели переговоры съ Сигизмундомъ объ условіяхъ избранія Владислава. Въ посольствѣ находилось двое Салтыковыхъ: Михаилъ Глѣбовичъ и сынъ его Иванъ, князья Масальскій и Хворостининъ, Пле-

щеевъ, Вельяминовъ, дьяки Грамотинъ, Чичеринъ, Витовтовъ, Апраксинъ и Юрьевъ; здѣсь же были Молчановъ, Грязной и Андроновъ.

Изъ условій, предложенныхъ Владиславу, остановимся на тѣхъ, которыя характеризуютъ сословныя отношенія: 1) Владиславъ долженъ былъ обязаться не только не трогать имѣній и правъ духовенства, но и распространять ихъ; 2) перемѣна законовъ зависитъ отъ бояръ и всей земли; 3) никого не казнить, не осудя прежде съ боярами и думными людьми; великихъ чиновъ людей невинно не понижать, а меньшихъ возвышать по заслугамъ. Въ этомъ послѣднемъ условіи Соловьевъ видитъ только вліяніе дьяковъ и людей, подобныхъ Андронову, выхваченныхъ снизу бурею Смутнаго времени и желавшихъ удержать свое положеніе. Такому мнѣнію противорѣчитъ, прежде всего, смыслъ текста, въ которомъ идетъ рѣчь о возвышеніи молодшихъ людей, а не объ удержаніи ими занятыхъ мѣстъ; вовторыхъ, касательно же удержанія мѣстъ и имѣній есть въ условіяхъ особенная статья, по которой Владиславъ обязывался не трогать правъ и имѣній бояръ, окольничьихъ, всякихъ думныхъ, ближнихъ и приказныхъ людей. Втретьихъ, мнѣніе Соловьева противорѣчитъ всему ходу событій Смутнаго времени. Весь ходъ событій его и текстъ договора показываютъ, что слова „меньшихъ людей возвышать по заслугамъ“ относятся къ дьякамъ, къ дѣтямъ боярскимъ и къ городовымъ дворянамъ, словомъ—къ тѣмъ людямъ, которыхъ поднималъ и возвышалъ Грозный на счетъ бояръ; слова же „великихъ чиновъ людей невинно не понижать“ явно продиктованы старымъ боярствомъ или прибавлены для успокоенія его. Замѣчательно, что въ посольствѣ участвовало только двое представителей изъ фамилій старо-московскихъ бояръ, тогда уже начинавшихъ клониться въ разрядъ захудалыхъ родовъ, именно Плещеевъ и Вельяминовъ. Изъ княжескихъ боярскихъ родовъ не было ни одного представителя: князей Хворостинина и Масальскаго едва ли можно считать представителями боярства титулованнаго, ихъ фамиліи въ ту пору не стояли въ первыхъ рядахъ бояръ изъ Рюриковичей или Гедиминовичей. Тогда выдвинулась боярская фамилія Салтыковыхъ. Какъ бы заочно въ посольствѣ участвовалъ и нареченный патріархъ Филаретъ, ибо Иванъ Михайловичъ Салтыковъ, въ рѣчи своей къ Сигизмунду, обращался къ королю отъ имени Филарета [1]).

---

[1]) Когда Сигизмундъ III предложилъ русскимъ тушинцамъ покровительство, то ему послана была отвѣтная грамота, въ челѣ которой стоитъ имя Филарета.

Не ради ли Филарета и была сдѣлана оговорка о людяхъ великихъ чиновъ? Весь же наличный персоналъ посольства былъ составленъ изъ людей, для которыхъ особенно важно было условіе, чтобы меньшихъ людей возвышали по заслугамъ.

Нельзя пропустить безъ вниманія слѣдующее условіе: „Для науки вольно каждому изъ народа московскаго ѣздить въ другія христіанскія государства, кромѣ бусурманскихъ, поганскихъ, и государь дворовъ-отчинъ за то отнимать у нихъ не будетъ“. Это условіе обнаруживаетъ въ тогдашнемъ обществѣ присутствіе стремленія къ образованію. Слѣдовательно, посылка молодыхъ людей за границу царемъ Борисомъ не была дѣломъ одной его личной воли. Но въ числѣ условій было три такихъ, которыя прочили впереди русскому крестьянству долгіе дни закрѣпощенія. Эти условія были слѣдующія: a) крестьянскій переходъ запрещается въ московскихъ областяхъ, а также между московскими областями и Литвою; b) холопей, невольниковъ господскихъ, оставить въ прежнемъ положеніи, чтобы служили господамъ своимъ по прежнему; c) о казакахъ Волжскихъ, Донскихъ, Яицкихъ и Терскихъ должно держать совѣтъ съ боярами и думными людьми: будутъ ли казаки надобны, или нѣтъ. Первыя два условія показываютъ, какъ напрасны обвиненія, направленныя противъ царя Бориса, будто бы главнаго виновника закрѣпленія крестьянъ. При подписаніи этихъ условій царь Борисъ лежалъ давно въ могилѣ, а отъ вновь избираемаго царя требовалось такое закрѣпощеніе народа, о которомъ при Борисѣ никто и не думалъ. Третье же условіе имѣетъ тѣсную связь съ двумя первыми, потому что къ казакамъ бѣгали крестьяне и холопы. Это условіе любопытно еще и въ томъ отношеніи, что показываетъ одинъ и тотъ же взглядъ правящихъ классовъ на казаковъ, какъ въ Польшѣ, такъ и у насъ. И тамъ, и тутъ эти классы болѣе думали о своихъ доходахъ, чѣмъ о безопасности государственныхъ границъ, надежными стражами которыхъ и тамъ, и тутъ были казаки.

В. И. Шуйскій съ самаго начала своего царствованія увидѣлъ непрочность боярской опоры и пытался было заручиться расположеніемъ народа; но конечно, партія, выкрикнувшая его въ цари,

---

„Мы Филаретъ, патріархъ Московскій и всея Руси, и архіепископы, и епископы и весь освященный соборъ“ и пр., далѣе—отъ бояръ, окольничьихъ и пр. Одинъ изъ Салтыковыхъ въ Смутную эпоху бѣжалъ въ Польшу и былъ родоначальникомъ польской фамиліи Салтыкъ. Изъ этой фамиліи особенно извѣстенъ Краковскій архіепископъ Салтыкъ, современникъ Екатерины II, столь памятный по враждѣ къ диссидентамъ (см. Россійск. родословн. книгу, кн. *Долгорукова*).

не допустила этого. Въ 1607 году сдѣлано было распоряженіе, чтобы холопы, прослужившіе въ холопствѣ полгода, годъ или болѣе, но не рожденные въ холопствѣ не отдавались въ неволю. Однако въ 1609 году бояре, поколебавъ уже въ основѣ тронъ Шуйскаго, ввели снова законъ царя Ѳеодора Ивановича, закрѣплявшій такихъ холоповъ. Власть В. И. Шуйскаго держалась еще нѣкоторое время только славой его племянника. Едва М. В. Скопинъ умеръ, какъ подкопъ подъ власть его дяди повели съ усиленною энергіей. Прокопій Ляпуновъ, предлагавшій престолъ Скопину, завелъ переговоры съ Калужскимъ царикомъ, какъ стали тогда называть Тушинскаго Вора, а въ Москвѣ— съ княземъ В. В. Голицынымъ, чтобы такъ или иначе, съ помощію той или другой партіи, ссадить съ престола В. И. Шуйскаго. 17-го іюля 1610 г. Шуйскаго низвели съ престола, а 19-го насильно постригли. Позволимъ себѣ еще разъ спросить: неужели и на сей разъ Прокопій Ляпуновъ, заводившій сношеніе съ Калужскимъ царикомъ, не зналъ, что за человѣкъ—Тушинскій Воръ? Не ясное ли дѣло, что Тушинскаго Вора снова выдвигали, какъ орудіе низверженія Шуйскаго? Все одинъ и тотъ же пріемъ!

По низверженіи Шуйскаго въ Москвѣ, еще сильна была сторона, поддерживаемая патріархомъ, которая не хотѣла ни Калужскаго царика, ни Владислава. Патріархъ Гермогенъ предлагалъ выбрать одного изъ двухъ кандидатовъ: или князя В. В. Голицына, или Михаила Ѳеодоровича Романова, сына Филарета; но когда Калужскій царикъ сталъ угрожать Москвѣ, то бояре, зная, что его торжество будетъ торжествомъ черни, вступили въ переговоры съ гетманомъ Жолкѣвскимъ объ избраніи на московскій престолъ Владислава. Только Гермогенъ и Филаретъ, прибывшій тогда въ Москву, воспротивились этому избранію; Филаретъ, освободившись отъ тушинцевъ, перемѣнилъ тонъ своихъ рѣчей. Бояре откровенно мотивировали причину признанія Владислава: „Лучше служить королевичу“, говорили они, — „чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться“. Ни увѣщанія Гермогена въ церкви, ни рѣчи Филарета на Лобномъ мѣстѣ не дѣйствовали.

Бояре, предложивъ престолъ Владиславу, существенно измѣнили прежній договоръ. Условія, внесеннаго въ салтыковскій договоръ касательно свободнаго выѣзда за границу для науки, не было въ боярскомъ договорѣ; статью, говорившую о возвышеніи молодшихъ людей по заслугамъ, замѣнили другою редакціей, совершенно измѣнявшею ея значеніе: „московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣз-

жими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать". Боярскій договоръ до очевидности выясняетъ сословную рознь, сословную борьбу въ такъ-называемое Смутное время, порожденную реакціей дѣлу Грознаго. Боярство всѣ усилія напрягало, чтобы ни на іоту не измѣнились закоснѣнныя прародительствія земли; для него вся жизнь государства сводилась къ одной цѣли—дабы не понижались и боярскіе роды. Избѣжать же такого пониженія боярство находило только одно средство—никого не пускать на свою высоту, и естественно, что такое средство охраны своего значенія къ концу XVII в. низвело значеніе боярства до нуля. Вторичное избраніе королевича Владислава направлено было однако не только противъ Калужскаго царика, но и противъ кандидатовъ, выставленныхъ Гермогеномъ, противъ В. В. Голицына и противъ М. Ѳ. Романова.

Преобладаніе князей Рюриковичей въ боярской думѣ указываетъ, откуда шло это противодѣйствіе. По сверженіи В. И. Шуйскаго, князья Рюриковичи, вѣроятно, убѣдились, какъ трудно кому-либо изъ нихъ, при многочисленности фамилій дома Владиміра Святаго и при взаимной враждѣ, удержать престолъ за собою; но въ то же время по родословной гордости они хотѣли лучше подчиниться польскому королевичу, чѣмъ В. В. Голицыну, потомку литовскаго выходца, породнившагося съ домомъ Калиты, или Романову, сыну племянника ненавистной для боярства царицы Анастасіи.

Но иначе относился къ царицѣ Анастасіи народъ, которымъ память ея высоко чтилась; царица Настасья считалась чуть не святою. Память этой-то царицы, страдалицы отъ бояръ, и вознесла домъ Романовыхъ и надъ князьями дома Владиміра Святаго, и надъ князьями дома Гедиминова. Когда великій говядарь Новгорода Низовской земли поднялъ стягъ за свободу Русской земли, и когда по изгнаніи врага изъ Москвы, пришлось выбирать царя, тогда князья Рюриковичи и Гедиминовичи, для спасенія собственныхъ головъ, должны были вмѣстѣ съ городскими выборными звать на престолъ внучатаго племянника царицы Анастасіи, первой супруги Грознаго. Изъ русскихъ претендентовъ не было серьезнаго соперника для Романовыхъ. Изъ иностранныхъ Владиславъ, боярскій кандидатъ, заранѣе былъ ненавидимъ народомъ; болѣе шансовъ имѣлъ шведскій королевичъ Филиппъ, чуждый католическаго фанатизма, и вѣроятно, онъ могъ бы вступить на престолъ, еслибы не вѣроломный захватъ Новгорода, и могъ бы удержаться, если бы не далъ себя запутать боярскими сѣтями и не сдѣлался бы боярскимъ царемъ подобно Шуйскому.

Ни одна династія въ Европѣ не вступала такъ грандіозно на престолъ по всенародному выбору, какъ династія Романовыхъ; поэтому исторія ея избранія не нуждается ни въ какихъ вымыслахъ, ни въ какихъ поэтическихъ измышленіяхъ. Объясненіе Костомарова, что страждущій народъ по сочувствію избралъ на престолъ страждущихъ Романовыхъ, больше поэзія, чѣмъ исторія. Массы не сентиментальны; страдали же тогда и Шуйскіе, и Голицыны, но народъ остался глухъ къ ихъ страданіямъ. Избраніе Романовыхъ было плодомъ крѣпкой народной думы, вынесенной изъ тяжелыхъ событій, а не плодомъ какой-то сентиментальности [1]).

Сила боярства была крайне ослаблена; но до конца XVII столѣтія съ этою ослабшею силою обходились по наружности почтительно. Только въ концѣ XVII вѣка ясно выразилось сознаніе современниковъ, что время боярства миновало навсегда и безвозвратно. Въ концѣ XVII вѣка дьякъ Шакловитый уже весьма неуважительно выражался о боярствѣ: „Бояре“, говорилъ онъ,—„зяблое дерево“. Боярство къ концу XVII в. и къ началу XVIII кончило свою жизнь отъ истощенія силъ безъ всякаго потрясенія.

Смутное время имѣло для нашего боярства такое же значеніе, какое война розъ въ Англіи, въ XV вѣкѣ, имѣла для британской аристократіи; оно сломило олигархію, ибо изъ сильныхъ фамилій однѣ какъ Шуйскіе, Мстиславскіе, исчезли въ самое Смутное время или вскорѣ послѣ него, а другіе, подобно Голицынымъ, ослабѣли. Но британская аристократія, дѣйствовавшая въ ту пору въ интересахъ государства, оправились отъ тяжелыхъ ударовъ; русское же боярство такъ и замерло въ своей эгоистической политикѣ. Его наружное положеніе было блестяще: члены шестнадцати родовъ прямо могли

---

[1]) Извѣстно, что, кромѣ двухъ главныхъ самозванцевъ, смута выставила множество второстепенныхъ, все сыновей и внуковъ Грознаго, значеніе котораго въ народѣ черезъ это возростало. Тушинскій воръ показалъ боярамъ, что съ огнемъ шутить опасно. Страхъ появленія какого-нибудь новаго названнаго сына Грознаго былъ не напрасенъ; первый самозванецъ не трогалъ боярства; появленію же втораго предшествовали угрозы истребленія боярства, вызвавшаго Тушинскаго Вора на сцену. Эта угроза раздавалась потомъ особенно сильно изъ Калуги, гдѣ засѣлъ самозванецъ. Бояре, столь долго играя именемъ Іоанна увидѣли необходимость смириться передъ этимъ именемъ и, во избѣжаніе ложнаго его сына или внука, должны были смиренно просить на царство внучатаго племянника той Анастасіи, которой предки ихъ подготовляли гибель въ 1553 г. своими происками отстранить ея сына отъ престола и возвести Владиміра.

поступить въ бояре, члены пятнадцати прямо поступали въ окольничіе въ силу рожденія. Къ первымъ принадлежали Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы-Ростовскіе, Хилковы, Урусовы, въ томъ числѣ четыре не титулованныя фамиліи (Морозовы, Шереметевы, Шеины, Салтыковы) при 12 княжескихъ, а изъ княжескихъ, за исключеніемъ Черкасскихъ и Урусовыхъ, все Рюриковичи и Гедиминовичи. Ко вторымъ принадлежали Куракины, Долгорукіе,Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы-Ростовскіе, Барятинскіе, Львовы, все князья Рюриковичи, за исключеніемъ Куракиныхъ-Гедиминовичей, и семь боярскихъ фамилій: Бутурлины, Стрѣшневы, Милославскіе, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы. Но это блестящее положеніе не опиралось на внутреннюю силу, и блескъ боярства погасъ самъ собою.

Отрицаніе значенія аристократическаго элемента въ исторіи до-Петровской Руси затемняло ходъ всей русской исторіи. Поэтому мы считаемъ нужнымъ остановиться на самомъ серьезномъ отрицателѣ этого элемента, мнѣніе котораго въ данномъ вопросѣ особенно важно, ибо онъ одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые сдвинули русскую исторію съ пьедестала неподвижности. Мы говоримъ о высокочтимомъ нами изслѣдователѣ русской исторіи, о С. М. Соловьевѣ.

Соловьевъ въ основу своей исторіи положилъ родовыя отношенія князей Рюрикова дома и борьбу государственнаго начала съ этими родовыми отношеніями. Такимъ образомъ онъ взялъ въ расчетъ только одинъ двигатель русской исторіи, другимъ же двигателямъ, какъ напримѣръ, дружинному элементу, не придалъ должнаго значенія и впалъ въ противорѣчіе самъ съ собою, не замѣтивъ, какъ долго, подъ иною только формою, родовыя отношенія боролись съ государственными. Не обративъ должнаго вниманія на значеніе дружиннаго элемента въ древней русской исторіи, онъ не замѣтилъ, какъ сформировалась у насъ аристократія. Соловьевъ говоритъ, что у насъ не было наслѣдственной аристократіи, а были только чины — бояре, окольничіе, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчіе. Но какъ же согласить съ этимъ слѣдующія слова: „Бояре, оставшіеся послѣ Грознаго, были, разумѣется, не похожи на тѣхъ, которые пережили опалы Іоанна III и его сына Василія III: послѣдніе помнили еще, что Іоаннъ III обращался съ ними не такъ круто, какъ сынъ его, Василій, почему поведеніе послѣдняго представлялось чѣмъ-то случайнымъ; но поведеніе Грознаго отняло послѣднія надежды, сломило всякое сопротив-

леніе". Послѣднія слова фактически невѣрны. Смутное время, какъ мы видѣли, показало, что боярство дѣлало отчаянныя попытки возвратить себѣ потерянное. Выше указаны причины неуспѣха попытокъ и полученіе неожиданнаго для боярства результата.

Вслѣдствіе того же пропуска въ основномъ взглядѣ историка, не уясненъ имъ вполнѣ переходъ дружинниковъ въ служилое сословіе, равно какъ и значеніе чиновъ въ Московскомъ государствѣ, которые читателями-неспеціалистами едва ли хорошо различаются отъ чиновъ, созданныхъ табелью о рангахъ. Такъ чинъ или санъ думнаго дворянина и созданъ былъ для того, чтобы дать возможность провести въ боярскую думу даровитыхъ людей изъ сословія городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; точно также санъ думнаго дьяка открылъ входъ въ боярскую думу людямъ и прочихъ сословій.

Что касается слова „бояринъ", оно иногда означало и чинъ; но еще вопросъ, требующій изслѣдованія: кто изъ сословія дѣтей боярскихъ достигалъ чина боярина, какими путями и, главное, въ какую эпоху? Можно думать, что чинъ боярина окончательно установился только въ эпоху паденія боярства, то-есть, въ концѣ московскаго періода.

Профессоръ Загоскинъ (Исторія права Московскаго государства, т. 2, вып. I, стр. 23) говоритъ о пожалованіи боярства въ 1332 г. Родіону Нестерову, какъ чина. Смѣемъ думать, что это было пожалованіе саномъ, титуломъ, который поставилъ потомство Родіона Нестерова въ ряды первокласснаго боярства. Примѣръ Родіона Нестерова показываетъ другое; онъ показываетъ, какіе люди получали боярство и сразу по пріѣздѣ въ Москву становились въ ряды этого могущественнаго тогда сословія. Въ эти ряды становились люди, которые пріѣзжали не съ пустыми руками, а приводили цѣлыя дружины. Безъ сомнѣнія, не съ пустыми руками пріѣзжали и татарскіе мурзы. О богатствѣ ихъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что мурза Четъ, предокъ Годунова, на свой счетъ строитъ церкви, основываетъ монастыри. Мы видѣли, что въ Нижегородскомъ княжествѣ санъ боярина данъ былъ купцу Новосильцеву за населеніе земель, человѣку, значитъ, сильному, могучему по собственнымъ средствамъ. Но въ Москвѣ фамилія Строгановыхъ, заслуги которой въ заселеніи земель важнѣе заслугъ Новосильцева, получила для своихъ членовъ только право писаться съ вичемъ. Въ древнемъ Галичѣ, гдѣ сильна была аристократія, въ ея среду проникали иногда люди изъ другихъ сословій, въ Москвѣ до Романовыхъ—никогда.

То, что̀ говоритъ самъ Соловьевъ о положеніи боярства послѣ Смутной эпохи, лучше всего свидѣтельствуетъ, на сколько правъ г. Ключевскій, сказавшій, что строй Московскаго государства былъ аристократическій. Вотъ слова Соловьева: „Въ первенствующихъ фамиліяхъ оказался недочетъ: Романовы перешли на престолъ, удалились Годуновы, исчезли Шуйскіе безпотомственно, за ними Мстиславскіе, Воротынскіе; изгибли самые важные, самые энергичные изъ Голицыныхъ; а при чиновномъ составѣ тогдашняго общества, при малочисленности фамилій, стоявшихъ на верху и хранившихъ старыя преданія, исчезновеніе этихъ фамилій имѣло рѣшительнѣйшее вліяніе“. Но такая убыль первенствующихъ фамилій изъ среды боярства, уравнивъ это сословіе, отнимала у него только возможность къ олигархическимъ стремленіямъ; но его окончательное паденіе зависѣло—что̀ можно ясно видѣть изъ вышесказаннаго—отъ недостатка внутренняго содержанія. Какое же вліяніе могло бы имѣть исчезновеніе сильныхъ фамилій на чиновный составъ? Что̀ значили при чиновномъ составѣ преданія? При чиновномъ составѣ есть только служебныя преданія, но эти преданія хранятся въ канцеляріяхъ и служебныхъ корпораціяхъ, а не въ фамиліяхъ. При дѣйствительно чиновномъ составѣ высшаго класса, прекращеніе какихъ-либо чиновныхъ фамилій не можетъ имѣть никакого историческаго значенія и вліянія на ходъ событій. Слова князя В. В. Голицына, одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей Смутнаго времени: „насъ изъ думы не вываживали, не высылывали, мы всякую думу вѣдали“ могъ сказать только человѣкъ, позади котораго цѣлый длинный рядъ предковъ засѣдалъ въ боярской думѣ, предковъ, принимавшихъ живое участіе въ дѣлахъ, человѣкъ, который засѣданіе въ думѣ считалъ своимъ прирожденнымъ правомъ, а не милостію, не пожалованіемъ.

Даже по окончаніи смуты, когда еще трудно было разглядѣть, до какой степени ослабло боярство, бояре выказали сословное, а не чиновное стремленіе, взявъ запись съ юнаго царя въ обезпеченіе своихъ правъ. Они взяли съ него такую же запись, какую далъ В. И. Шуйскій, то-есть: не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, никого смерти не предваать и вмѣстѣ съ преступникомъ не наказывать его родственниковъ. Извѣстіе это вполнѣ достовѣрно; его сообщаютъ дьякъ Котошихинъ и иностранцы Страленбергъ и Фокеродтъ. Татищевъ, въ запискѣ своей по поводу избранія на престолъ императрицы Анны, также признаетъ эту запись фактомъ несомнѣннымъ [1]). Соловьевъ

---

[1]) *Ключевскій.* Боярская Дума, стр. 523, прилож. VIII.

считаетъ казнь Шеина фактомъ, который противорѣчитъ, какъ извѣстію о записи, такъ и другому извѣстію, что Михаилъ обязался наказывать вельможъ только заточеніемъ и никогда не казнить смертію. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ и другомъ. Неужели въ послѣднемъ извѣстіи историкъ не видѣлъ выраженія естественнаго страха возобновленія временъ Грознаго? Однако и Соловьевъ не рѣшается вполнѣ отвергать очевидный фактъ и добавляетъ къ помянутому сужденію: „значитъ, если и взята была запись, то имѣла силу только въ началѣ царствованія Михаила“. Эту догадку историка слѣдуетъ принять во вниманіе, хотя она и не вполнѣ выясняетъ дѣло. Въ 1619 году возвратился изъ польскаго плѣна отецъ государя, нареченный патріархъ Филаретъ Никитичъ. Вотъ какъ эта личность охактеризована въ памятникѣ XVII вѣка: „Сей убо Ѳиларетъ, патріархъ Московскій и всеа Русіи, возраста и сану былъ средняго, божественная писанія отчасти разумѣлъ; нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а владителенъ таковъ былъ, яко и самому царю боятися его; боляръ же и всякаго чина царскаго синклита зѣло томляше заточенми необратными и инѣми наказанми, до духовнаго же чину милостивъ былъ и не сребролюбивъ, всякими же царскими дѣлами и ратными владѣлъ, а въ грамотахъ и челобитныхъ имя его писали с вичемъ“ [1]). Какимъ же образомъ вышеупомянутая запись могла допустить, чтобы Филаретъ могъ боляръ и всякаго чина царскаго синклита томить заточеніями? Вотъ тутъ-то и подтверждается второе извѣстіе, что Михаилъ обязался, вмѣсто смерти, казнить бояръ только заточеніями, ибо, конечно, Филаретъ дѣйствовалъ именемъ сына. Казнь же Шеина, совершенная уже по смерти Филарета въ 1634 году, была дѣломъ бояръ, ненавидѣвшихъ этого воеводу и въ порывахъ ненависти не сообразившихъ, что они казнію Шеина разрываютъ ими же добытую своему сословію льготную грамоту.

Патріархъ Филаретъ въ нашей исторіи играетъ болѣе важную и болѣе значительную роль, чѣмъ думаютъ. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ изъ тогдашнихъ членовъ фамиліи Романовыхъ, который, какъ старшій изъ Никитичей, могъ знать всѣ тонкости борьбы Грознаго съ притязаніями бояръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видный дѣятель въ Смутную эпоху, хорошо понималъ и современное ему положеніе вещей. Филаретъ зналъ ту услугу, которую земскій соборъ

---

[1]) Изъ хронографа архіеписк. Пахомія. Изборникъ *Попова*, стр. 316.

1548 года оказалъ Грозному въ борьбѣ съ боярами; поэтому и во время его правленія земскіе соборы сохранили то значеніе, которое они имѣли при Михаилѣ Ѳедоровичѣ до его возвращенія изъ плѣна.

Чтобы выяснить ту роль, которую играли въ XVII вѣкѣ наши земскіе соборы, необходимо опять вернуться къ первому земскому собору и дополнить нѣсколькими замѣтками то, что̀ мимоходомъ было сказано нами объ этомъ соборѣ во 2-й главѣ. Профессоръ Загоскинъ (Исторія права Моск. государства, т. I, стр 215) говоритъ, что Грозный посредствомъ этого собора вступилъ въ союзъ съ землею, пріобрѣтая вслѣдствіе того твердую почву для будущей борьбы съ боярствомъ. Боярство, по словамъ г. Загоскина, должно было съ этой минуты почувствовать себя изолированнымъ классомъ и потерять всякую надежду на успѣшность его властолюбивыхъ стремленій въ будущемъ. Удивительно, что профессоръ права воображаетъ, будто одной минуты было достаточно для измѣненія вѣковыхъ традицій могучаго сословія. Гдѣ и въ какой исторіи онъ находитъ примѣръ, чтобы внутренній разладъ, подготовленный вѣками, смолкалъ вдругъ передъ невозможностію борьбы? Эта невозможность въ данномъ случаѣ ясна до очевидности для насъ, людей XIX вѣка, ибо мы понимаемъ скудельность боярскихъ орудій, а не для бояръ XVI вѣка, потомки которыхъ и въ XVII в. не умѣли понять вполнѣ положеніе вещей и разглядѣть, куда направился потокъ событій. Впрочемъ у многихъ историковъ, а у юристовъ въ особенности, существуетъ убѣжденіе, что съ появленіемъ какого-нибудь правительственнаго акта, громящаго старое зло, послѣднее исчезаетъ. Это воззрѣніе г. Загоскинъ примѣнилъ и къ исторіи перваго земскаго собора, яко бы смирившаго бояръ. Но ученые нерѣдко забываютъ, что привычки и понятія переживаютъ разные законодательные акты и часто дѣлаютъ ихъ совсѣмъ безсильными. Но кромѣ того, г. Загоскинъ вноситъ иногда въ свои труды и значительный запасъ поэзіи, что̀ историку-юристу уже совсѣмъ не пристало. Такъ онъ говоритъ: „Закрѣпивъ союзъ свой съ землею, царь (то-есть, Грозный) не желаетъ вражды и антагонизма между боярами и народомъ; вслѣдствіе этого онъ убѣждаетъ народъ и бояръ примириться другъ съ другомъ въ опредѣленный имъ срокъ“. Выше указано было, какъ Грозный въ 1565 г. возстановилъ народъ не только противъ бояръ, но и противъ другихъ сословій, и потому намъ нѣтъ нужды останавливаться на мнѣніи г. профессора, которое основано на извѣстіи, что Грозный на Стоглавомъ соборѣ заповѣдалъ боярамъ къ извѣстному сроку помириться съ обижен-

ными ими людьми. Во второй главѣ было указано, что это примиреніе выгодно было для боярской партіи, въ челѣ которой стоялъ или выставленъ былъ Сильвестръ. Но кромѣ того, и другое значеніе могли имѣть слова: заповѣдалъ (то-есть, царь) со всѣми христіаны царствія своего и въ прежнихъ дѣлахъ помириться на срокъ. Эти слова могли означать приказаніе удовлетворить обиженныхъ въ бывшихъ и текущихъ дѣлахъ. У Флетчера, этого отголоска толковъ боярскихъ партій, мы находимъ другой взглядъ на это дѣло. Вотъ что̀ говоритъ этотъ англичанинъ, съ его англійскою терминологіей, въ главѣ о дворянствѣ и о средствахъ, употребляемыхъ къ ослабленію его, согласно съ видами правительства: „Средства и мѣры“ употребленныя для этого царемъ (Грознымъ), какъ противъ князей удѣльныхъ, такъ и другихъ дворянъ (сколько я могъ замѣтить, судя по разказамъ о его дѣйствіяхъ) были слѣдующія или тому подобныя: вопервыхъ, онъ посѣялъ между ними личное соперничество за первенство въ чинахъ и званіяхъ и съ этою цѣлію подстрекалъ дворянъ, менѣе знатныхъ по роду, стать выше или наравнѣ съ тѣми, которые происходили изъ домовъ болѣе знатныхъ. Злобу ихъ и взаимныя распри онъ обращалъ въ свою пользу, принимая клеветы и доносы касательно козней и заговоровъ, будто бы умышляемыхъ противъ него и противъ государства. Ослабивъ такимъ образомъ самыхъ сильныхъ и истребивъ однихъ съ помощію другихъ, онъ наконецъ началъ дѣйствовать открыто и остальныхъ принудилъ уступить ему права свои“.

Вотъ боярская точка зрѣнія на дѣятельность Грознаго, и что она была боярская, это доказывается сходными по существу дѣла жалобами Курбскаго и словами Флетчера: „судя по разказамъ“. Разказывать ему могли только люди боярской партіи. Желаніе Іоанна дать ходъ дарованіямъ, а не породѣ, обращены въ подстрекательство незнатныхъ противъ знатныхъ. Въ словахъ Флетчера дано ложное освѣщеніе событіямъ; но изъ нихъ можно вывести одно вѣрное заключеніе, что Грозному и въ голову не могло придти, при тогдашнихъ отношеніяхъ, играть роль миротворца.

Мы видѣли, что Смутное время разбудило давно уснувшія ненависти между городами и областями, возбудило страсти, которыя считались погребенными въ могилахъ вмѣстѣ съ людьми, ихъ питавшими. Поэтому только крайнее истощеніе и утомленіе дали возможность успокоить взволнованное море, выкинувшее на берегъ даже такую старую ветошь, какъ борьба вѣчевыхъ городовъ и пригоро-

довъ. Всюду оказалась глубокая внутренняя рознь. Эту рознь нельзя было заглушить навсегда одною внѣшнею силою; нужно было вызвать на помощь всѣ лучшія, здоровыя силы земли. Іоаннъ Грозный своими земскими соборами указалъ, какимъ образомъ, въ какой формѣ эта помощь земли могла быть въ ту пору призываема. Объединительная и успокоительная сила земскихъ соборовъ, выясненная изслѣдователями нашего государственнаго быта, гг. Сергѣевичемъ и Загоскинымъ, вполнѣ проявилась въ первыхъ соборахъ, послѣдовавшихъ за Смутнымъ временемъ.

Необходимость въ земскихъ соборахъ для укрѣпленія единенія земли и ея успокоенія обнаружилась сейчасъ по воцареніи Михаила продолжительностью соборовъ, ибо съ 1613 по 1615 годъ засѣдалъ одинъ соборъ, а съ 1615 по 1619 включительно — другой, то-есть, изъ другихъ выборныхъ. Этотъ соборъ, снова призвавшій Филарета на патріаршество, былъ распущенъ; но въ 1620 и 1621 гг. соборы вновь созывались. Ясно, что Филаретъ видѣлъ, какъ трудно въ данное время обойдтись безъ нихъ. Всѣ эти соборы послужили финансовымъ нуждамъ государства и въ то же время были нравственнымъ авторитетомъ для всей земли. Важность этого авторитета и объясняетъ, почему Филаретъ, въ началѣ своего правленія, распустивъ въ 1619 г. соборъ, снова созываетъ его на слѣдующій годъ. Патріархъ Филаретъ, только пользуясь этимъ авторитетомъ, могъ обуздать боярскіе происки, имѣвшіе мѣсто въ началѣ царствованія Михаила и сразу прекращенные Филаретомъ. Послѣ собора 1620 и 1621 гг. слѣдуетъ длинная пауза до 1632 г. Соборъ не созывался. Почему произошла такая длинная пауза—положительно сказать нельзя. Можетъ быть, Филаретъ, укрѣпивъ власть при помощи соборовъ, не находилъ нужнымъ часто созывать по какимъ-либо соображеніямъ.

Нужда въ деньгахъ для второй въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича Польской войны заставила Филарета снова обратиться къ земскому собору. Послѣ Филарета, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, было еще только два собора, въ 1637 и 1642 гг.; для нашей цѣли особенное значеніе имѣетъ послѣдній, бросающій нѣкоторый свѣтъ на сословныя отношенія. Соборъ, созванный въ 1642 году, долженъ былъ рѣшить вопросъ: должно ли удержать за Россіей взятый Донскими казаками Азовъ, или же отдать его туркамъ обратно? Изъ отвѣта дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ видно, что еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ дѣятельная роль сословныхъ пред-

ставителей, то-есть, земскихъ соборовъ, кончилась въ 1622 г., и что всѣ дѣла перешли въ руки бояръ и дьяковъ. Вотъ слова означенныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ на соборѣ 1642 года: „А твои государевы діаки и подъячіе пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами и, будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатествомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, и покупили многія вотчины и домы свои сстроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь-сказаемыя, блаженныя памяти при прежнихъ государѣхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жити“. На этомъ соборѣ высказаны были рѣзкіе упреки и противъ своекорыстія церковныхъ іерарховъ и монастырей, которые не поставили положеннаго по закону числа даточныхъ людей, то-есть, ратниковъ пѣшихъ и конныхъ, съ церковныхъ и монастырскихъ имѣній. „Вели, государь“, говорятъ выборные,—„съ тѣхъ патріаршихъ, и митрополичьихъ, и архіепископовыхъ, и епископовыхъ, и съ монастырскихъ вотчинъ и со всего священническаго чину вотчинъ взять даточныхъ людей пѣшихъ и конныхъ, сколькихъ крестьяниновъ ты, государь, укажешь; а вели, государь, у всѣхъ своихъ государевыхъ властей (то-есть, іерарховъ) ихъ вотчинамъ имать росписи съ большимъ допросомъ, по своему государеву указу, по ихъ святительскому и иноческому обѣщанію, что за ними крестьянъ“. Далѣе выборные просятъ: „утаенныхъ крестьянъ вели, государь, взять на себя государя“. Понятно, что подобные голоса были не пріятны такому вліятельному сословію, какъ духовенство, и такой вліятельной корпораціи, какъ дьяки и подъячіе. Вѣроятно, при патріархѣ Филаретѣ, столь благосклонномъ къ духовенству, допущены были большія послабленія въ сборѣ даточныхъ людей съ церковныхъ и монастырскихъ имѣній. При немъ же, вѣроятно, усилились и обогатились и дьяки такъ, какъ никогда не бывало, по словамъ выборныхъ, при прежнихъ царяхъ. Если возвышеніе дьяковъ на счетъ боярства было въ духѣ Іоанна, то усиленіе вліянія церковной іерархіи, чрезъ обогащеніе ея, никогда не входило въ расчеты Грознаго. Филаретъ, конечно, понималъ царя Ивана; но положеніе вещей было таково, что патріарху опасно было трогать сильное тогда духовенство, главную опору противъ засыпавшаго боярства.

О боярахъ на этомъ соборѣ говорится только мимоходомъ. Дворяне и дѣти боярскіе Нижняго-Новгорода, Муромцы и Лушане на вопросъ, что̀ дѣлать съ Азовомъ, гдѣ взять денегъ и людей, отвѣ-

чали: „въ томъ... государская воля, и бояре — вѣчные наши господа промышленники“. Московскіе дворяне, Беклемишевъ и Желябужскій, подавшіе отдѣльное мнѣніе, наполнили свой отвѣтъ благочестивыми разсужденіями, которыми они только прикрываютъ свое своекорыстіе: пусть де государь—говорили они—возьметъ вольныхъ людей, сколько хочетъ, „опричь крѣпостныхъ и кабальныхъ людей“. Изъ этого мнѣнія видно, какъ заботливость о сохраненіи за собою крѣпостныхъ и кабальныхъ заслоняла у дворянъ и дѣтей боярскихъ вниманіе къ настоятельнымъ нуждамъ государства. Беклемишевъ и Желябужскій лишь высказали откровенно то, о чемъ другіе молчали; никто изъ сословія дворянъ и дѣтей боярскихъ не думалъ противорѣчить этому, якобы отдѣльному мнѣнію. Они справедливо указывали на своекорыстіе духовенства и дьяковъ, но и сами должны подвергнуться тому же упреку. Заботливость о сохраненіи за собою крѣпостныхъ и кабальныхъ, нежеланіе уступить государству въ нуждѣ даже ничтожный процентъ своихъ крѣпостныхъ и кабальныхъ лучше всего даютъ понятіе о бѣдности умственныхъ и нравственныхъ силъ въ тогдашнемъ обществѣ.

Замѣчательны жалобы выборныхъ отъ торговыхъ людей на злоупотребленія воеводъ и на отнятіе выборнаго начала, даннаго Грознымъ. „А при прежнихъ государѣхъ“, говорили торговые люди,—„въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежь себя, а воеводъ въ городѣхъ не было; а воеводы были посыланы, по прежнихъ государей указу, съ ратными людьми только въ украинные городы для береженья отъ тѣхъ же турскихъ и крымскихъ и ногайскихъ татаръ“ [1]). Губные старосты введены были при Грозномъ, при немъ же воеводъ посылали только въ украйные города, и потому эти слова выборныхъ отъ торговыхъ людей лучше всего свидѣтельствуютъ о заботливости Грознаго вырвать народъ изъ-подъ ярма служилыхъ людей. Выше же приведенныя слова дѣтей боярскихъ о неправильно нажитомъ богатствѣ дьяковъ, со ссылкой опять на прошлое время, показываютъ, что Грозный, возвышая дьяковъ на счетъ бояръ, дѣлая изъ нихъ орудіе въ этой борьбѣ, не думалъ, выводя народъ изъ-подъ одного ярма, подводить его подъ другое. Но было бы ошибочно думать, что отступленіе отъ дороги, проложенной Грознымъ, началось только по окончаніи Смутнаго вре-

---

[1]) О соборѣ 1642 г. см. Собраніе государств. грам. и догов., т. III, стр. 378 и слѣд.

мени. Это отступленіе началось тотчасъ по смерти Грознаго, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и прежде всего въ сферѣ церковной, въ учрежденіи патріаршества. Отступленіе въ этомъ направленіи продолжалось при Филаретѣ, а при Алексѣѣ Михайловичѣ достигло до такой степени, что потребовалась желѣзная рука Петра Великаго для возстановленія дѣла Грознаго.

Земскій соборъ 1642 г. былъ послѣднимъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, въ 1645 г., созванъ былъ земскій соборъ, на которомъ, по свидѣтельству Котошихина и Олеарія, Алексѣй Михайловичъ какъ бы выбранъ былъ на престолъ. Этотъ выборъ былъ только исполненіемъ формальности; ибо тотъ же Котошихинъ заявляетъ, что когда „нынѣшняго царя обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что̀ прежніе цари давывали, и не спрашивали“. На этомъ соборѣ поданы челобитныя объ изданіи уложенія, что̀ и было исполнено и утверждено соборомъ 1649 г. Но прошла уже та пора, когда, какъ въ 1617 г., бояре говорили англійскому послу Джону Мерику: „а того безъ согласія всей земли сдѣлать нельзя“. Съ теченіемъ времени большею частію обходились безъ этого согласія, при чемъ не видно, чтобы бояре, вѣчные наши господа промышленники, какъ ихъ называли дѣти боярскіе на соборѣ 1642 г., заботились о спросѣ всей земли. Напротивъ, вѣрные фамильнымъ традиціямъ, они считали только себя прирожденными совѣтниками верховной власти. Однако, когда поднимались внутреннія смуты, тогда верховная власть снова обращалась къ земскимъ соборамъ. Въ 1650 г. во Псковѣ вспыхнулъ опасный бунтъ, и царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился подѣйствовать на мятежниковъ посредствомъ земскихъ выборныхъ и созвалъ соборъ, посланцы котораго своими убѣжденіями утишили мятежъ, не уступавшій даже силѣ. Въ 1653 году созванъ былъ земскій соборъ по поводу заявленія гетмана Богдана Хмельницкаго о желаніи возсоединенія Малороссіи съ Великороссіей. Дѣло рѣшено было уже до собора 1653 г., но правительству все-таки оказался нуженъ земскій авторитетъ. Г. Загоскинъ, вслѣдъ за Соловьевымъ, справедливо считаетъ этотъ соборъ послѣднимъ земскимъ соборомъ Московскаго государства. Окрѣпшая власть считала себя на столько сильною, что признавала возможнымъ обходиться безъ соборовъ. Все, что̀ она могла извлечь изъ нихъ для своего укрѣпленія, она извлекла. Встрѣчающіяся потомъ совѣщанія, даже совѣщаніе 1682 г. при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, не имѣли характера земскаго собора, ибо не были всесословны. Все-

сословность была сущностью земскихъ соборовъ, — собранія же совѣщательныя, подобныя собранію служилыхъ людей для совѣщанія о мѣстничествѣ въ 1682 г., походили скорѣе на временныя коммиссіи, хотя рѣшенія коммиссіи 1682 года и названы въ Актахъ соборнымъ дѣяніемъ.

Что же дѣлало въ XVII вѣкѣ боярство, ослабленное смутой и убылью знатнѣйшихъ родовъ изъ среды его [1])? Сохранивъ за собою внѣшній почетъ, оно не замѣчало своего паденія, и всѣ потрясенія временъ Грознаго и Смуты прошли для него какъ бы даромъ. Слова Наполеона I о Бурбонахъ, что они ничему не научились и ничего не позабыли, очень идутъ къ русскому боярству XVII в. Оно ничему не научилось, хотя кое-что и забыло, а вслѣдствіе того все потеряло. Даже Разинскій бунтъ, направленный преимущественно противъ боярства, и тотъ не вразумилъ его. Едва прошло десять лѣтъ послѣ этого бунта, какъ среди боярства обнаружилась олигархическая попытка, грозившая большею опасностію Россіи; эта попытка видна изъ слѣдующаго боярскаго проекта, который, вмѣстѣ съ громадными притязаніями боярства, показываетъ и полное пренебреженіе имъ государственныхъ интересовъ и совершенное непониманіе обстоятельствъ и времени, среди которыхъ жили составители проекта. Въ 1681 году, когда возбужденъ былъ вопросъ объ уничтоженіи мѣстничества, „палатстіи бояре“ предложили проектъ, по которому въ Великомъ Новгородѣ, въ Казани и другихъ областяхъ были бы царскіе намѣстники „великородные бояре“ вѣчно, и носили бы они титла тѣхъ царствъ, гдѣ кто будетъ; одинъ, напримѣръ, писался бы бояриномъ и намѣстникомъ, княземъ всего царства Казанскаго, другой—царства Сибирскаго и проч. [2]). Такимъ образомъ въ 1681 году проектировалось ни много, ни мало — раздробленіе Россіи на удѣлы, подъ именемъ намѣстничествъ. И царь Ѳедоръ Алексѣевичъ склоненъ былъ изъявить согласіе на подобный проектъ; только патріархъ Іоакимъ съ

---

[1]) Въ замѣнъ убылыхъ родовъ прибыли, скажутъ, новые: Милославскіе, Нарышкины, Матвѣевы, Апраксины. Но эти боярскіе роды XVII в., равно какъ княжескіе и графскіе роды XVIII в., ничего общаго съ древнимъ боярствомъ не имѣли. Эти роды не могли говорить: царь жалуетъ помѣстьями, *а не отечествомъ* (то-есть, родовою частью),—ибо всѣмъ были обязаны царской власти. Они не могли считать себя наслѣдственными совѣтниками царей по праву рожденія, ибо вся служба ихъ дѣтей основывалась на милости царя, въ волѣ котораго было возвышать ихъ потомство или оставлять довольствоваться титуломъ.

[2]) *Ключевскій.* Боярская дума, стр. 482, 489.

большимъ трудомъ удержалъ его отъ исполненія этого гибельнаго для государя и Россіи плана.

Не служитъ ли этотъ проектъ иллюстраціей къ исторіи Грознаго? Этотъ проектъ, извлеченный профессоромъ Ключевскимъ изъ „Иконы или Изображенія дѣлъ патріаршаго престола“, подтверждается докладною запискою, поданною царю Ѳедору Алексѣевичу и напечатанною въ четвертой части Собранія Госуд. Грамотъ и Договоровъ (стр. 372—373). Боярская дума номинально просуществовала все первое десятилѣтіе XVIII вѣка; но дѣла все болѣе и болѣе стягивались въ неродословной ближней канцеляріи, пока въ 1711 году боярская дума окончательно не замѣнилась сенатомъ. Исторіи уже нельзя было сказать: насъ изъ думы не вываживали.

Иначе и быть не могло съ сословіемъ, которое больше хлопотало о родовой чести, чѣмъ о благѣ Россіи. Когда, въ 1699 г., Петръ Великій вводилъ начала самоуправленія и учредилъ ратушное управленіе, то бояре сильно возстали противъ этого учрежденія на томъ основаніи, что честь собирать царскіе доходы всегда принадлежала боярству и вообще служилому сословію, и что царь наноситъ ему оскорбленіе, передавая это дѣло въ руки мужиковъ и холоповъ. Но эта историческая справка была сдѣлана не вѣрно. Ратушное правленіе Петра Великаго не было новизною. Этимъ учрежденіемъ только возстановлялось самоуправленіе, данное городамъ Грознымъ, который лишилъ дворянъ и дѣтей боярскихъ чести собирать царскіе доходы съ народа.

Съ такими взглядами на вещи и съ проектами, подобными вышеуказанному, не возможно было боярству устоять во главѣ народа, и оно пало само собою, но въ паденіи своемъ увлекло и всѣ задатки бывшаго земскаго самоуправленія, которое потомъ не разъ приходилось вводить вновь. Трудно ли было дьякамъ держать въ своихъ рукахъ бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, боявшихся, какъ бы у нихъ не поубавили кабальныхъ и крѣпостныхъ людей.

Бояре считали себя прирожденными совѣтниками государей. Мы видѣли изъ жалобъ на соборѣ 1642 г., въ какомъ положеніи были дѣла царства при Михаилѣ Ѳедоровичѣ; они еще ухудшились при сынѣ его. Въ затруднительномъ финансовомъ положеніи Россіи совѣты давались плохіе; во время Польской войны, въ 1661 г., ничего не было придумано, кромѣ мѣдныхъ денегъ, пущенныхъ въ оборотъ за серебряныя, что̀, разумѣется, повело къ разоренію массы народа. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича происходили неоднократные

бунты. Въ концѣ царствованія произошелъ страшный бунтъ Разина. Масса крови была пролита и во время этихъ мятежей, и во время ихъ усмиренія. Говорятъ о кровавыхъ казняхъ Іоанна и Петра; но если сравнить число жертвъ ихъ террора, подъятаго все-таки во имя блага Россіи, съ количествомъ жертвъ, падшихъ во время мятежей и религіозныхъ преслѣдованій при Алексѣѣ Михайловичѣ, то это количество едва ли не будетъ вдвое болѣе суммы жертвъ терроризма Грознаго и Петра. Въ одномъ Разинскомъ возмущеніи, съ усмиреніемъ его, жертвы надобно считать десятками тысячъ. И эти жертвы—результатъ хищничества воеводъ, дьяковъ, помѣщиковъ, изъ которыхъ первые или сами были изъ бояръ, или пользовались ихъ покровительствомъ. И они же еще жаловались, когда Алексѣй Михайловичъ сталъ совѣтоваться съ однимъ Ордынымъ-Нащокинымъ. Самоуправленіе Пскова, выработанное Ордынымъ-Нащокинымъ, было разрушено Гедеминовичемъ Хованскимъ [1]). На Ордына-Нащокина роптали тѣ же бояре за псковское самоуправленіе: воеводамъ де нечего дѣлать—все во Псковѣ мужики дѣлаютъ, то-есть, по-просту—воеводамъ нельзя было брать болѣе посуловъ.

Боярство, тѣсня другія сословія, очутилось въ концѣ Московскаго періода и само въ какомъ-то постоянномъ надзорѣ. Всѣ бояре ежедневно два раза должны были являться во дворецъ. Нужно было кому-либо изъ бояръ идти въ гости, на имянины ли, на крестины или на свадьбу, онъ долженъ былъ отпрашиваться. Домашняя жизнь боярства извѣстна только по внѣшней обрядности и обстановкѣ. Вотъ какъ Котошихинъ, въ XIII главѣ своей книги „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, разказываетъ о домашней жизни бояръ и думныхъ людей: „Да бояре жъ, и думные, и ближніе люди въ домѣхъ своихъ держатъ людей, мужского полу и женского, человѣкъ по 100 и по 200 и по 300 и по 500 и по 1000, сколко кому мочно, смотря по своей чести и по животамъ; и даютъ тѣмъ людемъ жалованье, погодное, женатымъ рубли по два и по три и по пяти и по десяти, смотря по человѣку и по службѣ ихъ, да имъ же платье какое прилучится, хлѣбъ и всякой харчь, помѣсечно, а живутъ они своими покоями на томъ же боярскомъ дворѣ или на иныхъ. Да ихъ же женатыхъ добрыхъ людей посылаютъ они бояре, по-

---

[1] Такова судьба многихъ дѣлъ при Алексѣѣ Михайловичѣ: одинъ бояринъ сдѣлаетъ, другой передѣлаетъ. Въ это собственно царствованіе исчезли всѣ слѣды земскаго самоуправленія. Созданное Іоанномъ погибло въ XVII в.

годно, въ вотчины свои, въ села и въ деревни, по приказомъ, по перемѣнамъ, и укажутъ имъ съ крестьянъ своихъ имати жалованье и всякіе поборы, чѣмъ бы имъ было поживится“, и пр.

Итакъ, люди, изъ этой толпы дармоѣдовъ, угодившіе чѣмъ-нибудь боярину, посылались въ помѣстья брать поборы съ крестьянъ, чтобъ имъ было чѣмъ поживиться: система кормленія, перенесенная изъ государства въ помѣстья. Каково же было положеніе посадскихъ и особенно крестьянъ! На счетъ ихъ кормились дьяки, подъячіе, воеводы, бояре, дворня бояръ, родственники воеводъ. Взяточничество и поборы родственниковъ воеводъ—не наобумъ сказанныя слова, а подтверждаются фактами. При Алексѣѣ Михайловичѣ крестьяне Великоустюжскаго уѣзда жаловались на воеводъ, князя Гаврилу Мышецкаго и Якова Змѣева, за ихъ поборы, при чемъ оказалось, что у Змѣева было двое племянниковъ, которые для себя обирали по двѣ гривны, да дворецкіе ихъ по гривнѣ съ сошки. Мудрено ли, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича бунтъ слѣдовалъ за бунтомъ. Чѣмъ же развлекались бояре въ своихъ городскихъ усадьбахъ? Послушаемъ того же Котошихина: „Дѣвицъ и вдовъ (изъ дворни) выдаютъ они бояре замужъ, съ надѣлкомъ, за своихъ дворовыхъ слугъ, кто кого излюбитъ, или времянемъ бываетъ выдаютъ черезъ неволю; а свадьбы играютъ въ ихъ боярскихъ хоромехъ, какъ чинъ повелся всякого чина людемъ женитися; а ѣства и питье, и платье нарядное, бываетъ все боярское“. Съ виду очень патріархально; но не превращались ли эти свадьбы большею частію въ оргіи?... Домочадцамъ опасно было выносить соръ изъ избы. Общая необразованность XVII вѣка, когда просвѣщеніе ограничивалось у насъ, за небольшимъ исключеніемъ, азбукой, и затѣмъ бытъ помѣщичій въ XVIII вѣкѣ заставляютъ предполагать, что въ этихъ городскихъ усадьбахъ совершалось много злаго и дикаго. Не забудемъ, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ Москвѣ житья не было отъ разбоевъ, и что главными разбойниками были боярскіе холопы.

Среди бояръ въ концѣ XVII вѣка встрѣчаются однако и просвѣщенные люди,—время свое брало; но въ общемъ надъ всѣмъ обществомъ царилъ какой-то духъ неподвижности и, главное, страшной нетерпимости. Въ царствованіе Грознаго, какъ мы видѣли, Башкинъ за отрицаніе христіанскихъ догматовъ подвергся только ссылкѣ; въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича составился проектъ академіи, въ

которомъ учащійся или учащій за малѣйшее подозрѣніе въ неправославіи обрекался сожженію.

Но вина печальнаго состоянія администраціи и просвѣщенія въ Россіи передъ эпохою преобразованія падаетъ не на однихъ бояръ; значительную долю вины несутъ на себѣ дьяки; посмотримъ же на ту часть, въ которой они властвовали безраздѣльно, именно на состояніе военнаго дѣла.

Вотъ въ какихъ краскахъ крестьянинъ Посошковъ рисуетъ русскую рать XVII вѣка: „У пѣхоты ружье было плохо, и владѣть имъ не умѣли; только боронились ручнымъ боемъ, копіями, бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ на непріятельскую голову по 3 и 4, и гораздо больши.... А естьли на конницу посмотрѣть, то... зазорно; въ началѣ у нихъ клячи худыя, сабли тупыя, сами неумѣлые... Иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, а не, что ему стрѣлить по цѣли хорошенько... И егда, бывало, убьютъ татариновъ дву или трехъ, то всѣ смотрятъ на нихъ и дивуютца и ставятъ себѣ то въ удачу; а своихъ хотя человѣкъ сотню положили, то ни во что вмѣняютъ.... Попеченія о томъ не имѣютъ, чтобъ непріятеля убить; о томъ лишь печетца, какъ бы домой быть [1]); а о томъ еще молятца и Богу, чтобъ рана нажить легкая, чтобъ не гораздо отъ нее поболѣть, а отъ великаго государя пожалована бъ за нее быть; и на службѣ того и смотрятъ, чтобъ гдѣ во время бою за кустомъ притулиться... А то я у многихъ дворянъ слыхалъ: дай де Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать“. Понятно, что войска, которыя были тогда, крайне деморализировались подъ управленіемъ и предводительствомъ вождей, лишенныхъ всякаго понятія о военной чести, любви и знанія дѣла. Стрѣлецкое войско, когда-то славное и единственное въ Московской Руси, которое не бѣгало отъ врага, начало разлагаться и деморализироваться въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича; деморализація усилилась въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, особенно во время управленія стрѣлецкимъ приказомъ князьями Долгоруковыми, Юріемъ Алексѣевичемъ и его сыномъ Михаиломъ Юрьевичемъ, когда злоупотребленія въ стрѣлецкомъ приказѣ перешли всякую мѣру. Эти злоупотребленія весьма наглядно выражены въ челобитной стрѣльцовъ на полковника Грибоѣдова. Вотъ эти жалобы: а) чинилъ налоги и ради взятокъ билъ батогами нещадно,

[1]) Ср. во 2-й главѣ упреки Грознаго боярамъ за ихъ ропотъ во время Казанскаго похода.

взявши въ руки батоги по два, по три, по четыре; б) на стрѣлецкихъ земляхъ устроилъ огороды и заставлялъ покупать овощи съ этихъ огородовъ; в) посылалъ на работы въ свои деревни стрѣльцовъ и дѣтей ихъ на ихъ же подводахъ; г) заставлялъ стрѣльцовъ строить на себя загородный домъ и не отпускалъ съ работы даже на Святую недѣлю; д) удерживалъ жалованье и за деньги отпускалъ съ крауловъ; е) на сборныя стрѣлецкія деньги дѣлалъ закупки для себя; ж) бралъ къ себѣ на дворъ деньщиковъ по многу и заставлялъ чистить отхожія мѣста.—Цари, окруженные боярствомъ, ничего не знали объ этихъ злоупотребленіяхъ, пока не вспыхнулъ стрѣлецкій бунтъ 1682 года [1]).

Замѣчательно, что такіе же безпорядки обнаружились и въ Бутырскомъ полку, въ первомъ полку регулярнаго войска, заводившагося до Петра; и въ тогдашніе регулярные полки проникала та же деморализація, и въ нихъ вслѣдствіе деморализаціи дисциплина все болѣе и болѣе падала, и батоги не могли замѣнить вождей, понимавшихъ нравственный долгъ; жестокія наказанія не дѣйствовали. Солдаты регулярныхъ полковъ ходили толпами по кружечнымъ дворамъ и по корчмамъ и наводили ужасъ своимъ буйствомъ.

При такихъ порядкахъ еще можно было одолѣть толпы Разина и кое-какъ отражать азіатскихъ варваровъ, и то благодаря огнестрѣльному оружію. Въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича въ европейскія ворота между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ ворвалась одна Калмыцкая орда, и не смотря на ея грабежи, ее не могли вытѣснить. Главная же Калмыцкая орда грабила и жгла города въ Сибири. Послѣ долго пришлось возиться съ этою азіатскою бестіей, какъ выражался Петръ Великій, и только благодаря огнестрѣльному бою калмыки не напомнили Россіи временъ Батыевыхъ. Въ столкновеніи съ европейскими сосѣдями мы терпѣли одну неудачу за другою. Даже Польши, ослабленной казацкими войнами, мы одолѣть не могли; не говоримъ о войнахъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, когда Россія ослаблена была Смутнымъ временемъ; говоримъ о войнахъ при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича Россія иностранцамъ казалась такою слабою, что Джонъ Мерикъ въ 1617 г. составилъ

---

[1]) Стрѣлецкіе бунты и подготовлены были дѣйствіями стрѣлецкихъ полковниковъ. О степени участія Милославскихъ въ этомъ бунтѣ см. нашу замѣтку о книгѣ *М. П. Погодина*: „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго“—въ журналѣ *Древняя и Новая Россія* за 1875 г., № 10.

проектъ прибрать Россію въ британскія руки, взять ее подъ покровительство короля Англіи [1]). Въ первую Польскую войну въ царствованіе Алексѣя Михайловича, неожиданную для Польши, въ первый походъ русскіе овладѣли Смоленскомъ, Могилевомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ. Въ то же время въ Польшу вторгся Карлъ X, король Шведскій. Во второй походъ, пользуясь оцѣпѣненіемъ Польши и расположеніемъ къ намъ народа, мы безъ боя заняли Минскъ, Ковно, Гродно, Пинскъ, Вильну и почти все Литовское княжество, а Хмельницкій доходилъ до Люблина. Пояснимъ тайну успѣховъ, мало зависѣвшихъ отъ воеводъ нашихъ. Вотъ что̀ пишутъ поляки о началѣ этой войны: „Мужики очень намъ (то-есть, полякамъ) враждебны, вездѣ на царское имя сдаются и дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ сама Москва; если это зло будетъ и далѣе распространяться, надобно будетъ опасаться чего-нибудь въ родѣ казацкой войны“ (Соловьевъ, Ист. Росс. т. X, стр. 320). Здѣсь рѣчь идетъ о Бѣлоруссіи, слѣдовательно, и тутъ опасались такой же народной войны, какъ въ Малороссіи. Но воеводы наши успѣли уже въ первую войну испортить расположеніе къ намъ жителей. Новгородскіе дѣти боярскіе въ жалобахъ на Урусова и Барятинскаго сообщали о подвигахъ этихъ воеводъ: Урусовъ отбиралъ себѣ плѣнныхъ, выбиралъ лучшихъ дѣвицъ и женъ, бралъ къ себѣ силой и, продержа въ не много, отсылалъ въ Великія Луки. Урусовъ и Барятинскій запрещали дѣтямъ боярскимъ подъ смертною казнію брать что-либо у жителей, а сами утварь въ костелахъ, по мѣстечкамъ, въ панскихъ маетностяхъ, въ мѣщанскихъ домахъ всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы брали и, отягчась добычею, шли подъ Брестъ очень медленно, а ихъ (то-есть, новгородскихъ дѣтей боярскихъ) морили голодомъ (тамъ же, стр. 342).

Во вторую войну съ Польшею дѣла наши пошли плохо: Малороссія замутилась, гетманъ Выговскій разбилъ князя Трубецкаго подъ Конотопомъ, князя Ромодановскаго—подъ Нѣжинымъ. Польскій воевода Чарнецкій разбилъ князя Хованскаго подъ Слонимомъ, потомъ разбилъ князя Долгорукаго и очистилъ всю Литву отъ русскихъ войскъ, за исключеніемъ Вильны, которая еще держалась. Бояринъ Шереметевъ на Волыни сложилъ оружіе передъ княземъ Любомірскимъ подъ Чудновымъ. Особенно сильно поразило царя извѣстіе о пораженіи князя Трубецкаго подъ Конотопомъ, которому предшествовалъ разгромъ русской конницы подъ начальствомъ кня-

---

[1]) Московія, Джона Мильтона, въ переводѣ *Ю. В. Толстого*, изд. 1875 г., стр. 75.

зей Пожарскаго и Львова, попавшихся въ плѣнъ къ татарамъ. „Никогда“, говоритъ Соловьевъ,—„царь Алексѣй Михайловичъ не былъ въ состояніи вывести въ поле такого сильнаго ополченія. Въ печальномъ платьѣ вышелъ царь Алексѣй Михайловичъ къ народу, и ужасъ напалъ на Москву“ (Ист. Р., т. XI). Еще сильнѣйшій ужасъ поразилъ царя и народъ, когда пришла вѣсть, что Шереметевъ сдался съ войскомъ и сидитъ въ кандалахъ, въ плѣну у Крымскаго хана. Шереметевъ въ пораженіи своемъ винилъ князя Барятинскаго, котораго онъ звалъ на помощь, а Барятинскій, по словамъ Шереметева, выступивъ изъ Кіева и не дойдя до него, Шереметева, поворотилъ назадъ, пограбилъ много мѣстечекъ и деревень, а гетману (Юрію Хмельницкому), который также его ждалъ, помощи не далъ. Извѣстно, что тогда Юрій Хмѣльницкій перешелъ на сторону поляковъ. Изъ воеводъ выказалъ бо̀льшую твердость князь Данило Мышецкій, сидѣвшій въ Вильнѣ и погибшій вслѣдствіе общей деморализаціи. Мышецкій, видя невозможность отстоять Вильну, хотѣлъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ взорвать себя на воздухъ, но солдаты, провѣдавъ объ этомъ, схватили воеводу и выдали его королю. Побѣги изъ полковъ совершались безпрерывно и въ огромныхъ размѣрахъ: у стрѣлецкаго головы Колупаева изъ 393 человѣкъ бѣжало 174, у полковника Дефрома—изъ 556 человѣкъ сбѣжало 226.

Вотъ къ чему привела Россію столѣтняя боярская реакція мѣрамъ Грознаго, направленнымъ между прочимъ къ тому, чтобъ оцѣнивать личность человѣка не по породѣ, а по заслугамъ. Свое же дѣло боярство довело до тихой, почти не замѣченной исторіей кончины родословной боярской думы.

Все сказанное здѣсь, очевидно, указываетъ на необходимость и неизбѣжность крутой реформы сверху, вслѣдствіе отсутствія, въ тогдашнемъ обществѣ, всякой способности къ самопомощи: Петръ Великій былъ отвѣтомъ на призывъ исторіи.

2007081186